

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Уральское отделение Вольного экономического общества России
Уральский государственный экономический университет

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

МАТЕРИАЛЫ
V Международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 19 мая 2022 г.)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Уральское отделение Вольного экономического общества России
Уральский государственный экономический университет

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА
ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

М а т е р и а л ы
V Международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 19 мая 2022 г.)

Екатеринбург
2022

УДК 341.1/8:341.9:331.104(082)

ББК 67.9+67.93я431

П78

Ответственный за выпуск

кандидат экономических наук, доцент

А. В. Курдюмов

Ответственный редактор

кандидат филологических наук, доцент

Н. С. Громова

П78 **Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании цифровизации экономических отношений** : материалы V Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 19 мая 2022 г.) / ответственный за выпуск А. В. Курдюмов, ответственный редактор Н. С. Громова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральское отделение Вольного экономического общества России, Уральский государственный экономический университет. — Екатеринбург : УрГЭУ, 2022. — 151 с.

В сборник вошли результаты научных исследований участников конференции, проведенной Уральским государственным экономическим университетом. Тематика публикаций обширна: в сборнике представлен анализ широкого спектра вопросов, связанных с изучением проблем взаимодействия публичного и частного права, поиском баланса способов регулирования различных экономических отношений, а также рассмотрением аспектов взаимодействия личности, общества и государства в экономической сфере.

Для ученых, аспирантов, магистрантов и бакалавров, практических работников, а также лиц, интересующихся актуальными вопросами регулирования экономических отношений.

УДК 341.1/8:341.9:331.104(082)

ББК 67.9+67.93я431

© Авторы, указанные в содержании, 2022

© Уральский государственный
экономический университет, 2022

А. Л. Анисимов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Проблемы обеспечения баланса экономических и правовых интересов налогоплательщиков и налоговых органов

Аннотация. В статье рассмотрен ряд актуальных проблем, связанных с обеспечением баланса экономических и правовых интересов налогоплательщиков и налоговых органов Российской Федерации. Обоснована необходимость интеграции организационно-правовых и психологических инструментов эффективного взаимодействия указанных субъектов хозяйствования.

Ключевые слова: налогоплательщики; налоговые органы; баланс интересов; доверие налогоплательщиков; эффективность взаимодействия.

Обеспечение баланса экономических и правовых интересов налогоплательщиков и налоговых органов формирует комплекс актуальных правовых, экономических, а также социальных и политических проблем, в котором краткосрочные личные интересы налогоплательщиков по минимизации налоговых платежей противоречат государственным долгосрочным интересам по предоставлению достаточных налоговых средств для производства и распределения общественных благ.

Данный комплекс проблем может быть разрешен, если соблюдение налогового законодательства будет гарантировано не только властными полномочиями налоговых органов, но и доверием к ним со стороны налогоплательщиков. Соответственно, имеет место объективная необходимость, во-первых, эффективного налогового администрирования [6, с. 78], а во-вторых, научно обоснованной концептуализации указанного комплекса проблем с помощью разграничения законной, но принудительной власти и обоснованного, но неявного доверия налогоплательщиков [2, с. 35; 8, р. 13].

Понимание природы и сущности такой концептуализации может быть получено в результате изучения и обобщения с позиций системно-целостного подхода соответствующего комплекса научных исследований, посвященных, в частности, организационному поведению и социальному влиянию, на основании чего можно будет сделать ряд выводов о влиянии, например, динамики между властью и доверием к ней на климат взаимодействия между налогоплательщиками и налоговыми органами, а также вывод о последующей индивидуальной мотивации сотрудничества в сфере, например, полноты и своевременности налоговых платежей [1, с. 701; 7, р. 363].

Такого рода концептуальные теоретические предположения могут и должны быть использованы государством для расширения эффективного и уважительного взаимодействия между налогоплательщиками и налоговыми органами в целях изменения климата взаимодействия с враждебного на климат обслуживания и доверия.

Соответственно, во главе угла должен быть тезис о том, что не налогоплательщики созданы и существуют для налоговых органов, но налоговые органы созданы и существуют для налогоплательщиков, что, несомненно, является основой эффективного взаимодействия налоговых органов с налогоплательщиками [5, с. 225].

Естественно, налогоплательщики ценят и пользуются общественными благами в сфере образования, здравоохранения, охраны правопорядка, национальной безопасности, однако финансирование производства таких благ за счет уплаты налогов представляет собой, как было указано выше, комплексную экономическую, правовую, социальную и организационную проблему, в которой индивидуальный краткосрочный интерес к минимизации уплаты налогов противоречит долгосрочному коллективному интересу обеспечить достаточные налоговые платежи для финансирования общественных благ [4, с. 53].

В целях преодоления данной проблемной ситуации и обеспечения баланса интересов налогоплательщиков и налоговых органов, достижения высокого уровня соблюдения налогового законодательства, государство в лице налоговых органов должно полагаться на ряд следующих основные меры.

К первой группе мер относятся меры властного характера, такие как проверки и штрафы, а вторая группа мер — это меры, связанные с достижением баланса интересов, с доверием между налоговыми органами и налогоплательщиками в виде проведения налоговыми органами консультаций для налогоплательщиков, разъяснений отдельных положений налогового законодательства.

С первого взгляда может показаться, что власть и доверие несовместимы и противоположны друг другу, а с другой стороны, власть и доверие явно связаны в определенной динамике, в которой они взаимно разрушают или взаимно укрепляют друг друга что, в свою очередь, влияют на соблюдение налогового законодательства. При этом, как было отмечено выше, четкие теоретические предположения о динамике между властью налоговых органов и доверием налогоплательщиков отсутствуют [3, с. 33].

Отсюда возникает объективная необходимость продолжения научных исследований в данной области, что даст возможность концептуализации этой динамики и уточнения ее влияния на соблюдение налогового законодательства. Данная концептуализация в дальнейшем послу-

жит теоретической основой для научных исследований и выводов в части более полного соблюдения налогового законодательства с одной стороны и сотрудничества между налогоплательщиками и государством в лице налоговых органов в решении социальных проблем в целом.

Понятно, что налоговые проверки и санкции по результатам их проведения объективно необходимы для большей полноты взимания налогов, однако эти инструменты не являются единственными факторами, определяющими обеспечение налоговых поступлений в бюджет. При этом возникает вопрос, могут ли проводимые налоговые проверки и возможные последующие санкции по их результатам разрушить доверие между налогоплательщиками и государством в лице налоговых органов, поскольку они (проверки и санкции) снижают внутреннюю мотивацию к сотрудничеству между лояльными к государству и готовыми к сотрудничеству налогоплательщиками.

Таким образом, помимо организационно-правовых инструментов, таких как налоговые проверки и санкции, должны быть использованы соответствующие психологические инструменты, такие как мотивация к соблюдению требований налогового законодательства, отношение налогоплательщиков к государству, правительству и налогообложению, прозрачность и понимание налогового законодательства, личные и социальные нормы ответственности, а также восприятие справедливости — это представляется не менее важными моментами, которые влияют на соблюдение налогового законодательства.

Из вышесказанного вытекает актуальная задача, стоящая перед государством, суть которой заключается в интеграции организационно-правовых и психологических инструментов (факторов) во всеобъемлющую двумерную систему, которая должна объединять организационно-правовые инструменты, определяющие восприятие налогоплательщиками способности налоговых органов выявлять и наказывать лиц, уклоняющихся от уплаты налогов, и инструменты, которые охватывают психологические основы соблюдения налогового законодательства, является результатом общего мнения налогоплательщиков о том, что налоговое законодательство и нормативные акты ясны и просты в исполнении, а также о том, что налоговые органы действуют справедливо и доброжелательно в интересах общества.

На уровне отдельного налогоплательщика данная система проводит различие между двумя мотивами соблюдения налогового законодательства: принудительным соблюдением и добровольным сотрудничеством. Принудительное соблюдение требований является результатом полномочий налоговых органов, в то время как добровольное сотрудничество обусловлено доверием налогоплательщиков к налоговым органам.

Библиографический список

1. *Закирова Э. Р., Ялунина Е. Н.* Проблемы и пути решения в сфере улучшения доступности финансовых инструментов для малого и среднего предпринимательства // Экономика и предпринимательство. — 2019. — № 9 (110). — С. 699–702.
2. *Колоткина О. А.* Соотношение индивидуального и коллективных интересов в процессе обеспечения национальной безопасности // Вестник Гуманитарного университета. — 2016. — № 4 (15). — С. 34–37.
3. *Курдюмов А. В., Измоденов А. К.* Стратегический аудит: современное состояние и направления развития // Аудиторские ведомости. — 2020. — № 2. — С. 30–35.
4. *Курдюмов А. В., Шеина Е. Г., Петрова О. В.* Внутренний государственный финансовый контроль на основе риск-ориентированного подхода. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2021. — 198 с.
5. *Семенова Г. Н., Маршавина Л. Я.* Взаимодействие налоговых органов с налогоплательщиками // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. — 2018. — № 2. — С. 225–234.
6. *Семенова Г. Н.* Налоговое администрирование: проблемы и технологии взаимодействия налогоплательщиков с налоговыми органами // Перспективы развития предпринимательства в России: сб. науч. тр. — М.: МГОУ, 2017. — С. 78–85.
7. *Balliet D., Van Lange P. A. M.* Trust, punishment, and cooperation across 18 societies // Perspectives on Psychological Science. — 2013. — Vol. 8, no. 4. — P. 363–379.
8. *Gangl K., Hofmann E., Kirchler E.* Tax authorities' interaction with taxpayers: a conception of compliance in social dilemmas by power and trust // New ideas in psychology. — 2015. — Vol. 37. — P. 13–23.

М. А. Анисимова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Антимонопольное регулирование как инструмент развития инновационных процессов в агросекторе

Аннотация. Статья посвящена проблемам формирования благоприятной конкурентной среды на агрорынке. Проведен анализ целесообразности регулирования исключительных прав в продукте. Обозначены направления, позволяющие сформировать систему мер для повышения конкурентоспособности отечественных агропредприятий.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование; интеллектуальная собственность; конкуренция; агрорынок.

Важнейшим приоритетом агросектора страны является обеспечение продовольственной независимости, а также обеспечение населения безопасной, качественной и доступной сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продовольствием. Антимонопольные инструменты представляют собой одну из мер государственной аграрной политики, направленной на формирование благоприятной конкурентной среды, преодоления зависимости внутреннего рынка от иностранного селекционного и генетического материалов и связанных с ними агротехнологий.

Современные тенденции экономического развития характеризуются возрастанием конкурентного напряжения на товарных рынках, включая агрорынки, формированием специфических форм конкурентной борьбы, обусловленных владением и распоряжением нематериальными активами. Монопольное положение компании на основе закрепления прав интеллектуальной собственности означает то, что она получает защиту от конкуренции путем использования исключительных прав в продукте. Злоупотребление исключительными правами сказывается на росте затрат бизнеса, цен на продовольственные товары.

Интеллектуальная собственность в экономике знаний является важнейшим ресурсом лидерства. Институт интеллектуальной собственности заключает в себе противоречие: с одной стороны, он охраняет идеи инноваторов, помогает им коммерциализировать разработки, с другой стороны, блокирует инновационное развитие, ограничивая компаниям доступ к знаниям и информации. Действующий режим интеллектуальной собственности соответствует интересам стран — экспортеров интеллектуальной собственности. Промышленно развитые страны и транснациональные корпорации обладают большими массивами интеллектуальной собственности, удерживают контроль за техническими достижениями и получением прибыли за счет исключительных прав.

Интеллектуальная собственность в сельском хозяйстве формировалась путем развития специального режима охраны селекционных достижений. Однако в результате разрешения большинством стран биотехнологических патентов генетические ресурсы слали стремительно обращаться в собственность. Эта тенденция способствовала изменению модели агробизнеса, предусматривающей широкое использование высокопроизводительных сортов растений, созданных методами современной микробиологии. Так, настоящее время на российском рынке семян отмечается неразвитость собственной семенной отрасли (производство и обработка семян и селекционная деятельность), высокая зависимость от импортных поставок семян по отдельным культурам, а также от зарубежных высокотехнологичных решений в области растениеводства. Процессы локализации отечественного производства семян на территории идут очень медленно и ограничиваются созданием производств по обработке семян или их мультипликации. Используя комплексный подход к реализации семенного материала, включая патентную и биологическую защиту, иностранные компании имеют преимущества на рынке семян.

В сформировавшейся структуре рынка семян заложены значительные риски, что в перспективе угрожает продовольственной безопасности страны. Важнейшей новой тенденцией рынка является усиливающаяся консолидация компаний, контроль рынка глобальных поставок семян тремя игроками, обладающими правами интеллектуальной собственности на генные и биотехнологии, обеспечивающие урожайность сельскохозяйственных культур [8, р. 23]. В условиях зависимости агрорынков России от генных технологий, отечественный агробизнес не может составить конкуренцию мировым семенным компаниям без доступа к таким технологиям.

Исследование является попыткой обосновать позицию к подходу антимонопольного регулирования интеллектуальной собственности с целью нивелирования рисков для конкуренции на агрорынках страны, что послужило основанием для выбора темы статьи и определило круг решаемых задач.

Основу исследования составили публикации современных отечественных и зарубежных ученых по вопросам антимонопольного регулирования агрорынков, оценки рисков ограничения доступа к инновационным продуктам и технологиям для потенциальных конкурентов, развития конкуренции на разных уровнях цепочки поставок продуктов питания [3, с. 969; 4, с. 62]. В разработку теоретических и практических вопросов расширения прав интеллектуальной собственности в производственно-сбытовой цепочке пищевых продуктов существенный

вклад внесли И. Лианос, К. Ломбарди [8, р. 24]. Современные аспекты развития конкуренции на мировом рынке семян нашли отражение в работе И. Лианоса, Д. Каталевского, А. Иванова [7, р. 63]. Связи между инновациями, трансформацией продовольственной системы и внедрением технологий раскрыты в исследованиях Т. Рирдона, Л. Лу, Д. Зильбермана [9, р. 286]. Однако вопросы, связанные с разработкой инструментов антимонопольного регулирования интеллектуальной собственности на агрорынках России, требуют более пристального внимания.

Методологическую основу в рамках исследования составил системный подход с использованием аналитического метода. Информационной основой исследования послужили данные ФАС России.

Антимонопольному регулированию и правам на интеллектуальную собственность специалисты отводят роль инициатора инновационных процессов. Отмечается их целевая ориентация на инновации, которые основаны на динамической конкуренции.

Права интеллектуальной собственности изначально являются в России исключением из правил конкурентных рынков. В экономической и юридической научной литературе активно обсуждается вопрос формирования общих принципов взаимодействия законодательства о конкуренции и права интеллектуальной собственности. Результаты научной дискуссии позволяют говорить о разных точках зрения в вопросе целесообразности антимонопольного регулирования интеллектуальных прав как нового института развития инноваций и конкуренции.

Критики вмешательства закона о конкуренции в права интеллектуальной собственности часто отмечают особенности различных объектов интеллектуальной собственности и обосновывают необходимость формирования антимонопольных практик по каждому из них. Кроме того, вмешательство законодательства о конкуренции в сферу оборота интеллектуальной собственности затормозит, по их мнению, процесс создания исследовательских подразделений крупными компаниями в России, ухудшит интеграцию передовых технологий растений в российскую практику, условия доступа российского бизнеса к инновациям [1, с. 38]. Анализируя состояние предпринимательского климата в различных странах ряд специалистов отмечают, что в результате применения антимонопольных правил к сфере обращения прав интеллектуальной собственности возрастет уровень неопределенности для компаний в части выбора норм и правил ведения бизнеса, формирования алгоритмов действий [5, р. 261]. Среди причин, отрицательно влияющих на процесс антимонопольного регулирования новаторства, называют замедление развития инноваций, необоснованное вмешательство административных механизмов [2, с. 33].

Подавляющее большинство ученых экономистов и юристов закон о защите конкуренции не представляет большой угрозы для инноваций в экономике, их исходная точка зрения состоит в том, что не существует внутреннего конфликта между правами интеллектуальной собственности и правилами конкуренции. Некоторые авторы предлагают полностью переориентировать законодательство о конкуренции в сторону более динамичного подхода, который включал бы инновации в качестве цели закона о конкуренции [6, р. 237].

Это обсуждение подчеркивает не только важность законодательства об интеллектуальной собственности и конкуренции, но и сложность различных компромиссов, которые необходимо найти между конкуренцией и технологическими инновациями. Права интеллектуальной собственности, как и конкуренция необходимы для продвижения инноваций и обеспечения их конкурентного использования, в частности, снижения уровня зависимости внутреннего рынка от иностранного селекционного и генетического материалов, нивелирования рисков для конкуренции на российском рынке. Необходима разработка обоснованной концепции антимонопольного регулирования конкуренции в сфере интеллектуальной деятельности, что позволит переосмыслить взаимодействие законодательства о конкуренции с правами интеллектуальной собственности, перейти к стандартам экономического баланса их взаимодействия. Накопленный опыт регулирования антимонопольными органами России позволит принимать взвешенные решения по делам, возбужденным по признакам нарушения антимонопольного законодательства.

Важным направлением развития антимонопольного регулирования в сфере интеллектуальной собственности на отечественном рынке семян является обеспечение конкуренции путем технологического трансфера инновационного материала российским компаниям для усиления их конкурентоспособности. Национальный подход к решению проблемы соотношения антимонопольного регулирования и интеллектуальных прав позволит существенно снизить контроль отечественных агропредприятий со стороны мировых компаний — правообладателей молекулярных средств селекции. Метод технологического трансфера опирается на зарубежный опыт, подтверждающий эффективность мер антимонопольного воздействия.

Способ технологического трансфера средств селекции российским компаниям в целях создания условий для развития потенциальной конкуренции со стороны отечественных агропредприятий реализован ФАС России в рамках предписания, выданного по сделке по приобретению компанией «Байер АГ» (Германия) более 50 % голосующих ак-

ций компании «Монсанта Компани» (США). Особенностью предписания является его комплексный характер, учитывающий как передачу инновационного материала агропредприятиям, имеющим существенные успехи в селекционной работе, так и обучение российских специалистов современным методикам ускоренной селекции. Предписанием ФАС России предусмотрено создание в России уникального передового учебного-научного центра биотехнологий растений. Полагаем, что образование подразделений данного центра в регионах ускорит подготовку специалистов, нуждающихся в приобретении или углублении базовых знаний и навыков, лежащих в основе современных технологий молекулярной селекции. Практико-ориентированное обучение российских специалистов современным методикам позволит усилить роль российской селекции.

В настоящее время усиливается конкурентная позиция семенных компаний на рынке не только за счет обладания правами на генные технологии, но и в результате поглощения компаний, владеющими генетической информацией. В условиях зависимости агропредприятий от генных технологий, повышающих урожайность сельскохозяйственных культур, важно обеспечить им доступ к таким технологиям. Это возможно при рассмотрении сделок экономической концентрации через призму функционирования глобальной цепочки поставок продовольствия и создания стоимости, а не как набор самостоятельных рынков.

Библиографический список

1. *Вознесенский Н., Муравин А.* Интеллектуальная собственность и анти-монопольное регулирование // Российское конкурентное право и экономика. — 2013. — № 3-2 (9). — С. 36–41.
2. *Курдин А. А., Шаститко А. Е.* Два аргумента за ограничение антитраста в реализации прав интеллектуальной собственности в развивающихся экономиках // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2017. — № 1. — С. 31–49.
3. *Маслаков В. В., Курдюмов А. В.* Методы государственного регулирования аграрного сектора экономики: теоретический аспект // Экономика и предпринимательство. — 2017. — № 7 (84). — С. 968–971.
4. *Ялунина Е. Н., Паюсов А. А.* Антимонопольное регулирование в агро-промышленном комплексе Свердловской области // Индустрия питания. — 2017. — № 3 (4). — С. 60–64.
5. *Katsoulacos Y., Ulph D.* Regulatory decision errors, legal uncertainty and welfare: a general treatment // International journal of industrial organization. — 2016. — Vol. 41, iss. 2. — P. 255–282.
6. *Lianos I.* Global food value chains and competition law BRICS draft report. — London: National Research University, 2017. — 1039 p.

7. *Lianos I., Katalevsky D., Ivanov A.* The global seed market, competition law and intellectual property rights: untying the gordian knot // *Concurrences review*. — 2016. — Vol. 2. — Art. no. 78807. — P. 62–80.

8. *Lianos I., Lombardi C.* Competition law and policy and the food value chain // *Concurrences review*. — 2016. — Vol. 1. — Art. no. 78014. — P. 22–35.

9. *Reardon T., Liang Lu L., Zilberman D.* Links among innovation, food system transformation, and technology adoption, with implications for food policy: Overview of a special issue // *Food Policy*. — 2019. — Vol. 83. — P. 285–288.

М. Г. Баженова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Антимонопольный комплаенс: инструмент, исключая ответственность юридического лица и снижающий риски совершения нарушений

Аннотация. В статье рассматриваются понятие и сущность антимонопольного комплаенса, его значение для деятельности хозяйствующих субъектов и антимонопольной службы. Определяются принципы и проблемы внедрения, предлагаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: антимонопольный комплаенс; антимонопольные риски; хозяйствующий субъект; конкуренция.

Модные тенденции существуют во всех сферах общественной жизни, и юриспруденция не является исключением. Каждые 10 лет в судебной и правоприменительной практике появляются тренды, которые активно развиваются, обсуждаются и применяются.

Так, например, правоприменительная практика прошла уже эпоху активного регулирования информационной безопасности, внедрения документов, ее регулирующих, как в государственных органах, так и в частных компаниях.

Следующим «модным трендом» можно назвать внедрение основ корпоративного управления на территории Российской Федерации, принятие Банком России Кодекса корпоративного управления, активное применение его основ крупными холдингами и т. д.

Последние годы распространяет «модные тренды» в юриспруденции ФАС России, а самым обсуждаемым ее «трендом» является антимонопольный комплаенс. Термин «комплаенс» имплементирован в российскую правоприменительную практику из международного права, и в буквальном переводе с английского языка означает «соответствие». Данный термин не используется на законодательном уровне дословно, ФАС России раскрывает содержание данного термина через включение в Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкурен-

ции» (далее также — Закон № 135-ФЗ) права хозяйствующих субъектов на внедрение системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства (ст. 9.1 Закона № 135-ФЗ).

Легальное определение термина «комплаенс» ФАС России дает в своих разъяснениях 2 июля 2021 г. за № 20 и определяет его как систему внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства, то есть дословно воспроизводит название ст. 9.1 Закона № 135-ФЗ.

С. А. Пузыревский считает, что по своей сути антимонопольный комплаенс является системой мер, обеспечивающих внедрение в деятельность хозяйствующего субъекта определенной правовой культуры, основанной на принципах уважения и следования требованиям антимонопольного законодательства [5, с. 13].

В. В. Громов и А. Ю. Кинев считают, что под антимонопольным комплаенсом следует понимать особую систему, направленную на предупреждение нарушений антимонопольного законодательства, которая предполагает выстраивание внутри организации определенной культуры поведения на рынке [2, с. 10].

Д. М. Ашфа указывает, что содержание системы антимонопольного комплаенса составляют три группы корпоративных механизмов, которые, в свою очередь, выражаются в организационно-управленческих и правовых мерах, направленных на соблюдение антимонопольного законодательства и предупреждение его нарушения [1, с. 60].

По мнению В. В. Кваниной, антимонопольный комплаенс позволяет для хозяйствующих субъектов — минимизировать риски антимонопольных нарушений, как следствие — снизить риски получения оборотных штрафов, репутационные риски и периодичность проверок антимонопольным органом, повысить инвестиционную привлекательность [3, с. 46].

По мнению, А. В. Курдюмова, система антимонопольного комплаенса характеризует отношение руководства хозяйствующего субъекта к внутренним бизнес-процессам, направленным на предотвращение правонарушений организации в сфере антимонопольного законодательства, и зеркально отражает культуру менеджмента в данной сфере [4, с. 67].

Таким образом, в правовой доктрине авторы сходятся во мнении, что антикоррупционный комплаенс — это меры, которые позволяют снизить риски. Но каким образом разработка и принятие внутреннего документа может помочь компании снизить риски, если его требования не будут соблюдаться и не будет должным образом обеспечена работа по рискам?

Так, по мнению законодателя, внутренний документ, регулирующий вопросы соблюдения антимонопольного комплаенса должен со-

держат не только требования к порядку проведения оценки рисков, но и меры, направленные как на снижение рисков, так и меры, которые направлены на осуществление контроля за реализацией внутренней системы антимонопольного комплаенса. То есть, по задумке законодателя, должен быть разработан не просто внутренний документ, должен быть разработан внутренний механизм работы с рисками, за эффективной реализацией которого должна следить компания, принявшая и утвердившая данный документ.

При этом, исходя из легального определения и легальных требований к антимонопольному комплаенсу — введение такого механизма — это право компании, а не обязанность, и антимонопольная служба не требует обязательного его введения. Но, в случае принятия внутреннего документа, регулирующего вопросы соблюдения антимонопольного комплаенса, компания, его принявшая и утвердившая в обязательном порядке должна разместить информацию о данном факте в публичном доступе в сети Интернет.

Пожалуй, в ст. 9.1 Закона № 135-ФЗ — это единственная диспозитивная норма, которая не дает субъектам права выбора, и должна быть исполнена в обязательном порядке. Получается, что принятие документа — это право, но антимонопольная служба в обязательном порядке должна знать воспользовались ли субъекты антимонопольного контроля своими правами, или нет.

На сегодняшний день система антимонопольного комплаенса введена в таких крупных компаниях и холдингах как группа компаний СУЭК-ЕвроХим-СГК и АО «ХК «СИБЦЕМ», в компаниях группы ПАО «Россети» и ПАО «Лукойл», в компаниях группы «Газпром» и группы ПАО «Интер РАО».

Также в публичном доступе имеются внутренние документы, регулирующие вопросы соблюдения антимонопольного комплаенса в ПАО «МТС», ПАО «М-Видео» и ООО «Пивоваренная компания «Балтика».

Многие компании энергетического сектора не просто внедряют систему антимонопольного комплаенса в свою деятельность, они предварительно согласовывают данный документ с ФАС России, о чем последняя охотно размещает пресс релизы на своем сайте, как бы приводя их в пример.

Как мы видим из представленного перечня, основными «игроками» комплаенс — системы являются компании энергетического сектора, так как они чаще других компаний сталкиваются с антимонопольной службой и на своей правоприменительной практике знают, что такое антимонопольные риски и какие проблемы с ними связаны. ФАС России утверждает тарифы не только на производство и передачу электрической энергии, но и на все виды регулируемой деятельности, осу-

ществляет регулирование монополистической деятельности, следит, чтобы сделки, совершаемые компаниями энергетического сектора по приобретению новых активов, не нарушали и не ограничивали конкуренцию в этом секторе.

По мнению ФАС России, особый контроль за деятельностью компаний энергетического сектора, в том числе связан с тем, что они свою деятельность рассматривают как коммерческую и преследуют цель по извлечению максимальной прибыли, а антимонопольная служба уполномочена ограничивать «монопольно» высокие цены и рассматривает деятельность компаний энергетического сектора как стратегическую, так как от ее правомерного осуществления зависят интересы населения в частности, и государства в целом.

В целом, активное внедрение антимонопольного комплаенса в компаниях энергетического сектора обусловлена не формальным желанием воплотить нововведения ФАС России, а связана с тем, что ФАС России уполномочена не просто осуществлять контроль за их деятельностью, а применять меры административной ответственности в случае выявления нарушения, размер которых может достигать до 15% годовой выручки.

То есть активное внедрение антимонопольного комплаенса в компаниях энергетического сектора обусловлено серьезным экономическим интересом, связанным с исключением антимонопольных рисков и предотвращением применения штрафных санкций.

Более того, хотели бы отметить, что ФАС России очень грамотно подошла к внедрению нововведений, связанных с антимонопольным комплаенсом и еще на этапе его введения, указала, что антимонопольной службой будет разработан отдельный механизм для наказания компаний, которые будут вводить антимонопольный комплаенс формально и только с целью избегания ответственности¹. Но каким образом внедрение системы антимонопольного комплаенса может стать попыткой ухода от ответственности?

Все дело в том, что ФАС России официально дало стимул хозяйствующим субъектам для разработки и внедрения антимонопольного комплаенса в виде не просто перспективного снижения рисков, которые позволят избежать штрафов, а в виде возможностей не становиться объектами антимонопольных проверок чаще, чем один раз в пять лет, более того, введения механизма исключения применения штрафных санкций в случае самостоятельного выявления компаниями нарушений антимонопольного законодательства и заключения соглашения об осуществле-

¹ *Обязательным* комплаенс для бизнеса не будет. Сергей Пузыревский — о новых законодательных инициативах ФАС // Коммерсантъ. — 2018. — № 113/П (6351). — С. 6.

нии дальнейших согласованных действиях (раздел IV разъяснений ФАС России от 2 июля 2021 г. № 20).

Насколько эффективной данная система окажется в реальности и насколько позволит сократить антимонопольные риски и избежать привлечения к ответственности — покажет практика.

В настоящее время компаниям дана возможность на законодательном уровне самостоятельно снизить антимонопольные риски путем внедрения эффективного механизма работы, который соответствует как интересам частным, так и интересам публичным, в основу которых заложены взаимные сбалансированные обязательства.

Библиографический список

1. *Аиша Д. М.* Правовое обеспечение системы антимонопольного комплаенса хозяйствующего субъекта: дискуссия продолжается // Юрист. — 2021. — № 8. — С. 57–62.

2. *Громов В. В., Кинев А. Ю.* Проблемы внедрения антимонопольного комплаенса в электроэнергетике // Предпринимательское право. — 2021. — № 2. — С. 9–13.

3. *Кванина В. В.* Антимонопольный комплаенс: что нового? // Конкурентное право. — 2019. — № 4. — С. 45–48.

4. *Курдюмов А. В.* Совершенствование конкуренции на товарных рынках при осуществлении государственного контроля // Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании экономических отношений: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 16 апреля 2018 г.). — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. — С. 66–69.

5. *Пузыревский С. А.* Антимонопольный комплаенс — механизм поддержки и развития конкуренции // Антимонопольный комплаенс как эффективный инструмент профилактики нарушений: монография / под общ. ред. С. А. Пузыревского. — М.: Юрист, 2019. — С. 10–14.

Д. М. Баркова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

**Проблемы развития конкуренции
и антимонопольного законодательства
в условиях согласования общественных интересов
и личных прав граждан**

Аннотация. В статье отражены проблемы развития антимонопольного законодательства, на примере анализа исторического опыта Российской Федерации исследуется становление естественных монополий. Приводится подробный анализ актуальных вопросов конкуренции, оценка эффективности работы Федеральной антимонопольной службы. Представлены предложения, которые могут способствовать развитию экономики Российской Федерации в условиях согласования общественных интересов и личных прав граждан.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство; конкуренция; монополия; экономика; ФАС.

Российское законодательство до начала XX века не уделяло надлежащего внимания правовому регулированию конкурентоспособных отношений, на что ориентировались многие дореволюционные правоведы. Законодательство о конкуренции в России формировалось в условиях совершенного неимения каких-либо потенциалов для конкурентных отношений.

Экономика того времени носила административно командный характер. Подлинной конкуренции, как, впрочем, и рынка, не существовало, но при этом советское право содержало нормы, касающиеся защиты от недобросовестной конкуренции. Это связано с тем, что СССР, будучи участником Парижской конвенции по охране промышленной собственности, должно было в соответствии с ней обеспечить гражданам прочих государств действенную защиту от недобросовестной конкуренции. Однако такая защита предоставлялась важной исключительно в отношениях внешнеэкономического характера.

С 1 апреля 2022 г. рост цен в России можно отметить, как достаточно высокий, он составляет около 5–34 % на продукты; 15–17 % на автомобили; 20–30 % на электронику; 15 % на недвижимость. При этом стоит отметить, что, по прогнозам экспертов, инфляция в России при еженедельном прогнозируемом уровне повышения на 2 % может привести к показателю в 17 % в среднегодовой перспективе.

С начала 2022 г. рынок товаров и услуг кардинально поменял свои характеристики, что поставило перед многими государствами новые вопросы в сфере организации экономической деятельности. Налажен-

ные связи и устойчивые отношения оказались под сомнение в связи с огромным количеством санкций. Дело в том, что упомянутые санкции, как уже показывает первый опыт их применения, имеют двуправленную природу и одновременно оказывают воздействие как на ту страну, против которой вводятся, так и серьезно меняют сложившийся экономический порядок в стране, которая выступает их инициатором. Возможность развития государств в таких экстремальных условиях зависит от способности их ответить на текущие вызовы: изменить внутреннюю систему экономических отношений, определив внутригосударственные приоритеты и верно реализовав поставленные задачи. Сдерживать инфляцию позволяют внутренние рыночные рычаги, которые как раз напрямую связаны с конкуренцией предприятий.

Сегодня Россия готова к санкциям в тех условиях, которые сложились в системе государственно-правовых и экономических отношений, что создает позитивные предпосылки для дальнейшего развития государства.

В условиях пандемии так или иначе вынужденно развивалось сельское хозяйство, фермерство, увеличилось производство медикаментов, развивалась сфера услуг в рамках внутреннего туризма и т. п. Однако, нельзя не отметить, что текущая ситуация будет меняться и конкуренция на внутреннем рынке должна стать условием процветания и независимости государства. Так, вопросы монополизации различных сфер встанут в ближайшее время, на наш взгляд особенно остро, и потребуются серьезный анализ текущей правовой базы, что позволит оптимизировать отношения и дать им новых виток развития в меняющихся условиях. При этом невозможно предположить, что нашим государством может быть полностью заимствован опыт других стран, так как требуется учитывать специфику системы организации сферы экономики, видов существующих монополий и условий конкуренции.

Специфика российских монополий повлияла на особенности законодательного регулирования вопроса. Первый закон, касающийся антимонопольной политики в России, появляется в 1991 г. — это закон «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». Стоит отметить, что данный правовой акт заложил основу антимонопольной политики европейского, а не американского типа. С 1991 по 1999 г. было принято большое количество необходимых правовых актов, обусловивших формирование основа регулирования деятельности монополий. Так, в основу правовой базы государства переходного периода был положен целый блок актов, обеспечивающих комплексное изменение экономических отношений: закон «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской

Федерации» от 3 июля 1991 г., «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» от 13 декабря 1994 г., «О финансово-промышленных группах» от 30 ноября 1995 г., «О естественных монополиях» от 17 августа 1995 г., «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 г., «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г., «О рекламе» от 18 июля 1996 г., «О мерах по защите экономических интересов Российской Федерации во внешней торговле» от 14 апреля 1998 г. и целый ряд других документов.

Но к началу XXI века в условиях радикальных изменений потребовались новые изменения, связанные уже не с решением проблем переходного периода от советского государства к новым отношениям, а с системным подходом в достижении поставленных задач. Антимонопольное законодательство нуждалось в совершенствовании, главным образом на основе обобщения сложившейся к этому времени правоприменительной практики. Возникла необходимость модернизации всей системы, базирующейся на новых принципах. Защита рыночной экономики предполагала возможности, с одной стороны, большой свободы для участников правоотношений, с другой стороны — наличия условий для пресечения злоупотреблений.

Реформы затронули интересы хозяйствующих субъектов: стали применяться штрафные санкции к тем, кто злоупотреблял своими правами (как в отношении частных лиц, так и должностных). В результате реформ экономика России стала меняться, во многом под влиянием деятельности Министерства антимонопольной политики и предпринимательства (МАП), которое было создано на базе уже существовавшего на тот момент целью Государственного комитета по антимонопольной политике.

Важно отметить, что одни из серьезных рычагов влияния на экономику оказались ограничительные меры не потому, что нарушали права участников правоотношений, а потому, что устанавливали границы этих прав. Закон «О конкуренции» и ограничительная политика, контролируемая антимонопольным органом, применяются к субъектам хозяйствования, нарушающим права иных участников экономической деятельности. Нет и не может быть абсолютного запрета на монопольную деятельность, но запрет должен быть на монополистическую деятельность, обеспечивающую условия для недобросовестной конкуренции.

Мониторинг цен более чем по 200 единицам показал, что более трети компаний, занимающих доминирующее положение на рынке, завышают цены на товары и услуги. Это обуславливает применение опыта предшествующего исторического периода с учетом меняющихся мировых тенденций. Антимонопольная политика должна быть направлена на поиск баланса: устанавливать запрет на монопольно высокие или моно-

полно низкие цены, невозможность изымать товары из оборота с целью создания или поддержания дефицита.

Сейчас в России широко практикуются высокие монопольные цены, однако опыт зарубежных стран показывает, что с развитием экономических отношений появляются иные виды конкуренции: устанавливаются монопольно низкие, иногда демпинговые цены, благодаря монополизации отдельной сферы деятельности за счет возможности снизить затраты за счет работы в полном цикле.

Российская монополия на данный момент чаще проявляет свое антиконкурентное поведение главным образом в отношениях с клиентами или поставщиками, но не с конкурентами. Но по мере усиления конкуренции вероятность изменения вектора возрастает: мультикомпании за счет перекрестного субсидирования могут занижать цены на товары, тем самым блокируя конкурентов. Это нужно предупреждать — антимонопольная политика должна на данный момент иметь превентивный характер с учетом того правового опыта, который был накоплен за предшествующие исторические периоды.

Важно оценивать и анализировать опыт иных стран: изменения отношений с ними не говорит о том, что наша экономика не будет переживать такие же процессы, их нужно предвидеть и предупредить, если они могут негативно сказаться на экономической системе в целом. При этом важно отметить и существование в России опыта излишнего контроля со стороны государства, который тоже не является позитивным. Необходим баланс в системе «сдержек и противовесов».

Россия не избежала воздействия естественных монополий на рынке: в российской промышленности насчитывается четыре тысячи предприятий-монополистов, а их продукция составляет 7 % от общего объема. Примерами естественных монополий могут служить, например, Газпром или РЖД. Однако не стоит недооценивать и позитивные моменты их существования.

Эффективным нормативно-правовым актом можно считать такой, который содержит осуществимые нормы, которые приводят к повышению благосостояния общества и развитию экономической системы государства за счет создания более высоких стимулов и расширения возможностей хозяйствующих субъектов. Так, речь идет о формировании эффективной конкуренции при минимизации ошибок, возникающих в процессе закон реализации нормы [4].

Необходимо отметить, что условием развития эффективности взаимодействия хозяйствующих субъектов кроме оптимального антимонопольного законодательства должны выступать нормы, устанавливающие санкции за нарушение законодательства [3]. При этом масштаб до-

пустимых санкций должен обеспечить соблюдение установленных правил, но не моноمانию участия в экономической жизни страны.

Следует отметить, что на современном этапе развитие бизнеса в нашей стране происходит с рядом проблем в условиях санкций, что сказывается на здоровой конкуренции, в том числе и с зарубежными компаниями. Одним из закономерных условий изоляции государства может стать снижение конкурентоспособности рынка, как было в предшествующий исторический период, что ведет к оттоку молодых специалистов за границу, создавая замкнуты круг. Необходимо мотивировать малый бизнес с целью создания конкурентоспособных компаний. Дать возможность молодым специалистам развиваться в приоритетных сферах развития нашего государства, пусть и с поддержкой государственных структур. Мотивация может выражаться в том числе и в увеличении бюджетных в университетах, позволяя заинтересованным лицам освоить основы экономики и не допускать ошибок при организации собственного бизнеса или участия в проектах. Кроме того, необходима более тщательная работа с базами крупных работодателей для прохождения практик студентов, осваивающих как специфику конкретных компаний, так и бизнес-процессов в целом.

Таким образом, наша страна сможет обеспечить достойное будущее для молодых специалистов, обеспечив заполнение рабочих мест, и заложит фундамент новой эффективной экономической системы.

Работа Федеральной антимонопольной службы (ФАС) ориентирована на защиту конкуренции и развитие экономики. В этом смысле растет значение деятельности ФАС, отвечающей за достижение миссии государственного развития. Однако ее деятельность должна быть оптимизирована в условиях меняющихся реалий: ФАС и монополии должны найти точки соприкосновения. Монополии сейчас существуют не в связи с недоработками ФАС, а часто благодаря политической поддержке, как это довольно часто встречалось в истории [1].

В настоящее время ФАС — уникальный субъект экономики и одновременно орган власти. При этом деятельность самой службы обусловлена сложнейшими процессами, происходящими в сфере экономике и политики одновременно. Исследователи отмечают, что именно понимание экономической ситуации является важным элементом эффективного функционирования ФАС [2].

Антимонопольное законодательство — это составная часть современной экономики. Его применение обнаруживает воздействие, как на производителей, так и на потребителей: первоначальным оно доставляет потенциал для реализации своей продукции на конкурентном рынке, а вторым — образцовый уровень цен на продукт или услугу.

ФАС России и антимонопольное законодательство содействуют прекращению злоупотребления правами хозяйствующих субъектов на рынке, а также обеспечивают условия для здоровой конкуренции. Формирование конкурентной среды представляется главным условием для достижения успешного формирования экономики государства и обеспечения ее конкурентоспособности на мировой арене.

Проблему развития конкуренции в условиях согласования общественных интересов и личных прав граждан представляет поиск компромисса, который бы позволил при полноценной реализации прав каждого субъекта экономических отношений обеспечить потребности государства и его запросы. Решение во многом определяется именно за счет выработки верной антимонопольной политики, которая позволяет большинству хозяйствующих субъектов развивать свой потенциал без ущерба для тех сфер деятельности, где существование естественных монополий является закономерным. При этом важно отметить, что исключительный приоритет государственной позиции в этом вопросе также не даст результата, поскольку общество может предъявлять иные требования к рынку. Для того, чтобы минимизировать проблему возможного противоречия, необходимо более тщательно изучать запросы общества и включать его представителей в процесс работы государства, расширяя роль общественной экспертизы законодательства и повышая вовлеченность граждан в деятельность антимонопольных органов на фоне развития гражданской ответственности и правовой грамотности.

Библиографический список

1. *Андреева Е. М., Галямина А. В.* История монополий и борьба с ними в России и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ // Современное российское право. — 2020. — № 8 (17). — С. 16–22.
2. *Гареева Ю. Т., Смоленская С. В.* Проблемы государственного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства и пути их разрешения // Студенческий форум. — 2020. — № 41 (134). — С. 25–26.
3. *Колоткина О. А.* Контроль в сфере государственных закупок. Нарушение законодательства в сфере закупок // Актуальные вопросы совершенствования государственного (муниципального) финансового контроля, внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 26 ноября 2019 г.). — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. — С. 232–235.
4. *Шмаков А. В., Петров С. П.* Определение оптимальной величины штрафов за нарушение антимонопольного законодательства // Terra economica. — 2012. — Т. 10, № 2. — С. 85–94.

Е. И. Бахтеева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург;

О. Л. Зеленина

Отделение СТС ИЦ ОТОиСТС ИЦ ГУ МВД России
по Свердловской области, г. Екатеринбург

Уголовная ответственность за незаконный игорный бизнес (уголовно-правовой и криминологический аспекты)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности ответственности за незаконный игорный бизнес, предусмотренной уголовным и административным кодексами. Анализируется ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр. Предлагаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: незаконный игорный бизнес; экономическое преступление; предупреждение преступности.

Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» определяются правовые основы деятельности по организации игорного бизнеса в России.

Способами регулирования деятельности по организации и проведению азартных игр в соответствии с данным законом являются:

- 1) урегулирование процедуры организации азартных игр;
- 2) определение субъектов РФ, на территории которых допускается организация игорного бизнеса — игорных зон;
- 3) выдача разрешений на проведение азартных игр в игорных зонах;
- 4) выявление и пресечение нарушений законодательства при осуществлении данного вида деятельности.

Деятельностью по организации и проведению азартных игр разрешено заниматься при соблюдении ряда условий:

- 1) в игорных заведениях;
- 2) игорные заведения (кроме букмекерских контор и тотализаторов) открываются и функционируют только в игорных зонах;
- 3) организовывать азартные игры могут только юридические лица, которые зарегистрированы в России;
- 4) организатор азартных игр должен в своей деятельности руководствоваться Правилами совершения операций с деньгами.

В настоящее время в России существуют следующие игорные зоны: Янтарная, Приморье, Сибирская монета, Красная поляна.

Пятую планируют открыть на южном побережье Крыма в ближайшее время.

«Азов-Сити» — первая федеральная игорная зона, действовавшая в Российской Федерации в период с 2010 по 2018 г. Располагалась на границе Краснодарского края и Ростовской области. В 2015 г. было принято решение ликвидировать зону. 1 января 2019 г. все казино были закрыты. На территории этой зоны были располжены три активных казино: «Оракул», «Шамбала», «Нирвана».

За восемь лет работы всех казино «Азов-Сити» в бюджет Краснодарского Края поступило около 1,2 млрд р. в форме налогов на игорный бизнес.

1. Приморье. По состоянию на 2022 г. полностью построено и работает одно казино и инфраструктурные объекты. Поток посетителей составляет 500 тыс. чел. в год. Доход в бюджет Приморского края составляет 15–20 млн долл. в год. В 2017 г. был одобрен проект железнодорожного соединения между Пекином и зоной Приморье. По окончании строительства ожидается большой приток азиатских игроков.

В игорной зоне «Приморье» в настоящее время действуют два казино. Гостинично-развлекательный комплекс «Tigre de Cristal» был открыт в мае 2015 года. В него помимо казино, в котором действуют 70 игровых столов и более 300 игровых автоматов, входят два ресторана и гостиница на 121 номер. За время работы Tigre de Cristal уже трижды был номинирован на престижную премию World Travel Awards и стал победителем в категории «Ведущий Российский Курорт» в 2018 г. Ввод в строй второй фазы комплекса Tigre de Cristal намечен на 2022 г.

16 октября 2020 г. в игорной зоне состоялось торжественное открытие казино «Шамбала», которое начало работу в тестовом режиме с начала октября.

2. Сибирская монета (в Алтайском крае). В мае 2020 г. в игорной зоне началось строительство слот-зала, в котором разместятся 300 игровых автоматов и десять игровых столов. На втором этапе, намеченном на 2021–2023 гг., будет построен отель площадью 10 тыс. м² по франшизе одного из международных брендов. Вместимость гостиницы составит 150 номеров. В рамках третьего этапа, который продлится до 2024 г., будет введено в строй казино площадью 5 тыс. м².

3. «Янтарная». Игорная зона Янтарная действует в районе поселка Куликово в Зеленоградском районе. В 2009 г. под игорную зону был выделен участок в 480 га. Через шесть лет распоряжением правительства он был сокращен до 99,5 га. Первый объект игорной зоны — зал игровых автоматов Magic Cristal был открыт 8 апреля 2016 г. В нем установлены 139 игровых автоматов.

10 февраля 2017 г. на территории игорной зоны было открыто казино Sobranie. Площадь игорного заведения составляет 18 тыс. м². В нем установлены 13 игровых столов и 312 игровых автоматов.

4. Сочи является самой перспективной игорной зоной в России — черноморский курорт, Красная Поляна, развитая инфраструктура, теплый климат. 5 января 2017 г. на территории курорта Горки Город состоялось открытие казино Сочи Казино и Курорт. 19 декабря 2017 г. начал работу зал игровых автоматов Бонус Slots. 4 января 2019 г. в игорной зоне заработало казино Бумеранг¹.

В УК РФ и КоАП РФ включены статьи, устанавливающие ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр. Причем, диспозиции этих статей имеют много общего. По действующему законодательству, граждане несут уголовную ответственность, а юридические лица — административную.

Наибольшие сложности в следственной и судебной практике представляет ст. 171.2 УК РФ.

Основным непосредственным объектом преступления являются общественные отношения по охране законного порядка осуществления игорного бизнеса. По конструкции объективной стороны состав является формальным, окончен в момент совершения указанных в диспозиции статьи деяний. Ответственность за организацию и (или) проведение азартных игр может наступить в следующих случаях:

1) если деяние совершено с использованием игрового оборудования, но не в игорной зоне;

2) без лицензии на осуществление деятельности по организации и осуществлению азартных игр, которые проводятся в букмекерских конторах и тотализаторах вне игровой зоны;

3) без разрешения на проведение азартных игр в игорной зоне.

4) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Исключение составляет прием интерактивных ставок в букмекерских конторах и (или) тотализаторах.

Кроме того, ч. 1 ст. 171.2 УК РФ предусматривает ответственность за систематические предоставление помещений в целях незаконной организации и (или) проведения азартных игр.

Субъективная сторона преступления выражается в прямом умысле, причем преступник осознает, что организует либо проводит азартные игры в нарушение законных требований и желает этого. Мотивы и цели в диспозиции статьи не указаны, но полагаем, что данное преступление будет совершаться с корыстной целью.

Субъект — общий, с 16 лет.

Предварительное следствие по таким уголовным делам производится следователями Следственного комитета Российской Федерации

¹ *Игорные* зоны России: положение дел на 2022 г. // Информационно-аналитический портал об игорном бизнесе. — URL: <https://igorka.ru/gambling/igornye-zony-rossii> (дата обращения: 07.03.2022).

(подпункт «а» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ. Имущество (деньги, ценности и иное имущество), полученное в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ, на основании обвинительного приговора может быть подвергнуто принудительному безвозмездному изъятию и обращению в собственность государства (т. е. конфискации по ст. 104.1 УК РФ).

В КоАП РФ предусмотрена ст. 14.1.1, в ч. 1 которой закреплены такие же признаки, что и в ст. 171.2. УК РФ, но субъектом правонарушения могут выступать только юридические лица. Кроме того, административная ответственность установлена за следующие незаконные действия:

— если лицо создает условия для использования своего помещения для организации и (или) проведения азартных игр;

— в случаях осуществления деятельности в игорной зоне или в букмекерских конторах и тотализаторах, но при несоблюдении условий лицензирования;

— осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах с грубым нарушением условий, предусмотренных лицензией;

— нахождение лиц младше 18 лет в игорном заведении;

— привлечение организатором азартной игры лиц, не достигших 18 лет, к работе в игорном заведении.

Подобная дифференциация уголовной и административной ответственности представляется целесообразной. Многие проблемы, которые ранее возникали из-за законодательных формулировок, решены.

Обзор судебной практики показал, что в деятельности судов возникают следующие проблемы при рассмотрении дел данной категории.

1. Первая проблема — недостаток доказательств фактов отнесения оборудования, которое используется организацией, к игровому. Показательным можно считать следующее дело, рассмотренное Свердловским областным судом (от 3 июля 2017 г. № 4а-419/2017).

Постановлением мирового судьи Верх-Исетского судебного района от 5 декабря 2016 г. ООО был назначен штраф 700 тыс. р.

Взыскание было наложено на ООО за организацию и проведение в холле универсама «Звездный» азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны. Суд сделал вывод о виновности ООО в проведении азартных игр с использованием игрового терминала на основании материалов «контрольная закупка», во время проведения которой был осмотрен терминал «TRADE BOX». К сожалению, при производстве по административному делу экспертиза, относится ли данный терминал к игровому оборудованию, не проводилась, иных до-

казательств, которые подтверждают, что данный терминал является игровым оборудованием, не представлено.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что при рассмотрении данного дела нарушены требования, предусмотренные ст. 24.1 и 26.1 КОАП. Обстоятельства, которые имеют значение для правильного решения дела, не установлены, всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела не получилось. Поэтому вышестоящий суд отменил данное постановление¹.

2. Вторая проблема — недостаток доказательств по факту проведения азартных игр вне игровой зоны. Неполное исследование обстоятельств дела для установления нарушений может повлечь за собой отмену решения суда. Показательным можно считать следующий случай.

На ООО было наложено административное взыскание в соответствии с ч. 4 ст. 14.1.1 КоАП РФ. При проведении налоговой проверки был обнаружен факт осуществления ООО деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализатора, в то время как по данному адресу находилась автошкола, принадлежащая НОУ ОСТ.

В соответствии с материалами дела, ООО была выдана Лицензия № 8 для осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах в местах (адресах), предусмотренных приложением к данной лицензии. Однако, сам факт указания в лицензии вышеназванного адреса и постановка объекта налогообложения на налоговый учет не является основанием полагать, что ООО организовывало и производило азартные игры в букмекерских конторах и тотализаторах по данному адресу.

В качестве доказательств, в частности, могли бы выступать акт проверки, платежные документы по приему ставок и т.п. Однако, в деле данных материалов не содержится. Кроме того, сторона защиты представила документы, что в соответствии с приказом по ООО деятельность Пункта приема ставок так и не начала осуществляться. Следовательно, арендованное помещение фактически не использовалось. Доказательств обратного суду не представлено. Поэтому суд вышестоящей инстанции сделал вывод, что ООО по данному адресу деятельность в сфере игорного бизнеса не осуществляло².

При достаточности собранных доказательств возможно привлечение к уголовной ответственности и на территории субъекта РФ, где со-

¹ *Постановление* Свердловского областного суда от 3 июля 2017 г. по делу № 4А-419/2017.

² *Решение* Московского городского суда от 30 августа 2017 г. по делу № 7-12138/2017.

здана игорная зона. Показательным можно считать следующий случай из судебной практики г. Барнаул.

Согласно распоряжению Правительства РФ № 155-р от 9 февраля 2008 г. и постановлению Администрации Алтайского края № 388 от 9 сентября 2009 г.¹, на территории Алтайского района Алтайского края создана игорная зона «Сибирская монета». В г. Барнауле игорная зона в установленном законом порядке не создавалась, в связи с чем любая деятельность по организации и проведению там азартных игр с использованием игрового оборудования являлась незаконной. Несмотря на это, на территории г. Барнаула Новиков и Чернов в 2015–2017 гг., зная о вышеизложенных региональных нормативных актах, которые определяют порядок организации и проведения азартных игр в Алтайском крае, незаконно организовывали и проводили, а Сопов Канин и Заварзин проводили азартные игры (покер) с использованием игрового оборудования.

В 2015 г. И. И. Новиков и С. А. Чернов, реализуя общую идею об организации незаконной игры в покер и иных азартных игр, выбрали и взяли в аренду помещение. Кроме того, они нашли, доставили и установили в арендованном помещении игровой стол, карты и фишки для игры в покер. Кроме того, Новиков и Чернов разработали правила, которые в дальнейшем использовали при проведении игры в покер. Игроки, принимающие участие в игре, устно заключали соглашение с ними (И. И. Новиковым и С. А. Черновым) и с крупье данного незаконно созданного игорного заведения. Игроки передавали крупье деньги в обмен на фишки пропорционально их стоимости, что являлось условием для участия в игре, либо крупье давали фишки в кредит, после игроки производили игру с использованием фишек и карт, увеличивали ставки, и в зависимости от полученных карт могли выиграть или проиграть определенную сумму. Организаторы решили привлечь Сопова, Канина и Заварзина как крупье организованного ими игорного заведения и, предложили им за денежное вознаграждение проводить азартные игры в качестве крупье. Сопов, Канин и Заварзин согласились на данное предложение.

Данная преступная группа просуществовала с апреля 2015 г. по март 2017 г., на территории г. Барнаула. Суд г. Барнаул обоснованно признал всех вышеуказанных лиц виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 171.2 УК РФ².

¹ *Решение* Московского городского суда от 30 августа 2017 г. по делу № 7-12138/2017; *О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне «Сибирская монета» в Алтайском районе Алтайского края: постановление Правительства Алтайского края от 9 сентября 2009 г. № 388.*

² *Приговор* суда г. Барнаула по делу № 1-597/2017 от 9 сентября 2017 г. // Судебная практика: — URL: <http://sud-praktika.ru/precedent/457720.html> (дата обращения: 13.06.2020).

Таким образом, можно сделать вывод, что вышеописанная детализация уголовной и административной ответственности за незаконную организацию игорного бизнеса устранила многие пробелы, что положительно сказалась на судебной практике.

О. Г. Бельдина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Проблемы наследования цифровых прав по пользовательскому соглашению

Аннотация. В статье выявлены и проанализированы проблемные зоны, которые появились в связи с развитием общественных отношений в сфере цифровых технологий. Возникновение новых объектов гражданских прав привело к появлению проблемной зоны при наследовании цифровых прав по пользовательским соглашениям с игровыми онлайн-платформами, что выявлено и изучено в рамках проведенного исследования. Установлены проблемы, связанные с этим (в частности, в пользовательских соглашениях запрет на наследование императивно предусмотрен, хотя действующее законодательство таких запретов не содержит), и предложены возможные решения.

Ключевые слова: цифровые права; пользовательское соглашение; цифровые активы; наследственное право; наследство.

Одним из самых стабильных и консервативных институтов в гражданском праве является наследственное право [2], но развитие общественных отношений коснулось и этого института, правовые режимы, которые были заложены изначально, не рассчитаны на появление новых вызовов, связанных с цифровизацией.

Как отмечает Т. С. Яценко, в первую очередь речь идет «о сложностях, возникающих в связи с наследованием так называемых цифровых активов (digital assets), в состав которых в разных правопорядках включают токены, криптовалюту, документы, созданные с помощью программы Microsoft Office, цифровые видео и фотографии, доменные имена, легально загруженные на компьютер файлы (например, mp3 музыкальные файлы, электронные книги), а также бонусные программы, аккаунты в сервисах электронной почты, онлайн-банках и социальных сетях и другие объекты» [7].

Если проблема правового регулирования наследственных прав на криптовалюту связана с получением наследниками кодов доступа, если наследодатель их не оставил, а с правовой природой все понятно.

Отдельно на себя обращают внимание заключенные наследодателем пользовательские соглашения с онлайн-платформами, т. е. права

на аккаунты и, соответственно, приобретенное виртуальное имущество.

Практически все в нашей стране знают широко рекламируемую онлайн-игру World of Tanks, так в п. 4.2.8 лицензионного соглашения с компанией Wargaming усматривается запрет на переход пользовательского аккаунта даже в случае смерти пользователя. В ч. 1 ст. 1112 ГК РФ к числу объектов наследственного правопреемства относятся вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности, которые принадлежали наследодателю на день открытия наследства¹.

В связи с вышеизложенным, возникает вопрос, что же имеет приоритет: положения действующего законодательства или пользовательского соглашения, которое составлено на основе положений о диспозитивности гражданско-правовых отношений. Если мы обратимся к отдельным положениям Гражданского кодекса РФ, то увидим, что есть случаи, в которых правопреемство после смерти наследодателя зависит от условий договора, например, передача прав товарища в договоре о совместной деятельности в ст. 1050 ГК РФ. Здесь мы можем сделать вывод, что примеры ограничения наследования договором есть. Такая же позиция высказана в абз. 3 п. 14 постановления Пленума Верховного суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»: законом или договором может быть ограничен переход прав наследодателя по договору к наследникам.

Но прежде, чем делать такие скоропалительные выводы, необходимо юридически квалифицировать виды правоотношений, чтобы перейти к особенностям наследования. Например, Е. Н. Глониная считает, что пользовательские соглашения такого типа являются договорами с участием потребителя [3]. А если такая позиция верна, то права подлежат наследованию, что следует из подп. «а» п. 3 постановления Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». Чтобы понимать природу данного заявления, надо выделить признаки потребительских отношений:

— в первую очередь, это положения о субъектном составе: с одной стороны, должен быть гражданин-потребитель, а с другой — должно быть юридическое лицо или индивидуальный предприниматель [1];

— второе, цель приобретения объекта — для личного семейного и иного потребления, не связанного с предпринимательской деятельностью [6];

¹ *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): федер. закон от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ.*

— третье, это возмездность договора, если этот признак отсутствует, то и потребительских правоотношений не будет, такой подход мы можем отметить в правоприменительной практике¹.

Таким образом, если мы квалифицируем пользовательское соглашение как договор с участием потребителя, то аккаунт должен передаваться по наследству, а условие, запрещающее это делать, рассматривать как недействительное (ущемляющее положение потребителя по сравнению с действующим законодательством).

Но существует и другая позиция, которая гласит, что пользовательское соглашение в онлайн-играх — это всего лишь одна из форм организации игр и пари, в основном, это судебная практика². Помимо того, такой точки зрения придерживаются некоторые авторы, например, М. С. Кутова [4]. Если признавать такие отношения одной из форм организации игр и пари и участия в них, то, безусловно, взаимные обязательства пользователя и администратора онлайн-игры являются натуральными, а, следовательно, отсутствуют и основания для описания их отношений в терминах «права» и «обязанности». Следовательно, при таком подходе права пользователя онлайн-игры отсутствуют и в этом смысле не входят в состав наследственной массы [5].

Подводя итог, мы приходим к выводу, что единого подхода к проблеме перехода прав по пользовательскому соглашению в порядке универсального наследственного правопреемства нет ни в научном сообществе, ни в судебной практике. Поэтому пока эти два подхода имеют право на существование: если это правоотношения с участием потребителя, то закрепленные за аккаунтом цифровые права наследодателя должны передаваться по наследству, даже несмотря на ограничения в самом пользовательском соглашении; если же это отношения по организации игр (игрок — администратор игры), то эти правоотношения вообще не будут подлежать судебной защите и соответственно, могут быть ограничены администратором онлайн-платформы.

Библиографический список

1. *Астахова М. А.* Потребительский договор: понятие и признаки // Юрист. — 2015. — № 16. — С. 11.
2. *Баринов Н. А., Блинков О. Е.* Наследование в международном частном праве и сравнительном правоведении // Наследственное право. — 2013. — № 1. — С. 33–40.

¹ *О рассмотрении* судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17.

² *Апелляционное* определение Московского городского суда от 14 марта 2018 г. по делу № 33-10610/2018; *Апелляционное* определение Верховного суда Республики Башкортостан от 16 декабря 2015 г. по делу № 33-5487/2015.

3. *Глонина Е. Н.* Не все то лицензия, что ею зовется: проблемные аспекты правового регулирования отношений между пользователями и цифровыми сервисами // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2019. — № 24. — С. 45.
4. *Кутова М. С.* Соотношение обязательств, вытекающих из игр и пари и натуральных обязательств // Актуальные проблемы российского права. — 2009. — № 3. — С. 308–310
5. *Пучков В. О.* Посмертная передача цифровых объектов: пользовательское соглашение vs национальное наследственное право // Наследственное право. — 2020. — № 3. — С. 17–23.
6. *Райлян А. А.* Теоретические основы потребительского права России: цивилистическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. — Казань, 2007. — 540 с.
7. *Яценко Т. С.* Наследственное право в цифровую эпоху: вызовы и тенденции развития // Наследственное право. — 2020. — № 2. — С. 7–10.

С. Н. Бурлака

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Банкротство юридических лиц: проблемы правового регулирования

Аннотация. Статья анализирует проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства) юридических лиц. Актуальность темы исследования обусловлена реформированием действующего законодательства в сфере банкротства юридических лиц. Говорится об основных тенденциях развития банкротного права и практики его применения. Анализируются плюсы и минусы новых законодательных реформ.

Ключевые слова: банкротство юридических лиц; процедура банкротства; реструктуризация долга; мораторий на банкротство.

В условиях тяжелой финансовой ситуации предприниматели активно ведут поиск решений для наиболее благоприятного выхода из кризисной ситуации. Иногда самым оптимальным выходом для них является проведение процедуры банкротства. При этом дела о банкротстве юридических лиц рассматриваются только арбитражным судом [5].

Если для граждан законом предусмотрена внесудебная процедура банкротства, то применение внесудебного банкротства для юридического лица законодателем не предусмотрено.

Внесудебное банкротство для юридических лиц было бы теоретически возможным, но для этого необходимо разработать соответствующий механизм, позволяющий реализовать процедуру банкротства без участия суда и арбитражного управляющего, что в значительной степени снизило бы нагрузку судов. Однако на сегодняшний момент ни

у законодателя, ни у общества нет готовности для реализации данной идеи, так как очень сложной задачей является предусмотреть все возможные злоупотребления со стороны должников и нивелировать риски для кредиторов. Для решения подобных проблем необходим действующий и эффективный институт банкротства.

На протяжении нескольких лет юридическим сообществом активно обсуждается необходимость проведения реформы законодательства о банкротстве [3]. Наиболее важным этапом развития реформы стал законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». На сегодняшний момент законопроект до сих пор не принят, он пока рассмотрен только в первом чтении.

Сегодня основными тенденциями развития законодательства и практики банкротства являются усиление личной ответственности конкурсных управляющих, рост доли ФНС России при распределении конкурсной массы, а также факт повсеместного увеличения включения в конкурсную массу все большего количества личного имущества и сделок.

Основной тренд банкротного права при этом — это развитие института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, максимально возможное их отстранение от влияния на процесс банкротства, в том числе и на стадии предварительного планирования банкротства с целью предупреждения возможных злоупотреблений и противоправных действий.

Так в настоящий момент практика банкротных дел идет по пути увеличения количества дел с привлечением контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности, в частности, путем расширения субъектного состава привлекаемых к субсидиарной ответственности по обязательствам должника лиц, в том числе юристов, бухгалтеров юридического лица-банкрота, и даже родственников и наследников контролирующих должника лиц.

При этом по статистике за 2019–2020 гг. менее 5 % составляет доля удовлетворенных требований кредиторов, а доля вводимых ежегодно реабилитационных процедур банкротства в отношении юридических лиц всего 2 %. Потребность в реформе законодательства, регулирующего процесс банкротства и адаптации его к современным реалиям возникла давно [1]. Причем одной из причин этого является проблема очень длительных сроков банкротства. Ведь ясно, что затягивание данного процесса влечет дополнительные финансовые проблемы для кредиторов.

Необходимо уточнить, что современная реформа законодательства о банкротстве имеет ярко выраженный прокредиторский характер.

На это указывает увеличение инструментов, применяемых в целях исключения контроля аффилированных лиц должника. Такими инструментами являются запрет контролирующим должника лицам назначать лояльных арбитражных управляющих, в том числе путем введения автоматического выбора арбитражных управляющих, понижение очередности удовлетворения их требований в ходе конкурсного производства. «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующим должника и аффилированных с ним лиц»¹, является ярким примером того, что такой подход уже существует в правоприменительной практике [2].

На сегодняшний момент существуют ограничения в отношении аффилированных по отношению к должнику кредиторов на голосование по повестке дня собрания кредиторов, но тем не менее пока заинтересованные кредиторы по иным вопросам повестки дня собрания кредиторов по-прежнему могут голосовать.

Рассматриваемый законопроект изменяет порядок проведения торгов, в частности, упраздняется процедура публичного предложения. Очень важным нововведением является также замена восстановительных процедур банкротства наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления на одну реабилитационную процедуру, т. е. появится такая реабилитационная процедура, как реструктуризация. Это нововведение представляется нам положительным, так как, например, применение процедуры наблюдения было неэффективным, способствовало затягиванию перехода к инвентаризации имущества и его реализации [4]. При реформировании процедуры наблюдения очевидно желание законодателя сделать эту восстановительную процедуру реально действующей, а не номинальной с реальной возможностью восстановления платежеспособности предприятия-должника. Но на сегодняшний момент сложно дать прогноз насколько это заработает на практике. При этом предлагаемый порядок проведения новой реабилитационной процедуры, на наш взгляд, требует дополнительного обсуждения.

Самым же спорным моментом законопроекта является деление всех должников на группы и назначение арбитражных управляющих в зависимости от накопленных баллов. Также изменится порядок назначения на должность арбитражных управляющих и порядок оплаты их услуг. По замыслу законодателя такой подход должен будет материально заинтересовывать арбитражного управляющего и приведет к увеличению процента погашенных требований. Но нам эти ново-

¹ *Обзор* судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующим должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г.

введения представляются не такими однозначными, так как они могут повлечь за собой обратный эффект. Управляющим с большим количеством набранных баллов достанутся все самые большие процедуры, а новичкам останутся «пустые» процедуры, и они таким образом не смогут увеличить свой рейтинг и получить более серьезную процедуру. В результате это может привести к формированию отдельного класса высоковостребованных управляющих и проведение процедур будет распределяться среди ограниченного круга таких лиц.

Необходимо отметить, что принятие вышеуказанного законопроекта повлечет за собой самые масштабные изменения в сфере банкротства за последние два десятилетия. При этом данный законопроект об изменении процедуры банкротства в отношении юридических лиц — это лишь часть реформы законодательства о банкротстве в России. Примерным сроком завершения реформы по утверждению Минэкономразвития РФ является три года. Сам законопроект и подготовленные подзаконные акты, которых более сорока, должны войти в оборот в течение данного срока.

Если говорить о мерах государственной поддержки предпринимательства в сфере банкротства на сегодняшний момент, то здесь необходимо упомянуть о решении руководителя ФНС России о приостановлении с 9 марта 2022 г. подачи налоговыми органами заявлений в арбитражные суды о признании должников банкротами. Целью такого решения является снижения риска роста количества дел о банкротстве в связи с нестабильной экономической ситуацией в стране, связанной в том числе с введенными иностранными государствами финансово-экономическими санкциями. На наш взгляд, такое решение может повлечь за собой как положительные, так и отрицательные последствия.

Положительным моментом является то, что такие ограничения будут способствовать снижению рисков неплатежеспособности для налогоплательщиков, поскольку они смогут взять необходимую паузу для исправления проблемной финансовой ситуации и принятия эффективных управленческих решений по оптимизации своей деятельности и сохранения бизнеса на плаву. И, что также является важным, бизнес-структуры имеют возможность принять меры для стабилизации своего финансового положения без лишней спешки. При этом если должник осознанно принимает решение стать банкротом или желает получить от процедуры выгоду, то это решение не изменит его намерений, а срок увеличения момента подачи заявления о банкротстве подтвердит отсутствие принятия мер по улучшению или изменению ситуации с бизнесом.

Данная мера должна способствовать снижению количества мелких банкротств в тех случаях, когда у должников отсутствуют существенные просроченные банковские кредиты. Тем не менее, не все так

однозначно, так как в случае моратория у недобросовестных должников возникает возможность вывести свои активы, которые в последствии вернуть будет крайне затруднительно. А при возбуждении процесса банкротства целью первой процедуры банкротства наблюдения является пресечение попыток вывода активов, то есть обеспечение сохранности имущества должника.

Таким образом, несмотря на давно назревшую необходимость реформирования банкротного права, планируемые масштабные изменения законодательства в отношении банкротства юридических лиц представляются нам не вполне однозначными и могут создать ряд проблем для субъектов банкротства.

Библиографический список

1. *Емельянова И. А.* Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) юридических лиц: соотношение частных и публичных интересов // Вестник Поволжского института управления. — 2020. — Т. 20, № 4. — С. 61–68.
2. *Ершова И. В.* Банкротство хозяйствующих субъектов. — М.: Проспект, 2021. — 336 с.
3. *Карелина С. А.* Новые законодательные реформы: нужны ли они (на примере законодательства о несостоятельности (банкротстве)) // Право и бизнес. — 2018. — № 1. — С. 3–7.
4. *Ряховская А. Н.* Банкротство и финансовое оздоровление субъектов экономики. — М.: Юрайт. — 2020. — 154 с.
5. *Хасанишина Ф. Г., Гимазова Э. Н., Хасанишин Р. И.* Судебное рассмотрение дел о несостоятельности (банкротстве). — М.: Проспект, 2021. — 192 с.

А. В. Головизнин

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Юридическая ответственность за вред, причиненный роботом

Аннотация. Развитие технического прогресса породило появление роботов. Действующее законодательство не определяет специальный правовой режим роботов. В статье осуществлена постановка проблемы относительно юридической ответственности за вред, причиненный роботами.

Ключевые слова: робот; робоправо; деликтная ответственность.

С учетом развития технического прогресса, который порождает такие сущности как роботы, киберфизические системы, искусственный интеллект, возникает вопрос — кто будет нести ответственность, если

ими будет причинен вред? Очевидно, что никого не оставил равнодушным эпизод в фильме «Робокоп», в котором робот из-за сбоя программного обеспечения убил человека. Замысел сценаристов голливудского фильма оказался не таким и фантастическим, поскольку в 2007 г. сбой программного обеспечения послужил причиной неконтролируемой стрельбы зенитной установки, в результате которой погибло девять солдат, а еще 14 получили серьезные ранения. Однако первое убийство роботом человека произошло еще в далеком 1979 г., жертвой которого стал Роберт Уильямс, погибший от действий индустриального робота на одном из заводов Ford. Родственники погибшего отсудили у создавшей робота компании Litton Industries 10 млн долл. Из недавних нашумевших историй можно привести пример с Джошуа Брауном, погибшим в автокатастрофе в 2016 г. на беспилотном автомобиле Tesla, не заметившим на дороге тягач. Как указывается в юридической литературе, автоматизированные транспортные средства, с определенной долей условности, также можно отнести к разновидности роботов [3].

Следует констатировать, что использование роботов в процессе жизнедеятельности стало обыденным явлением. По статистическим данным робототехника показывает значительный прирост ежегодно. Следовательно, риск причинения вреда роботами с каждым годом только увеличивается.

Еще в далеком 1942 г. американский писатель-фантаст Айзек Азимов сформулировал три закона робототехники:

- 1) робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред;
- 2) робот должен повиноваться всем приказам человека, кроме случаев, когда эти приказы противоречат первому закону;
- 3) робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит первому или второму закону.

Таким образом, данные законы содержат этический постулат непричинения вреда человеку, который, как нам показывает практика, не всегда может быть соблюден [4]. Причем известный американский предприниматель Илон Маск утверждает, что искусственный интеллект является фундаментальным риском для существования человеческой цивилизации.

За действия робота может наступать административная, уголовная и гражданско-правовая ответственность. Однако действующее законодательство не содержит специальных норм об юридической ответственности в случае причинения вреда роботом. Поэтому, решая вопрос о применении юридических санкций, необходимо использовать общие основания наступления административной, уголовной или гражданско-правовой ответственности.

Предложения наделить роботов статусом квази-субъектов, и как следствие, способностью нести юридическую ответственность за самостоятельно принятые решения, могут быть приняты только в лоне гражданского права. В сфере публичного права такой подход неприемлем, поскольку как уголовная, так и административная ответственность органическим образом связано с психической стороной поведения человека, его интеллектом и волей [1, с. 114]. Решение же об уничтожении опасного робота навряд ли может быть признано в качестве высшей меры уголовного наказания, а легко поместится в рамки принудительного ликвидации рассматриваемого квази-субъекта по аналогии с ликвидацией юридического лица, либо может выступать в качестве неблагоприятной меры имущественного характера — экспроприации.

Действующее российское законодательство не содержит специальных норм относительно гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный роботами. Имеющиеся документы, посвященные робототехнике, носят стратегический характер и действуют в форме Программ, Планов, Концепций и т. п. Поэтому при причинении вреда роботом должен использоваться механизм деликтной ответственности. Роботы в целом вписываются в существующие правовые конструкции гражданско-правовой ответственности. Вместе с тем, остается не решенным вопрос относительно субъектного состава, оснований и порядка привлечения к гражданско-правовой ответственности.

На данный момент можно выделить три основные концепции деликтной ответственности за вред, причиненный роботами:

1) деликтная ответственность по общим основаниям, закрепленным в ст. 1064 ГК РФ;

2) деликтная ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ);

3) деликтная ответственность за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ, услуг (ст. 1095 ГК РФ).

Причем последние две из вышеприведенных не включают вину в качестве основания гражданско-правовой ответственности.

Субъектный состав рассматриваемых отношений можно обозначить следующим образом:

а) производитель робота;

б) владелец робота;

в) оператор робота;

г) пользователь робота; д) контролирующее лицо со стороны государственных органов.

Кто из данных субъектов будет отвечать за действия робота — вопрос остается открытым [2], ответ на который в ближайшее время должна дать юридическая наука.

Библиографический список

1. *Апостолова Н. Н.* Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2021. — № 1. — С. 112–119.
2. *Лейба А. А.* О роботах как возможных субъектах права // Гражданин и право. — 2020. — № 9. — С. 81–89.
3. *Незнамов А. В., Смит Б. У.* Робот не виноват! Взгляд из России и США на проблему ответственности за вред, причиненный роботам // Закон. — 2019. — № 5. — С. 135–156.
4. *Тихомиров Ю. А., Крысенкова Н. Б., Нанба С. Б., Маргушева Ж. А.* Робот и человек: новое партнерство? // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2018. — № 5 (72). — С. 5–10.

В. М. Голубова, Д. А. Логинова, Ю. Д. Павлова

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону

Совершенствование системы оценки регулирующего воздействия государства

Аннотация. Низкое качество государственного управления обуславливает поиск новых инструментов и механизмов управления на всех его уровнях. Данным инструментом стала оценка регулирующего воздействия. В статье рассматривается содержание оценки регулирующего воздействия и возможные пути совершенствования системы.

Ключевые слова: ОРВ; институт ОРВ; Минэкономразвития России; субъект; регион; экспертиза.

Понятие «Оценка регулирующего воздействия» происходит от английского regulation impact assessment. Семантический разбор англоязычного аналога данного термина позволяет в полной мере раскрыть его смысловое значение. regulation в переводе означает «властный», impact — воздействие, assessment — оценка.

Существует позиция, что государственное регулирование играет важнейшую роль в создании обстановки, способствующей достижению конкуренции совершенного типа, выступающей как эффективнейшее средство распределения ресурсов. Но выше представленное мнение может существовать только при отсутствии внешних факторов, и в случае, когда участники имеют доступ к объективной информации в полном ее объеме, которая отражается в стоимости соответствующих товаров. Существование внешних факторов, асимметрия и отсутствие доступа к полной информации отдаляют ситуацию от эффективного

распределения ресурсов, представленной в экономике понятием «фиаско рынка». Противоборство и дальнейшее устранение такой ситуации является непосредственно прерогативой государства.

Экономике, как науке известны четыре основания, приводящих к «фиаско рынка»:

- 1) наличие монополии;
- 2) отсутствие рыночного баланса;
- 3) полное отсутствие рынков;
- 4) нежелательные результаты функционирования рынка.

Обоснование применения метода государственного регулирования наличием фиаско рынка отклоняется в сторону обоснования наибольшей эффективности такого метода в сравнении с другими. Исходя из этого, можно сказать, что главенствующую роль при принятии решения о государственном контроле играет сравнение издержек и выгод для введения регуляции и иных вариантов. В случае, когда издержки последующей регуляции меньше, чем прогнозируемый положительный эффект, то такая регуляция должна быть введена.

Согласно докладу World Bank, обобщающему динамику развития «оценки регулирующего воздействия», Российская Федерация получила 5,5 балла из 6 за наличие «хорошо спроектированной» системы «оценки регулирующего воздействия» и систематических отчетов о ее работе. Несмотря на положительные отзывы влияние ОРВ на законодательскую деятельность незначительно. Эти результаты вытекают из невысокой социальной активностью и формальным отношением к данному институту со стороны органов государственной власти. В начале своего существования, когда аспекты процедуры не были в полной мере нормативно урегулированы, разработчики нередко применяли метод ограничения широкого участия представителей общественности и бизнеса в ОРВ. Формой такого проявления можно назвать недоработанным функционалом сайтов государственных органов, значительно осложняющий поиск необходимого раздела, неудобный формат заполнения экспертных заключений, отсутствие адресов для отправки отчетов и многие другие недочеты. Данные преграды не выступали в роли «непреодолимых трудностей», но являлись одним из факторов снижающим количество потенциальных участников обсуждения проекта нормативного акта. На сегодняшний день большинство механизмов представленной процедуры более подробно регламентированы, но законодатели и сейчас без азарта относятся к необходимости узнавать чью-то позицию по отношению к проекту, а также прислушиваться к чужому мнению.

Система методических рекомендаций ОРВ, разработанная в Российской Федерации представлена наиболее углубленно и детализиро-

вано в сравнении зарубежными аналогами. Данную систему можно обозначить тремя критериями:

- 1) уполномоченный орган, разработавший методику;
- 2) степень комплексности методики;
- 3) адресат методики.

Первый критерий определяет методики, которые были разработаны Минэкономразвития России, выступающим в этой ситуации как уполномоченный орган в сфере «оценки регулирующего воздействия» общегосударственного уровня, а также уполномоченными органами в сфере «оценки регулирующего воздействия» более низкого ранга. На сегодняшний день на субнациональном уровне разработкой методик активно занимаются уполномоченные органы субъектов РФ. Ограничений, которые могли бы препятствовать уполномоченным органам в создании методик ОРВ на уровне муниципалитетов нет. Но даже в такой ситуации данных методик катастрофически мало. Важно отметить, что методики, формируемые на субнациональном уровне, в обязательном порядке учитывают приемы и подходы, сформулированные в методиках общенационального регулятора.

По второму критерию можно выделить комплексные методики по организации и проведению ОРВ, охватывающие все этапы этого процесса, и специализированные методики, раскрывающие отдельные, особо сложные или проблемные с точки зрения организации этапы и элементы ОРВ. Комплексные методики часто включают рекомендации по проведению нескольких видов ОРВ, например, оценки проектов нормативных правовых актов (НПА), экспертизы НПА, оценки их фактического воздействия.

По третьему критерию выделяются методики, адресованные органам-регуляторам разных уровней — федеральным, региональным, органам местного самоуправления.

Минэкономразвития России представило итоги рейтинга качества проведения оценки регулирующего воздействия в субъектах Российской Федерации в 2021 г.¹

В 2021 г. оценку регулирующего воздействия прошли 6 393 проекта нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, заключения об ОРВ на 14 % из них были отрицательными. 70 % проек-

¹ *Поручения* Правительства министерству. Решения Правительства, подготовленные министерством. Законопроекты, внесенные в Правительство министерством. Результаты работы министерства // Министерство экономического развития Российской Федерации. — URL: <http://government.ru/department/79/events> (дата обращения: 01.05.2022); *Оценка* регулирующего воздействия (ОРВ) // Министерство экономического развития Российской Федерации. — URL: <http://orv.gov.ru> (дата обращения: 01.05.2022).

тов актов, на которые были даны отрицательные заключения, были доработаны.

Продолжает развиваться и оценка действующего регулирования в регионах. В 2021 г. оценка фактического воздействия и экспертиза были проведены в отношении 409 региональных нормативных правовых актов, при этом чуть более половины заключений по итогам ОФВ и экспертизы были отрицательными. Доработке по итогам этих процедур подверглись 69 % актов, получивших отрицательную оценку.

По итогам расчета рейтинга субъекты Российской Федерации были разделены на пять групп. В группу с высшим уровнем вошли 12 субъектов, хорошим — 13 субъектов, средним — 43 субъекта, удовлетворительным — 13, неудовлетворительным — 4¹.

Стоит отметить, что Ростовская область по состоянию на 2020 г. включена в группу с средним уровнем качества оценки регулирующего воздействия. По состоянию на 2021 г. Ростовская область состоит в группе с удовлетворительным качеством оценки регулирующего воздействия. Таким образом, в Ростовской области ухудшилось качество оценки регулирующего воздействия по сравнению с 2020 г.

Ростовская область является первым регионом, который внедрил институт оценки регулирующего воздействия. Процедура ОРВ действует в регионе с 2012 г. Уполномоченным органом по организации процесса ОРВ является Департамент инвестиций и предпринимательства Ростовской области, при поддержке Министерства экономического развития Ростовской области².

Участниками оценки регулирующего воздействия в Ростовской области являются:

- 1) разработчики проектов нормативных правовых актов (государственные органы Ростовской области);
- 2) уполномоченный орган, ответственный за проведение оценки регулирующего воздействия;
- 3) участники публичных консультаций (представители общественных объединений и бизнес-сообщества).

По состоянию на 2020 г. в Ростовской области количество нормативных правовых актов органов исполнительной власти, прошедших оценку регулирующего воздействия, составляют 11 нормативных правовых актов. За 2020 г. не было проектов нормативных правовых актов, доработанных по итогам отрицательного заключения об оценке регули-

¹ Правительство Российской Федерации. — URL: <http://government.ru> (дата обращения: 01.05.2022).

² Министерство экономического развития Ростовской области. — URL: <https://mineconomikiro.donland.ru> (дата обращения: 01.05.2022); Правительство Ростовской области. — URL: <https://www.donland.ru/> (дата обращения: 01.05.2022).

рующего воздействия. Также не было нормативных правовых актов, получивших отрицательное заключение. Количество нормативных правовых актов, прошедших экспертизу-2. Доработанных или отмененных нормативных правовых актов по итогам отрицательного заключения не было. В 2020 г. Ростовская область попадала в группу со средним рейтингом по качеству проведения оценки регулирующего воздействия.

В целом следует отметить, что тенденция к снижению общих темпов экономического роста, снижение инвестиционной активности, а также невозможность полагаться исключительно на конъюнктуру мировых рынков сырья и капитала требуют переориентации усилий от «ручного» управления экономикой к «умному регулированию», повышению качества институтов, способствующих устойчивому росту в долгосрочной перспективе. Внедрение оценки регулирующего воздействия, как одного из таких институтов, приобретает особое значение, прежде всего, в российских регионах, которые в значительной степени зависят от конъюнктуры мировых цен на сырье и энергоносители.

Н. С. Громова, О. А. Меньшикова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Актуальная образовательная политика в условиях цифровой трансформации как синтез частных и публичных интересов

Аннотация. Вопросы образовательной политики в статье рассматриваются как проблема комплексного характера, находящаяся в межотраслевом пространстве, сочетающем частные и публичные интересы. Выбор вектора трансформации образовательных отношений исследуется в аспекте существующей правовой базы с учетом перспектив инновационного развития. Выявляются проблемы, свойственные Российской Федерации в процессе цифровой трансформации, и предлагаются возможные решения на примере сферы образования.

Ключевые слова: цифровая трансформация; инновации; образование; образовательные риски.

Инновационные процессы в современных государствах во многом обусловлены меняющейся реальностью. Государства не существуют изолированно, они взаимодействуют в рамках мирового сообщества, пусть и при возможных сбоях в этом взаимодействии. Нужно понимать, что, с одной стороны, учет мировых тенденций обеспечивает развитие государства, но, с другой стороны, собственный потенциал и решение внутригосударственных задач дают возможность обеспечить полноценный суверенитет.

Гармоничная согласованность внедряемых инноваций с внутри-государственной политикой и актуальными вызовами позволяет государству непрерывно развиваться. Нельзя не отметить, что каждое государство имеет собственный вектор развития, включающий специфику функционирующих политических институтов, экономического базиса, уровня сформированности общественного правосознания, а также географического положения, национального, религиозного и этнического состава населения и многих других факторов. Нет и не может быть единого сценария развития для всех государств. Последнее десятилетие показало, что на фоне набирающих обороты процессов глобализации начинают формироваться процессы глобализации. В рамках магистрального направления изменений каждое государство стремится найти свою нишу, обеспечить оптимальный путь внедрения инноваций, реализуя государственную стратегию развития [3].

Процесс цифровизации, охвативший мировое сообщество с конца XX века, предполагает внедрение цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности общества и государства, что, как показывает современный этап развития государств, вызывает определенные затруднения и формирует комплекс проблем, требующих решения [1, с. 110]. Рассмотрим проблемы, с которыми столкнулось наше государства, определим их предпосылки и наметим возможные пути решения.

Процесс цифровизации, который распространяется все более быстро, особенно под влиянием изменений в отношениях, обусловленных пандемией, идет не равномерно в разных сферах жизнедеятельности общества. Так, в сфере экономических отношений инновации довольно быстро укоренились, но многие социально ориентированные сферы довольно медленно подстраиваются под новые стандарты [6, р. 799]. Это становится определенной проблемой, особенно, в тех случаях, когда сами отношения выступают фундаментальными, как в сфере образования. Цифровая трансформация призвана увеличить эффективность деятельности организаций, но некоторые сектора только теряют ее, включаясь в процесс. Многие исследователи и простые граждане, связанные со сферой образования, отмечают целый ряд показателей, достижение которых невозможно при получении цифрового образования.

Проблемы в данном направлении как раз связаны с полярностью интересов участников отношений. Государство заинтересовано в квалифицированных кадрах, которые смогут реализовывать поставленные перед ними задачи в полном объеме, т. е. инновации являются частью публичных интересов. Гражданин может быть заинтересован в получении совершенно иных компетенций в процессе образовательной деятельности: он тоже хочет быть высоко квалифицированным специалистом, но больше внимания у него может привлекать компетенции из раз-

ряда «Soft skills» [3, с. 11]. Проблема состоит в том, что цифровой характер отношений в данном случае не даст ему нужного результата, и он оценит его как неудовлетворительный.

В современных условиях трансформация образовательных отношений позволит обеспечить позитивный синергетический эффект от модернизации и сохранения традиционных подходов. Так, позитивные инновации дают возможность развития, сохранения традиций — обеспечивает результативность в достижении внутригосударственных задач не только стратегического характера, но и тактического [2, с. 121].

Качественное образование обеспечивает потребности личности, общества и государства, что дает возможность обеспечить синтез частных и публичных интересов [5]. Задачей государства в этом случае становится оптимизация системы для потребностей человека. Профессиональная деятельность связана с участием в инновациях и частных интересах, медленнее включаясь в этот процесс, больше зависят от его результата. Получение образования, соответствующего современным вызовам, новыми поколениями является фундаментом для решения не только социальных проблем, но и для достижения государственных задач как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Современное образование представляет собой не просто процесс передачи информации от одного субъекта другому — это развитие такого количества актуальных компетенций, которые позволят быть человеку востребованным не только в профессиональном, но и социальном плане [4, с. 215]. При этом не стоит забывать, что государство заинтересовано в специалистах высокого уровня внутри страны, что выступает приоритетом в современных условиях. Рынок труда, обеспеченный нужными и востребованными специалистами, становится точкой пересечения публичных и частных интересов в рамках функционирования сферы образования.

Важным элементом изменений выступает анализ существующих рисков в процессе реализации концепции цифровой трансформации образования. Риски можем разделить на две группы: формальные и содержательные.

К формальным отнесем такие риски, которые связаны с проблемами цифровизации на уровне возможностей использования инновационных технологий. При переходе к новым стандартам качество образования во многом зависит от развитости инфраструктуры конкретной территории. В РФ субъекты сталкиваются с проблемами, обусловленными географическим положением, климатическими условиями, численностью населения, спецификой развития производства в регионе и т. д. Города, имеющие более высокий уровень высшего и среднего образования, занимают высокие позиции в Рейтинге устойчивого развития

городов России и, следовательно, имеют более высокий потенциал устойчивого развития в среднесрочной перспективе.

Проблемой становится возможность территориального образования к участию в новых отношениях: отсутствие технических средств и сетевого взаимодействия становится главной причиной отказа региона от участия в процессе инновационных трансформаций. Некачественный сигнал сети Интернет приводит к некачественному образованию, а следовательно, ни публичные, ни частные интересы не могут быть реализованы.

Так, результативность и качество инноваций зависит во многом от специфики региона: техническое оснащение конкретного населенного пункта может выступить толчком в развитии или затормозить его на длительный период.

Нельзя не отметить и более частные проблемы. Например, можно говорить о влиянии финансирования вуза на результаты образования. В данном случае речь идет не только о государственном финансировании, но и о частном. Так, крупные работодатели, если таковые имеются в регионе, могут обеспечить более качественную подготовку для своих предприятий, подключаясь к процессу сетевого взаимодействия с образовательной организацией. Если регион не имеет крупных предприятий, то это связано с возникновением проблем не только у конкретных жителей, которые не могут получить высокий уровень подготовки, но и с проблемами регионального и государственного масштаба — отсутствие кадров на конкретной территории и, как следствие, ухудшение экономического и социального климата.

К содержательным рискам относятся вопросы, связанные с внедрением инновации. Инновации — это не только внедрение новых технологий, о и возможность их восприятия на должном уровне. Важен системный подход в развитии новых приоритетов образовательной системы, к которому не все субъекты образовательных отношений готовы. Многие обучающиеся не могут перейти на новый формат обучения без потери его качества, даже когда это произошло в условиях вынужденных изменений. К этому скачку не всегда готовы и те, кто предоставляет образовательные услуги: старые методики получают новый формальный, но не содержательный подход.

Решением выявленных проблем представляется необходимость согласования публичных и частных интересов в сфере не только процесса получения образования, но и его результата. Образование — это особая сфера, в которой от базовых характеристик, заложенных на самых первых ступенях, зависит результат всего развития человека. Частные интересы лица во многом связаны с реализацией личных и экономических прав в дальнейшем. Однако интересы государства более об-

ширны: реализация социальных и политических права граждан связана с климатом в стране в целом. Образование в этом вопросе является одним из первичных институтов. Интересы государства в сфере трансформации образования максимально приоритетны, так как наличие полноценно развитых специалистов и граждан обеспечивает развитие страны. При этом для граждан высокий уровень развития государства обеспечивает и личное благополучие. Следовательно, актуальная образовательная политики в условиях цифровой трансформации должна быть построена по синтетическому типу: на основе консолидации частных и публичных интересов.

Библиографический список

1. Колоткина О. А. Оценка эффективности правового регулирования инновационной деятельности в Российской Федерации // Право и образование. — 2019. — № 8. — С. 106–112.
2. Шайбакова Л. Ф., Фотеева Н. А. Инновационные факторы повышения конкурентоспособности дошкольного образовательного учреждения. — Самара: Общественная наука, 2017. — 161 с.
3. Ягофарова И. Д. Парадигма права в современных условиях цифровизации // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений: сб. науч. ст. по итогам работы круглого стола № 10 со всерос. и междунар. участием (Шахты, 30–31 октября 2021 г.). — Шахты: Конверт, 2021. — С. 10–12.
4. Ялунина Е. Н. Приоритетные направления развития регионального университета в условиях цифровой экономики // Тенденции развития электронного образования в России и за рубежом: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15 мая 2020 г.). — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. — С. 211–218.
5. Ялунина Е. Н., Фотеева Н. А. Методы оценки конкурентоспособности дошкольного образовательного учреждения // Креативная экономика. — 2016. — Т. 10, № 7. — С. 779–792.
6. Ruzakova O., Kurdyumov A. Restructuring and adaptation of enterprises in the conditions of information economy development // 4th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts (SGEM 2017): conference proceedings (Albena, 24–30 августа 2017 г.). — Sofia: СТЕФ92 Технолоджи, 2017. — P. 795–802.

Н. С. Громова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Вопросы соотношения публичных и частных интересов при реализации прав граждан в сфере экономики

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы соотношения публичных и частных интересов в сфере экономики как дискуссионная проблема. В процессе анализа акцент делается на имманентном характере взаимосвязи прав и обязанностей в сфере экономической деятельности, обусловленном интересами разных уровней. На основании анализа эмпирических данных делается вывод об индивидуальных и коллективных правах в сфере экономики как о неотъемлемых элементах одной бинарной системы. В качестве решения существующих проблем предлагается рассматривать соотношение публичных и частных интересов в сфере экономики как комплексную категорию, базирующуюся на надотраслевом характере прав, свобод и обязанностей, которые обусловлены правовыми условиями и социальными процессами в государстве.

Ключевые слова: экономические права граждан; правообязанность; публичные интересы; частные интересы; баланс прав и обязанностей.

Экономические отношения представляют собой важный элемент развития любого современного государства, выступая при этом базисом правового статуса индивида. Решение проблем в сфере экономических отношений представляет собой приоритетное направление государственной политики, но публичные интересы являются не единственным стимулом развития экономики.

В рамках реализации национальных приоритетов государства обязательным условием выступает создание документов стратегического планирования на долгосрочную перспективу. В частности, в Российской Федерации основные принципы национальной системы управления рисками представлены в таком документе — Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. Анализ содержания документа указывает на полинаправленный характер задач: от укрепления экономического суверенитета государства и формирования условий для стабильной экономической безопасности до улучшения качества жизни каждого гражданина.

Стратегические направления в рамках рассматриваемого вопроса могут быть реализованы только при условии учета потребностей государства в определенных сегментах и создания систему правовых гарантий для участников экономических отношений. В данном случае формируется парадокс: экономическая система, обеспечивающая конкуренцию и свободу деятельности субъектов отношений, не может существовать без вмешательства государства, а ее стабильность предподре-

деляется наличием ограничений [1; 6; 7]. Ограничения в этом смысле выступают не примером абсолютного государственного вето, а представляют собой пределы реализации прав субъектов, распространяющиеся на всех участников правоотношений без исключений.

Современные исследователи отмечают наличие устойчивой взаимосвязи публичных и частных интересов, которая основана на предопределенности прав и свобод субъектов в сфере экономической деятельности их обязанностями. Вопросы о поиске баланса между публичными и частными интересами обоснованно сводятся к анализу двух направлений, регулирующих экономические взаимоотношения: правовому и социальному. Особую остроту вопросы приобретают в последние годы, когда появляются новые вызовы и проблемы в экономической сфере: рост концентрации финансовых активов, олигополизация, высокая волатильность, сверхвысокая инфляция и др. на фоне пандемии и нестабильных международных отношений [3, с. 111].

Анализ правовой базы РФ и правовых актов зарубежных стран, научно-исследовательских трудов, опросы участников правоотношений позволили сформировать представление о дискуссионных вопросах и проблемных полях в рамках рассматриваемой тематики.

Экономические права человека и гражданина рассматриваются преимущественно как комплекс правовых оснований, определяющих пределы свободы индивидов в сфере экономической деятельности. Однако, как справедливо замечает А. В. Пашков, вместо анализа в аспекте рассмотрения объектов исследования предпринимательского или гражданского права, они чаще примыкают к отраслям конституционного или международного права [4, с. 143]. Это подчеркивает, что именно данные отношения имеют бинарную природу, которая проявляется на разных уровнях.

Во-первых, существует проблема разграничения частноправовых и государственных интересов в сфере экономики в связи с тем, что это совокупность материальных интересов отдельного индивида и стратегических направлений развития государственной системы.

Во-вторых, с учетом исследованных конституционных положений отметим, что возможности человека в экономическом поле сопряжены с общественными интересами, т. е. с его обязанностями, основанными на государственных требованиях. В частности, отдельным направлением является регламентация вопросов монополизации и недобросовестной конкуренции в аспекте согласования прав и обязанностей (ч. 2 ст. 34 Конституции РФ).

В-третьих, экономические права представляют собой комплексную категорию, основанную на частноправовых интересах лиц и на об-

щественно-политических запретах государства. Вопросы разграничения индивидуальных и коллективных прав в сфере экономики представляются весьма острыми. Возможно говорить о том, что такое разграничение невозможно, поскольку перевес в ту или иную сторону нарушает баланс системы в целом.

Результатом выступает слияние категорий «право» и «обязанность» в рамках специфики рассматриваемых отношений. Данный конгломерат предполагает возможность оправданного использования в отношении экономической сфере термина «правообязанность» [5, с. 67], указывающего на имманентный характер совокупности компонентов, обеспечивающих функционирование системы, когда индивид, группа лиц, общество и государство являются субъектами экономических прав и обязанностей одновременно. Это создает и определенную проблему в рамках правоприменения и квалификации противоправных деяний, что автоматически затрудняет противодействие и реализацию превентивной политики в отношении злоупотреблений в сфере экономической деятельности.

Важно отметить, что правовая проблема перетекает и в общественную. На основании проведенного эмпирического исследования была установлена проблемы субъективной предопределенности приоритета частноправовых интересов перед государственными. На основании результатов опроса студентов вузов г. Екатеринбург, обучающихся по направлениям подготовки «Юриспруденция» и «Экономика» с I по IV курс, был выявлен однобокий характер понимания специфики отношений: большинство респондентов отметило, что считает недопустимым возможность вмешательства государства в функционирование экономической сферы (56 % студентов-юристов и 67 % студентов-экономистов). При этом они понимают возможность злоупотреблений в этой сфере и считают недопустимым отсутствие антимонопольной деятельности (более 70 % всех опрошенных).

Результаты опроса показали, что чаще под вмешательством государства понимается негативный характер влияния на процессы, многие члены общества не воспринимают существующий контроль в этой сфере как задачу государства. Это представляет проблему, которая требует решения, так как перекос в деятельности индивидов, обеспечивающих исключительно сферу собственных частных интересов, может привести к нарушению функционирования системы.

Правовая и экономическая грамотность в этом вопросе требует пристального внимания, и их уровень необходимо повышать не только у лиц, уже имеющих опыт экономической деятельности, но и у тех, кто еще только планирует включаться в этот процесс.

Правовой статус субъекта в сфере экономических отношений формируется не только набором экономических прав и свобод, но и совокупностью всего комплекса прав в целом: от личных до политических. Нельзя забывать о том, что экономика и право существуют как две части единого целого. Бинарный характер природы экономических отношений является имманентной характеристикой данной системы.

Нахождение баланса частных и публичных интересов в сфере экономики предполагает четкий контроль за границами прав и обязанностей всех субъектов отношений» [2, с. 21]. Дуалистический подход в делении прав и обязанностей на публичные и частные не представляется релевантным при анализе экономических отношений, которые как в правовом поле, так и в социальном имеют комплексный характер.

Представляется необходимым говорить о правовом комплексе механизмов, учитывающих специфику системы: индивидуальные потребности субъектов отношений и коллективные последствия разрушения системы. Перспективным видится разработка рамочного документа, составленного в концепции разноотраслевого регулирования, позволяющего дополнять имеющиеся лакуны за счет смежных отраслей и их механизмов.

Подводя итоги анализа, отметим, что соотношение публичных и частных интересов в сфере экономики невозможно в отрыве друг от друга. Это комплексная категория надотраслевого характера экономических и смежных с ними прав, свобод и обязанностей. Правовые условия позволят обеспечить базу для благоприятных социальных трансформаций в государстве.

Вопросы соотношения публичных и частных интересов в сфере экономики могут быть урегулированы только при наличии актуальной правовой базы, основанной на потребностях индивида при соблюдении государственной стратегии развития в меняющихся политических условиях.

Библиографический список

1. *Государственная политика по защите и развитию конкуренции и ее реализация в нормах права* / К. Н. Алешин, А. В. Аленков, Д. М. Ашфа и др. — М.: Юстицинформ, 2020. — 300 с.

2. *Колоткина О. А., Шалободов Д. В., Ягофарова И. Д.* Баланс публичных и частных интересов при обеспечении национальной безопасности России // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2018. — № 1. — С. 19–25. — URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=en/system/files/Колоткина%20и%20др.pdf> (дата обращения: 25.12.2022).

3. *Миркин Я. М.* 30 лет финансового развития в новой России: ключевые дисбалансы // Научные труды ВЭО России. — 2021. — Т. 232, № 6. — С. 97–116.

4. *Пашков А. В.* К вопросу о содержании категории «Экономические права» // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. — № 2. — С. 138–154.

5. *Середнев В. А.* К вопросу понятия «права» и «обязанности»: сравнительный анализ в либеральном западном и традиционном русском сознании (рассмотрение через систему уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности) // Отечественная юриспруденция. — 2016. — № 7 (9). — С. 62–69.

6. *Ягофарова И. Д.* Правовое регулирование экономической безопасности в России: проблемы и перспективы // Организационно-правовые основы экономической безопасности субъектов хозяйствования в условиях новых вызовов внешней среды: проблемы и пути их решения: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 12 апреля 2022 г.) / под общ. ред. Н. В. Мальцева. — Екатеринбург: УГГУ, 2022. — С. 278–283.

7. *Ялунина Е. Н., Мансуров Г. З.* Экономика и гражданское право: проблемы соотношения в сфере услуг // Вопросы экономики и права. — 2021. — № 156. — С. 60–64.

Е. В. Елфимова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Правовое регулирование и порядок расследования микроповреждений (микротравм) работников

Аннотация. В статье исследуется правовое регулирование микроповреждений работников. Приводятся нормы законодательства РФ, предусматривающие алгоритм действий работодателя в случае микроповреждений (микротравм) работников на предприятии. Раскрываются причины возникновения микротравм на производстве. Указывается ответственность за сокрытие со стороны работодателя фактов получения работниками микротравм на рабочем месте.

Ключевые слова: микротравма; учет микротравм; расследование микротравм.

Вопросы безопасности личности и граничащих вместе с ними интересами различных субъектов при реализации прав рассматривались отечественными учеными [1; 2]. В настоящей статье рассмотрим правовые нормы регулирующие действия работодателей при получении микроповреждений работников, а также их ответственность.

В ст. 226–231 гл. 36.1 расследование, оформление (рассмотрение), учет микроповреждений (микротравм), несчастных случаев» Трудового

кодекса РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 25 февраля 2022 г.). Внесены изменения, обязывающие всех работодателей с 1 марта 2022 г. учитывать микротравмы работников и вести документацию установленной формы в целях предупреждения более серьезных травм и увечий на рабочем месте. В связи с чем работодатель обязан не только проводить служебное расследование по факту получения указанных повреждений, но и осуществлять ряд мероприятий, в целях своевременной фиксации травмы.

В соответствии со ст. 226 ТК РФ работодатель обязан фиксировать травмы не только работников своего предприятия, но и травмы иных лиц, принимающих участие в его производственной деятельности, например, студенты в период практики, осужденные к лишению свободы и привлеченные к труду, а также выполняющие общественно-полезные работы и др.

Микротравмой считается повреждение (ссадина, царапина, ушиб, синяк, неглубокие ожоги I степени и т. д.), которое не повлекло за собой утраты трудоспособности, и работник продолжил работать. Заместитель главного технического инспектора труда Федерации независимых профсоюзов России Алексей Безюков раскритиковал указанное понятие, отметив следующее: «не совсем удачно выбран термин — „микротравма“, под ним понимается последствия произошедшего инцидента. А рассматривать необходимо как раз причины и действия, которые привели к этому инциденту. Вместе с тем эксперт отметил, что закрепление понятия микротравмы в ТК РФ позволит работодателю более основательно анализировать статистику по таким рискам, делать соответствующие выводы и предупреждать риски».

Заместитель министра труда и социальной защиты Алексей Вовченко указал на необходимость внимательного изучения причин, способствующих микротравме. Так, «любой порез или ушиб на производстве не возникают без причины. Возможно, где-то произошел сбой в системе охраны труда. Работодатель должен проанализировать причины появления микротравм, сделать выводы, чтобы предотвратить серьезные последствия, которые могут наступить».

Если работнику пришлось взять отпуск по временной нетрудоспособности хотя бы на один день, в связи с получением повреждения, то в соответствии со ст. 227 ТК РФ ее необходимо называть производственной травмой. Место получения травмы также влияет на признание травмы производственной. Так, например, такая травма должна быть получена: на территории предприятия, в том числе в сверхурочное или обеденное время; по дороге домой или обратно на служебном транспорте; в период командировки с учетом дороги; во время вахты и т. д.

Порядок проведения расследования по факту получения микро-травм осуществляется в соответствии с приказом Минтруда России от 15 сентября 2021 г. № 632н «Об утверждении рекомендаций по учету микроповреждений (микротравм) работников». Положения указанного приказа предусматривают обязанность пострадавшего немедленно сообщить о полученной микротравме своему непосредственному руководителю, попросить об оказании первой медицинской помощи и, при необходимости, его доставке в медучреждение.

В целях рассмотрения обстоятельств и причин получения микро-травмы работодатель истребует письменное объяснение с работника и производит осмотр места происшествия, при котором вправе присутствовать сам пострадавший, как сам, так и через законных представителей. При необходимости целесообразно провести опрос очевидцев.

По итогам проведения указанных мероприятий составляется справка рассмотрения обстоятельств и причин, приведших к возникновению микротравмы, в которой также излагаются причины и способы устранения указанных повреждений впоследствии. На указанные действия по фиксации микротравмы работника у работодателя (специалиста по охране труда) есть три календарных дня, при необходимости срок может быть продлен, но не более, чем на два календарных дня. Ознакомление пострадавшего работника с результатами проведения расследования обязательно.

В качестве рекомендаций работодателю предложим ряд необходимых мероприятий, которые позволят последовательно, в соответствии с указанными выше нормами ТК РФ, провести работу в направлении темы исследования. В частности, работодателю нужно издать локальный нормативный акт по учету микротравм на его предприятии, например, приказ, либо добавить раздел в имеющееся у работодателя Положение о расследовании и учете несчастных случаев. Затем ознакомить руководителей всех подразделений с данным приказом под роспись. Довести до работников алгоритм действий в случае получения микро-травмы и ознакомить с образцом справки ее расследования. В случае получения повреждения собирается комиссия, в состав которой входит специалист по охране труда, представитель работодателя и профсоюза. Данным составом комиссии рассматриваются обстоятельства и составляется справка. Помимо этого, на предприятии должен быть журнал учета микротравм, в котором происходит фиксация всех подобных случаев, посредством сбора и регистрации. Справка и журнал могут вестись в электронном виде. Данная информация должна храниться не менее года.

Уделять внимание микротравмам важно потому, что в большинстве случаев они возникают в результате сбоев и «слепых пятен» в при-

меняемой на производстве системе охраны труда — по принципу «где тонко, там и рвется». Чаще всего речь идет о несоблюдении норм безопасности. Так, Комплектовщик готовой продукции Игорь П., работающий на складе в ООО «Ромашка», систематически не использовал защитные перчатки во время работы, но на это довольно долго не обращали внимание ни его коллеги, ни заведующий складом. В очередной раз нарушив инструкцию, Игорь П. получил микротравму руки — ссадину с незначительным кровотечением. Кровь сразу же остановили, руку обработали. Других травм, помимо ссадины, работник не получил. Но выводы из сложившейся ситуации он сделал, а заведующий складом, в свою очередь, понял, что нужно усилить контроль за соблюдением норм безопасности и провести внеплановый инструктаж по технике безопасности не только для Игоря П., но и для его коллег.

Некоторые микротравмы объясняются не столько поведением работников, сколько отсутствием на производстве безопасных условий труда. Пример Менеджер отдела продаж ООО «Добрострой» Юлия С. сообщила руководителю компании, что получила микротравмы (ушиб, несколько небольших гематом, ссадины) в результате падения в офисе. Выяснилось, что причиной падения стали незакрепленный кабель, проложенный вдоль офисного коридора. Чтобы обезопасить персонал, кабель переместили, уложили в специальный канал вдоль стены и закрыли плинтусом.

На практике возникают ситуации отказа со стороны работодателя фиксировать факт получения микротравмы. В данном случае работник вправе зарегистрировать заявление об оформлении микротравмы на производстве в подразделении делопроизводства и режима (секретариате) с постановкой на нем входящего регистрационного номера, либо направить заказным письмом с уведомлением через почтовое отделение на имя работодателя.

В случае сокрытия со стороны работодателя фактов получения работниками микротравм на рабочем месте, ст. 5.27.1 КоАП РФ предусматривает возможность привлечения его к административной ответственности за «Нарушение государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации». Санкция данной статьи содержит наказания в виде предупреждения или административного штрафа на должностных лиц и лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица от двух до пяти тысяч рублей, а на юридических лиц от 5 до 8 тыс. р.

В завершении следует отметить в целях предупреждения о необходимости уделения должного внимания данному вопросу со стороны всех участников от законодателя до работодателя.

Библиографический список

1. Мансуров Г. З. Об эволюции и содержании понятия «безопасность» в юриспруденции // Проблемы интеграции государств в условиях современных геополитических трансформаций. — Екатеринбург: Уфимский институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2014. — С. 168–172.
2. Ягофарова И. Д. Обеспечение баланса интересов различных субъектов при реализации прав и свобод в РФ // Право и образование. — 2020. — № 7. — С. 62–66.

О. А. Кожевников

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Экономическая основа местного самоуправления как пример баланса публичных и частных основ российского права

Аннотация. Комплексное правовое регулирования различных правовых институтов на основе разумного сочетания публичных и частноправовых начал российского права в последнее время приобретает все более распространенные формы. Ярким примером «конгломерата» публичных и частноправовых норм является институт муниципального права — экономическая основа местного самоуправления. На отдельных примерах автором показана возможность эффективного правового регулирования заявленной сферы правоотношений на основе совокупного применения норм публичного и частного права.

Ключевые слова: местное самоуправление; муниципальная ответственность; местный бюджет; экономическая основа местного самоуправления; публичное и частное право.

В последние три года на фоне наступления отдельных исторически значимых событий в жизни нашего государства (пандемия коронавируса, конституционные изменения 2020 г., усиление санкционной политики ряда зарубежных государств в отношении РФ) серьезным образом обострили научные дискуссии в отношении направлений развития системы российского права и ее структуры. Нет сомнений, что усиливающиеся внешние угрозы, текстуальные изменения текста «главного» акта нашего государства привели к непрерывному увеличению количества нормативных актов, регулирующих как традиционные стороны нашей жизни, так и новые, ранее не существовавшие сферы общественных отношений. Указанная динамичность, несомненно, вызывает необходимость постоянной, в том числе и критической оценки происходящих изменений, выявления тенденции развития законодательства, осмысления происходящих в нем изменений.

В рамках настоящего исследования хотелось бы остановиться на одном из наиболее динамично развивающемся направлений общественных отношений, вызвавшие в последнее время «шквал» дискуссии — местном самоуправлении и осуществляющем его правовое сопровождение и регулирование — муниципальном праве.

Следует отметить, что современное муниципальное право России является самостоятельной, комплексной отраслью права, основу которого составляют нормы как публичной, так и частной правовой природы, которые регулирует общественные отношения в области местного самоуправления.

Комплексный характер муниципального права обусловлен и современными пониманием содержания и сущности местного самоуправления.

Так, ст. 1 действующего Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» (далее — Закон № 131-ФЗ), местное самоуправление рассматривает не просто как форму осуществления народом своей власти, но и как самостоятельное и под свою ответственность решение населением и через органами местного самоуправления соответствующего муниципального образования вопросов местного значения. При этом именно вопросы местного значения ориентируют систему муниципально-правового законодательства на применение комплексного подхода, основанного на применении как публично-правовых методов регулирования, так и частно правовых.

В качестве примера, можно привести такой вопрос местного значения как составление и рассмотрение проекта бюджета поселения, утверждение и исполнение бюджета поселения, осуществление контроля за его исполнением, составление и утверждение отчета об исполнении бюджета который очевидно решается с помощью публично-правового регулирования, прежде всего, с помощью норм бюджетного права, в тоже время владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в муниципальной собственности очевидно основано на нормах гражданского права, которое традиционно относится к частному праву.

В рамках муниципального права существуют и такие правовые институты, которые в своем содержании проявляют одновременно как публично-правовые, так и частноправовые способы правового регулирования. В качестве примера подобного комплексного, компромиссного баланса частных и публичных начал в правовом регулировании можно привести экономические основы местного самоуправления. Вопрос об обязательном присутствии в муниципальных образованиях экономических ресурсов для осуществления местного самоуправления основан на

положениях ст. 9 Европейской хартии местного самоуправления и Конституции РФ (ч. 2 ст. 8, гл. 8).

В Законе № 131-ФЗ в ст. 49 закреплено, что экономическую основу местного самоуправления составляют находящиеся в муниципальной собственности имущество, средства местных бюджетов, а также имущественные права муниципальных образований.

Рассмотрим каждый из названных компонентов.

Следует отметить, прежде всего, что легального определения термина «имущество» в Гражданском кодексе РФ отсутствует, однако, судить о его содержании несомненно можно, проанализировав положения ст. 128 и 129 ГК РФ и определив, что имущество — это материальные и нематериальные объекты гражданских прав, которые по общему правилу могут отчуждаться и переходить от одного лица к другому. Свою лепту в формирование содержания категории «имущество» внес и Конституционный суд РФ, который в своем Постановлении от 6 июня 2000 г. № 9-П разъяснил, что термином «имущество» охватывается любое имущество, связанное с реализацией права частной и иных форм собственности, в том числе имущественные права, включая полученные от собственника права владения, пользования и распоряжения имуществом.

В другом своем Постановлении РФ от 16 мая 2000 г. № 8-П Конституционный суд РФ указал, что понятием «имущество» в его конституционно-правовом смысле охватываются, в частности, вещные права и права требования, принадлежащие кредиторам.

Таким образом, категория «имущество» — это, прежде всего, категория частного права, преимущественно регулируемая нормами гражданского права. Однако, когда имущество рассматривается как экономическая основа местного самоуправления, помимо частноправового регулирования, существенное влияние на данную категорию оказывает и нормы публичного права.

В частности, уже ст. 125 ГК РФ нас настраивает на публичные начала, поскольку имущество, принадлежащее на праве собственности городским и сельским поселениям, а также другим муниципальным образованиям, является муниципальной собственностью, в отношении которой от имени муниципального образования права собственника реализуют органы местного самоуправления.

Понятие муниципального образования, органов местного самоуправления даны в Законе № 131-ФЗ, базовом акте муниципального права. Следует также отметить, что в гл. 8 вышеуказанного закона не приводится перечень муниципального имущества, однако, общие начала гражданского законодательства в части права собственника иму-

щества ограничены принципом целевого назначения имущества - «имущество в след за полномочиями».

Иными словами, в составе муниципальной собственности может находиться то имущество, которое необходимо для осуществления соответствующих полномочий (ч. 1 ст. 50), а непрофильное имущество подлежит отчуждению или репрофилированию (ч. 5 ст. 50) [2].

Еще одним элементом экономической основы местного самоуправления является местный бюджет. Конституционный суд РФ в своем Постановлении от 17 июня 2004 г. № 12-П указал, что бюджет каждого территориального уровня как инструмент реализации финансовой политики государства служит для распределения и перераспределения финансовых ресурсов на определенной территории, посредством чего происходит финансовое обеспечение публичных функций, а сами бюджетные отношения выступают в таком случае существенным элементом социально-экономического развития государства и муниципальных образований. Нельзя не отметить отсутствие тождественности в определении бюджета в экономической и юридической литературе.

Так, местный бюджет как экономическая категория как правило рассматривается как совокупность экономических (денежных) отношений, возникающих в связи с образованием, распределением и использованием централизованных денежных фондов, предназначенных для осуществления функций и задач публичных образований [1].

Указанное определение гораздо ближе по своему содержанию понятию бюджета, закрепленного в ст. 6 Бюджетного кодекса РФ. Вместе с тем, в юридической литературе и, в частности, в муниципальном праве, местный бюджет представляет собой нормативно-правовой акт, принятый представительным органом местного самоуправления, которым утверждается план формирования, распределения и использования соответствующего централизованного фонда денежных средств муниципального образования.

Таким образом, раз местный бюджет в муниципальном праве рассматривается как правовой акт, то очевидно, что основу его правового регулирования составляют преимущественно нормы публичного права. Однако, и в бюджетных правоотношениях присутствуют «отдельные ростки» норм частного права.

В качестве примера можно привести ч. 3 ст. 215 ГК РФ, средства местного бюджета и иное муниципальное имущество, не закрепленное за муниципальными предприятиями и учреждениями, составляют муниципальную казну соответствующего городского, сельского поселения или другого муниципального образования.

Таким образом, в ст. 215 ГК РФ устанавливается право собственности муниципального образования на средства местного бюджета, а это уже очевидно элемент частноправового регулирования.

В заключении настоящего исследования следует очевидно констатировать тот факт, что экономические основы местного самоуправления как институт муниципального права представляют собой совокупность правовых норм отраслей публичного и частного права, закрепляющих и регулирующих общественные отношения, связанные с формированием и использованием различных источников формирования экономического базиса муниципальной власти. А поскольку само местное самоуправления представляет собой не только форму народовластия, но и способ решения конкретных вопросов жизнеобеспечения населения на соответствующей территории, то, представляется чрезвычайно важным тот факт, что дальнейшее развитие этого уровня публичной власти возможно только при разумном сочетании публично-правовых и частно-правовых начал, ярким примером которых является действующая правовая регламентации экономических основ местного самоуправления как неотъемлемой гарантии осуществления одного из уровней народовластия на всей территории РФ.

Библиографический список

1. *Седельникова Р. И.* К вопросу о праве собственности на местный бюджет в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 9 (58). — С. 74–78.
2. *Шугрина Е. С.* Экономическая основа местного самоуправления: правовой анализ // Правоприменение. — 2018. — Т. 2, № 3. — С. 89–109.

О. А. Колоткина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Трансформация приоритетов и баланса частных и публичных интересов в сфере обеспечения экономической безопасности: ретроспективный анализ

Аннотация. В статье проводится ретроспективный анализ процессов трансформации приоритетов и баланса частных и публичных интересов в сфере обеспечения экономической безопасности. Объектом анализа выступают положения основных доктринальных документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности. Сделаны выводы о смене приоритетов правового регулирования экономической безопасности, оказывающих влияние на соотношение публичных и частных интересов в изучаемой сфере обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность; баланс частных и публичных интересов; экономическая безопасность.

Основными доктринальными документами стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности, которые разрабатываются для определения целей и приоритетов национальной безопасности, являются в настоящее время такие виды документов как Концепции (период действия — с 1997 по 2009 г.) и Стратегии (период действия — с 2009 г. по настоящее время) национальной безопасности. Именно эти документы стратегического планирования играют важную идеологическую роль при определении в современных условиях приоритетов правового регулирования экономической безопасности и установлении баланса публичных и частных интересов в данной сфере [1]. Стоит отметить, что экономическая безопасность, одной стороны, справедливо рассматривается в качестве составной части национальной безопасности в целом, с другой стороны, экономическая безопасность представляет собой самостоятельный вид национальной безопасности, наряду с государственной, общественной, экологической, инновационной и др. видами национальной безопасности, характеризующийся собственным содержанием и приоритетами обеспечения на определенном временном отрезке.

Как ранее уже было отмечено, начиная с 1997 г. по настоящее время, было принято пять доктринальных документов стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности, включая экономическую безопасность (см. таблицу).

**Доктринальные документы стратегического планирования
в сфере обеспечения национальной безопасности (с 1997 по 2021 г.)**

Документ стратегического планирования	Утверждающий документ
Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утратила силу)	Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300
Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утратила силу)	Указ Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24
Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (утратила силу)	Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537
Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утратила силу)	Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683
Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (действует в настоящее время)	Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400

На основе проведенного ретроспективного анализа отдельных положений, приведенных в таблице, доктринальных документов стратегического планирования, было установлено наличие конкретных интересов личности, общества и государства в сфере обеспечения национальной безопасности. Интересы личности в сфере национальной безопасности представляют собой частный интерес, в то время как интересы общества и государства в изучаемой сфере составляют основу публичных интересов. Интересы личности, общества и государства объединены в общее понятие, которое используется на законодательном уровне — «национальные интересы России» [3]. Важно отметить, что национальные интересы России представляют собой совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в различных сферах обеспечения безопасности, включая экономическую безопасность. Этот баланс важно не только заявлять на законодательном уровне, но и соблюдать его при определении приоритетов в обеспечении национальной безопасности, вне зависимости от внутренних и внешних факторов, оказывающих негативное влияние на современное состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Приоритет экономической безопасности, ее ключевое влияние для реализации интересов личности, общества и государства, напрямую обозначается в нормах доктринальных документов стратегического планирования (см. таблицу), в которых регламентируется положение о том, что реализация национальных интересов России возможна только на основе устойчивого развития экономики и напрямую зависит от экономического потенциала страны [2]. В связи с чем, национальные интересы России в экономической сфере являются ключевыми, а обеспечение экономической безопасности становится priori-

тетным направлением современной государственно-правовой политики российского государства.

Обратимся к отдельным выводам, полученным на основе проведения ретроспективного анализа доктринальных документов стратегического планирования в сфере национальной безопасности, принятых в период с 1997 г. по настоящее время.

Начиная с 1997 г., с момента принятия первой Концепции национальной безопасности РФ и до момента вступления в силу Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (2021 г.), действующей в настоящее время, менялись приоритеты в определении национальных интересов и установлении баланса между ними. Обратимся к конкретным примерам. Так, в Концепции национальной безопасности 1997 г. (утратила силу) и 2000 г. (утратила силу) разграничиваются четко интересы личности, общества и государства в различных сферах, дается характеристика их содержания. При этом, на первое место поставлены именно интересы личности, а само их содержание сводится к реализации конституционных прав и свобод, в обеспечении ее личной безопасности, к повышению качества жизни, а также к созданию условий для развития личностного потенциала. В первых двух концепциях национальные интересы личности, общества и государства ранжируются в зависимости от реализуемой сферы и соотносятся с конкретным видом национальной безопасности. В качестве приоритетной сферы реализации национальных интересов обозначается сфера экономической безопасности. Далее, в тексте концепций указаны такие сферы обеспечения национальной безопасности и соответственно разновидности последней — внутривнутриполитическая, социальная, духовная, международная, информационная, военная, пограничная, экологическая (сферы обеспечения национальной безопасности и конкретные ее разновидности указаны в последовательности обозначения в тексте Концепции национальной безопасности РФ 1997 г. (утратила силу) и Концепции национальной безопасности РФ 2000 г. (утратила силу)). Из приведенного текстуального выражения можно сделать вывод о приоритетах в сфере национальной безопасности. Заметим и то, что в первых двух концепциях перечислены национальные интересы РФ, но еще не определены их приоритеты.

В Концепции 1997 г. и Концепции 2000 г. особое внимание уделяется угрозам экономической безопасности, на фоне фактического отсутствия самого содержания экономической безопасности и ее приоритетов, с учетом соблюдения частных и публичных интересов.

В Стратегии национальной безопасности 2009 г. (утратила силу) меняется содержание определения понятия «национальные интересы Российской Федерации». В частности, национальные интересы РФ рас-

кряваются не через «совокупность интересов личности, общества и государства...», а через «совокупность внутренних и внешних потребностей государства...». На основании этого можно сделать вывод о том, что роль государства в сфере обеспечения национальной безопасности усиливается, государство становится не только и не столько объектом обеспечения безопасности, наряду с личностью и обществом, сколько главным субъектом ее обеспечения.

В Стратегии 2009 г. наряду с национальными интересами обозначены основные приоритеты обеспечения национальной безопасности — национальная оборона, государственная и общественная безопасность. Все эти сферы относятся к сферам публичных интересов. В данном перечне, к сожалению, не нашлось места экономической безопасности. При этом, к ключевым приоритетам устойчивого развития на основании п. 24 Стратегии 2009 г. отнесен такой приоритет как экономический рост, достичь который возможно только путем развития национальной инновационной системы и инвестиций в человеческий капитал. В Стратегии 2009 г. перечислены сферы обеспечения национальной безопасности, которые фактически соотносятся с видами национальной безопасности. Эти сферы, на наш взгляд, также отражают приоритетность их обеспечения со стороны государства. Виды национальной безопасности (сферы обеспечения) перечислены в следующей последовательности — национальная безопасность, государственная и общественная безопасность, безопасность личности, экономическая безопасность, безопасности в сфере науки, технологий и образования, культуры, здравоохранения, экологическая безопасность. Отметим, что основу экономической безопасности, на основании раздела 4 Стратегии, составляет экономический рост. В разделе 4 Стратегии детальное внимание уделяется анализу стратегических рисков и угроз экономической безопасности и средствам их противодействия.

В Стратегии национальной безопасности 2015 г. (утратила силу) под национальными интересами Российской Федерации начинают понимать объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития. Мы видим, как в понятие «национальная безопасность РФ» снова начинает включать в свое содержание наряду с потребностями государства, также потребности личности и общества. Эти потребности объективно сводятся к достижению такого состояния, при котором будет обеспечена нейтрализация рисков и угроз для личности, общества и государства в целях обеспечения устойчивого их развития. Впервые на законодательном уровне будет подчеркнута тесная взаимосвязь национальной безопасности РФ и социально-экономического развития страны.

В Стратегии 2015 г. расширен перечень стратегических национальных приоритетов, среди которых, как и в ранее действующей Стратегии 2009 г. выделен приоритет экономического роста. В документе впервые будет обращено внимание на необходимость перехода экономики на новый уровень технологического развития, а также на то, что обеспечение экономической безопасности должно стать основой для развития личности, для реализации ее частных интересов.

В 2021 г. Указом Президента РФ была утверждена новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, которая действует в настоящее время. В действующей Стратегии, аналогично с ранее действующей Стратегией (2015 г.), было определено содержание понятия «национальные интересы РФ». При этом меняется подход к стратегическим национальным приоритетам, их ранжированию. На первое место был поставлен приоритет сбережение народа России и развитие человеческого потенциала. Среди новых приоритетов следует указать на такие, как информационная безопасность, научно-технологическое развитие, защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Также впервые, такой приоритет как «экономический рост» был переименован в «экономическую безопасность». Завершая анализ положений Стратегии 2021 г., хотелось обратить внимание и на то, что обеспечение национальной безопасности, в том числе и в сфере экономики, должно быть достигнуто совместными усилиями органов государственной власти, организаций и институтов гражданского общества, что позволит обеспечить сохранение должного баланса частных и публичных интересов.

Таким образом, подводя итог, следует констатировать, что по мере развития отношений в сфере национальной безопасности, включая экономическую безопасность, появления новых вызовов и угроз, на законодательном уровне трансформировались приоритеты обеспечения национальной безопасности. Также, на основе ретроспективного анализа доктринальных документов стратегического планирования было установлено изменение баланса частных и публичных интересов в сфере национальной безопасности.

Библиографический список

1. *Колоткина О. А.* Приоритеты правового регулирования экономической безопасности в условиях новых вызовов // Организационно-правовые основы экономической безопасности субъектов хозяйствования в условиях новых вызовов внешней среды: проблемы и пути их решения: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 12 апреля 2022 г.) / под общ. ред. Н. В. Мальцева. — Екатеринбург: УГГУ, 2022. — С. 136–139.

2. *Социально-экономический потенциал как основа поступательного развития постперестроечной России* / В. П. Чичканов, В. В. Акбердина, В. Л. Берсенев и др. — М.: ИЭ УрО РАН, 2015. — 1039 с.

3. *Ягофарова И. Д.* Правовое регулирование экономической безопасности в России: проблемы и перспективы // Организационно-правовые основы экономической безопасности субъектов хозяйствования в условиях новых вызовов внешней среды: проблемы и пути их решения: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 12 апреля 2022 г.) / под общ. ред. Н. В. Мальцева. — Екатеринбург: УГГУ, 2022. — С. 278–283.

А. В. Курдюмов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Правовое регулирование системы контроля в сфере закупок в Российской Федерации

Аннотация. В статье рассмотрено становление нормативно-правового регулирования в сфере закупок в России на разных этапах истории: от первых попыток до организации контроля в условиях рыночной экономики. Сформулированы предложения по дальнейшему развитию системы контроля государственных закупок посредством организационных мероприятий и изменения законодательства.

Ключевые слова: государственный заказ; система контроля; закупки; контрактная система; антимонопольная служба; контрольно-надзорная деятельность.

Сегодня считается, что первым документом в истории развития закупок в России стал «Указ о подрядной цене на доставку», датированный 7 июля 1654 г. О контроле в указе не говорилось, но действовало правило прецедента, т. е. сравнение с прошлым.

Во времена правления Петра I к подрядчику в рамках государственного заказа применялись меры воздействия в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения в виде начисления специальных пеней. Так, в начале XVIII века была создана «Канцелярия подрядных дел», которая контролировала все подряды и заказы для государственных нужд, осуществляемыми гражданскими лицами.

Следующим органом контроля стала Казенная палата, учрежденная актом «Учреждение о губерниях» (1776 г.), подписанного Екатериной II.

До начала XIX века сформировалась разрозненная система контроля за подрядами и заказами на государственные нужды в которой часть инструкций противоречили или дублировали себя. Всероссийский император Николай I в 1830 г. своим актом ввел в действие руко-

водство унифицирующее и детально представляющее действие государственного служащего в сфере государственных закупок и осуществления функций контроля.

В 1917 г. с момента свершения Октябрьской революции и перехода власти большевикам действия документов, регулирующих закупки приостановлены, а в последующем и смена принципов проведения закупок (торгов) привела к их отмене.

В начальный период становления Советского государства и вплоть до 90-х годов XX столетия продукция распределялась в централизованном порядке, кроме небольшого периода во времена НЭПа.

С появлением Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» система государственных закупок приобрела практически современный вид. Статьей 17 был введен порядок организации контроля над соблюдением законодательства РФ в сфере закупок.

Следующим шагом к совершенствованию законодательства о закупках можно в полной мере отнести нормативный акт, который регулирует в настоящее время взаимоотношения участников всех сторон в сфере закупок — это Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 44-ФЗ).

Законом установлены правила об обеспечении конкурентных условий при осуществлении закупок, принципа открытости, прозрачности информации, предотвращения злоупотреблений контрактными службами, контрактными управляющими своим служебным положением. Вся информация по закупкам, контрактам/договорам, порядке их исполнения ведется и хранится в одной базе данных единой информационной системы (ЕИС). За соблюдением данных правил в соответствии с гл. 5 Закона № 44-ФЗ устанавливается контроль.

Закон № 44-ФЗ с изменениями и дополнениями полностью регулирует закупочный процесс государственных заказчиков, а нарушение ими норм влечет отмену контролирующими органами закупочной процедуры и наложение штрафных санкций в отношении заказчика, а участнику грозит занесением в Реестр недобросовестных поставщиков.

В процессе законотворчества, нормотворчества и правоприменения в сфере государственных закупок сформирована контрактная система, а также функции контроля органов власти с недостаточной степени проработкой в методологическом и методическом плане [4; 5].

Многие авторы отмечают, что со всеми внесенными изменениями и дополнениями нормативная база имеет целый ряд несогласованных положений [6].

На основании анализа материалов по контролю в сфере закупок, целесообразно внести ряд поправок в целях совершенствования правового регулирования системы контроля в сфере закупок РФ [1; 3].

Анализ работы органов ФАС выявил проблему в части ведения реестра недобросовестных поставщиков, а именно отсутствие у предпринимателей (поставщиков, подрядчиков, исполнителей) возможности защитить свои права при исполнении контракта.

Другая ситуация сложилась в деятельности ФАС России по осуществлению контроля в сфере закупок. По данным сайта ФАС России, часть возвращенных жалоб поданы «профессиональными жалобщиками», намеренно срывающими торги [2].

Учитывая положительный опыт и зарекомендовавшую себя практику допуска к участию в закупке лиц (сторон), имеющих опыт производства контракта, следует его расширить с указанием параметров: процент НМЦК, размер денежной суммы и применительно к сферам (отраслям).

Следует констатировать, что контроль в системе закупок для государственных и муниципальных нужд является комплексным, многоуровневым явлением для решения которого требуется участие органов власти всех уровней.

Для дальнейшего развития контрактной системы и совершенствования системы контроля в сфере закупок в РФ целесообразно осуществить следующие мероприятия:

1) исключить взаимодублирование полномочий контрольно-надзорных органов;

2) внедрить предупредительный контроль, используя функционал ЕИС;

3) осуществлять подготовку/переподготовку специалистов как в целом в сфере закупок, так и осуществляющих контрольно-надзорные функции;

4) обеспечить возможность создания автоматизированной контрактной системы, включающей сопровождение взаимодействия сторон на всех этапах с необходимыми для этого данными в электронном виде, опубликованными в ЕИС.

5) для совершенствования нормативной базы с внесением изменений в существующее законодательство (согласно п. 1.1 ст. 31 Закона № 44-ФЗ предусмотрено участие только юридических лиц в реализации нормы) информировать контролирующие органы о недобросовест-

ных исполнителях для включения в соответствующий реестр. Следует предоставить данное право и для таких категорий, как индивидуальный предприниматель и физическое лицо.

Поэтому предлагается в п. 1.1 ст. 31 Закона № 44-ФЗ «соответствие требованиям, установленным в соответствии с законодательством Российской Федерации к лицам, осуществляющим поставку товара, выполнение работы, оказание услуги, являющихся объектом закупки» дополнить после слов «к лицам», «...в том числе субъектам малого и среднего бизнеса...» и далее по тексту.

Выдвинутые предложения направлены на решение перечисленных проблем за счет развития функционала ЕИС, повышения эффективности использования инструментов предупреждения и предотвращения правонарушений в сфере закупок, построения каскадного контроля, формирования правоприменения на принципах единообразия на федеральном и региональном уровнях, исключения непрофильных контрольно-надзорным органам функционала.

В заключение следует отметить, что с учетом обеспечения интересов сторон в контрактной системе (государственных, частных, общественных) контроль в данной сфере объективно необходим, однако он должен быть не избыточным, а достаточным и эффективным.

Библиографический список

1. *Богатырева Е. А., Паюсов А. А.* Конкуренция и конкурентоспособность предприятия // Журнал исследований по управлению. — 2018. — Т. 4, № 6. — С. 55–67.

2. *Колоткина О. А.* Контроль в сфере государственных закупок. Нарушение законодательства в сфере закупок // Актуальные вопросы совершенствования государственного (муниципального) финансового контроля, внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 26 ноября 2019 г.). — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. — С. 232–235.

3. *Шейна Е. Г.* Оценка влияния рисков на финансовую устойчивость субъектов малого предпринимательства при привлечении финансирования // Modern economy success. — 2021. — № 4. — С. 218–225.

4. *Шейна Е. Г., Серебрякова А. Ю.* Роль государственного регулирования малого и среднего бизнеса в развитии экономики страны РФ // XXII Международные научные чтения (Б. Ф. Галеркина): сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 1 марта 2018 г.). — М.: Европейский фонд инновационного развития, 2018. — С. 45–51.

5. *Ягофарова И. Д.* Тенденции и перспективы правового регулирования малого и среднего бизнеса в России // Образование и право. — 2021. — № 6. — С. 117–121.

6. Ялунина Е. Н., Паюсов А. А. Антимонопольное регулирование в агро-промышленном комплексе Свердловской области // Индустрия питания. — 2017. — № 3 (4). — С. 60–64.

В. Б. Малкеров

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Цифровизация и рассмотрение споров, вытекающих из трудовых правоотношений

Аннотация. В статье анализируется процесс цифровизации экономики и то, как он сказывается на регулировании трудовых отношений. Рассмотрение трудовых споров регулируется общими правилами гражданского процесса. При этом в гражданское судопроизводство внедряются новации, вызванные цифровизацией. Автор анализирует проблемы, связанные с рассмотрением трудовых споров.

Ключевые слова: трудовые споры; электронное правосудие; срок исковой давности.

Развитие информационных технологий находит свое отражение во всех аспектах социальной жизни в том числе и в гражданско-процессуальных отношениях. Цифровизация гражданско-процессуальных отношений ставит своей целью развитие доступности правосудия, гражданин освобождается от необходимости лично являться, в ряде случаев, в здание суда, используя современные способы передачи информации с использованием компьютерных технологий. Следует отметить важность и информационной составляющей.

В настоящее время осуществляется публикация судебных решений, которые принимаются арбитражными судами, в сети Интернет. Многие акты публикуются судами общей юрисдикции. Данная практика позволяет практикующим юристам осуществлять анализ судебных актов, что способствует возможности прогнозировать судебную перспективу по судебным делам. Данное обстоятельство способствует и улучшению качества судебной защиты прав работников, позволяет в ряде случаев избежать ненужной волокиты, поскольку прогноз судебного решения по трудовому спору предполагает воздержание работодателя от нарушения трудового законодательства.

Широкое развитие сети Интернет катализирует процесс информированности общества. По некоторым оценкам уже к 2017 г. каждый второй житель планеты подключился к всемирной паутине, в России

больше всего пользователей интернета в Европе¹. Трудовые споры являются частью гражданско-правовых споров и все преимущества, которые могут быть использованы в связи с цифровизацией в гражданском процессе в полной мере может быть отнесено и к судебной процедуре рассмотрения трудовых споров. Следует отметить, что внедрение информационных технологий в гражданское судопроизводство не изменяет самих принципов данной сферы деятельности, например, принципа законности, а лишь должно рассматриваться как инструментарий по более полному воплощению данных принципов в реалии судебной практики.

Процесс цифровизации привел к широкому внедрению и распространению в научной литературе термина «электронное правосудие». Под этим термином, как правило, понимают любое использование информационных технологий в гражданском процессе. В рамках данной статьи мы будем исходить из этого значения данного термина. Система электронного правосудия включает в себя определенные элементы, которые как непосредственно связаны с процессуальными правами участников гражданского судопроизводства, так и элементы, имеющие вспомогательный характер. К первой группе, которые непосредственно связаны с процессуальными правами участников, можно отнести следующие элементы. Первый элемент — это возможность подавать необходимые документы используя современные информационные системы. Гражданин, в ряде случаев, не обязан в настоящее время лично являться в суд, а может воспользоваться электронной почтой. Следует отметить, что гражданин (истец) вправе выбирать способ обращения с иском в суд: или непосредственно через канцелярию или посредством цифровых способов коммуникации. По имеющейся статистике «в 2017 г. в суды общей юрисдикции в электронной форме поступило свыше 280 тыс. исковых заявлений и других процессуальных документов, а в арбитражные суды — более 300 тыс. документов. Новые возможности оказались крайне востребованными: число материалов, поступающих в суды в электронном виде, ежеквартально возрастает»². Следует отметить, что возможность подать исковое заявление в дистанционном режиме значительно экономит временные и в какой-то степени материальные ресурсы. Однако повсеместный переход на электронный доку-

¹ *Цифровая Россия: новая реальность* / А. Аптекман, В. Калабин, В. Клинов и др. / McKinsey&Company. — URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/locations/europe%20and%20middle%20east/russia/our%20insights/digital%20russia/digital-russia-report.ashx> (дата обращения: 14.04.2022).

² *Выступление Председателя Совета судей Российской Федерации В. В. Момотова на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации.* — URL: <http://ssrf.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/28584> (дата обращения: 12.12.2021).

ментооборот не должен исключать возможности традиционного способа подачи искового заявления. Значительное количество российских граждан, особенно пожилого возраста, не являются пользователями сети «Интернет» или не владеют навыками оформления электронного документооборота. Следует отметить и несовершенства в работе электронных систем связи, сбои в системе электронной коммуникации. Исключение возможности подачи искового заявления через канцелярию поставила бы в неравное положение граждан, имеющих возможность дистанционного обращения в суд и не имеющих такой возможности, что привело бы к нарушению конституционного права на судебную защиту. Возможность обращения в суд как дистанционно, так и непосредственно через канцелярию путем подачи искового заявления на бумажном носителе приводит к возникновению теоретической проблемы о равенстве прав граждан, являющихся пользователями сети Интернет или не являющимися таковыми. Для разрешения трудовых споров действующее законодательство установило определенные сроки исковой давности по различным категориям дел. Например, в ст. 392 ТК РФ указывается, что при увольнении работника, последний может обратиться в суд с иском о восстановлении на работе в течение одного месяца с момента получения копии приказа или получения трудовой книжки. Срок не очень большой, при этом, если работник проживает в сельской местности, особенно с неразвитой транспортной инфраструктурой, обращение в суд, который находится в другом населенном пункте, требует определенных временных затрат. При этом такой же гражданин из этого же населенного пункта, но являющийся пользователем сети Интернет в отличие от первого, имеет возможность подать исковое заявление с меньшими временными затратами. Таким образом, пользователь сети Интернет находится в более привилегированном положении, чем не пользователь. С точки зрения автора, в ст. 392 ТК РФ необходимо внести изменения, увеличивающие исковые сроки для работников, которые подают исковые заявления не дистанционно. Следует отметить, что данная проблема, связанная со сроками исковой давности, актуальна именно в сфере отношений, регулируемых трудовым законодательством. В гражданском праве установлены гораздо более длительные сроки исковой давности. Так, например, если в схожем со срочным трудовым договором гражданско-правовом договоре подряда, если заказчик отказался от услуг исполнителя, что может являться аналогом увольнения в смежных трудовых отношениях, то срок исковой давности по возможным спорам сторон друг к другу, будет составлять три года. Конечно, такой продолжительный срок минимизирует проблематику, связанную с вариантами подачи искового заявления, чего не скажешь

о сокращенном месячном сроке, установленном по спорам об увольнении работника.

Вторым элементом электронного правосудия, непосредственно связанного с процессуальными правами участников, является возможность формировать состав суда автоматизированным образом, что способствует уменьшению возможности злоупотреблений в судебном корпусе. Следует отметить, что в настоящее время данная практика более успешно применяется в арбитражных судах и пока слабо используется в судах общей юрисдикции [2]. В судах общей юрисдикции очень часто для судей вводятся определенная специализация и один судья рассматривает определенные категории дел. При этом крупные корпорации, в которых трудятся множество работников, как следствие этого, имеют значительное количество судебных разбирательств и могут периодически разрешать трудовые споры у одного и того же судьи. Данное обстоятельство предполагает наличие определенной коррупционной предпосылки. Наличие специализации при рассмотрении гражданских и уголовных дел предполагает повышение качества выносимых судебных решений, но и несет в себе определенные коррупционные риски. С точки зрения автора данная проблематика нуждается в отдельном исследовании для выработки необходимых рекомендаций. Необходимо ответить на вопрос о том, в какой степени распределение судебного корпуса по конкретным категориям дел дает возможность выстраивать коррупционные связи и в какой степени специализация в судебном корпусе повышает качество выносимых решений. С точки зрения автора, возможности дистанционного правосудия, которое может осуществляться без прибытия участников в здание суда, посредством дистанционных средств коммуникации, дает возможность отойти от территориального принципа рассмотрения определенных категорий дел, например трудовых споров.

Следует отметить, что количество трудовых споров достаточно велико и во многих судах, где имеется специализация судей, часто имеется судья, специализирующийся именно на трудовых спорах. Судья может быть не в штате определенного районного или городского суда, а в штате любого суда региона, но специализирующийся по данной категории дел. При этом выбор этого судьи осуществляется автоматизированным образом, что снижает вероятность коррупционных предпосылок, и при этом сохраняется высокий уровень компетентности, обусловленный специализацией. Кроме того, дистанционный характер рассмотрения дел предполагает значительную экономию денежных средств, связанных с возможным несением транспортных расходов. Недостатком дистанционного судопроизводства является невозможность непосредственного участия в судебном процессе. Развитие дистанционных

средств коммуникаций, качество связи, предполагает нивелирование негативных моментов, связанных с отсутствием участника процесса непосредственно в зале судебного заседания.

Третьим элементом электронного правосудия, непосредственно связанного с процессуальными правами участников, можно назвать использование таких средства доказывания, которые основаны на информационных технологиях. В трудовых спорах это может быть расчет любых показателей, например уровня вредности производства, с использованием методов компьютерного моделирования. Предположительно, сфера использования средств доказывания с использованием информационных технологий, по мере развития данных технологий, будет расширяться.

К элементам электронного правосудия, носящим вспомогательный характер для процессуальных прав участников конкретного спора, можно отнести:

1) размещение на сайте судов информации общего характера, связанной с реализацией права на судебную защиту (например, образцы процессуальных документов);

2) передача информации, касающейся непосредственных участников процесса, распространяемая с помощью информационных технологий (движение по делу, опубликование судебных решений в информационных сетях);

3) ведение протоколов судебных заседаний с использованием современных методов протоколирования.

Внедрение современных методов документооборота способствует улучшению качества отечественного правосудия.

В научной литературе обсуждается возможность использования в качестве судьи искусственного интеллекта. Вопрос этот достаточно дискуссионный, имеет своих сторонников, однако следует отметить, что большинство правоведов в настоящее время полагает, что механический интеллект не сможет качественно отправлять правосудие [1]. Это обусловлено тем, что механистический подход искусственного интеллекта к рассматриваемому спору, в том числе и трудовому, не позволит в полной мере реализовать принципы гражданского процесса. С точки зрения автора главной сложностью при вынесении решения по делу искусственным интеллектом будет решение вопроса о наличии или отсутствии злоупотребления правом. Ведь в этом случае участник процесса, злоупотребивший правом, действовал формально законно и искусственному интеллекту будет крайне сложно определить грань правомерного и неправомерного поведения. Однако, по мере роста возможностей искусственного интеллекта ситуация может измениться.

Библиографический список

1. *Котлярова В. В.* К вопросу о цифровизации процесса отправления правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. — 2019. — № 12. — С. 46–49.
2. *Панченко А. И.* О формировании состава суда для рассмотрения конкретного гражданского дела и полномочиях председателя суда (заместителя председателя) по передаче дела в производство другого судьи // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 3. — С. 85–92.

Г. З. Мансуров

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Понятие киберфизических систем

Аннотация. В работе содержится анализ эволюции содержания понятий «киберфизическая система» и «умные вещи» в нормативных актах. Обращается внимание на то, что квалификация вещи как «умной» не имеет юридического значения. Выявлены юридические признаки киберфизических систем.

Ключевые слова: киберфизическая система; умные вещи; интернет вещей; промышленный интернет.

Человечество всегда стремилось облегчить свою жизнь создавая и используя различные механизмы. Долгое время они были простейшими, абсолютно лишёнными каких-либо признаков автономности. Но постепенно стали появляться механизмы, наделённые способностью автоматически выполнять некоторые свои функции (светофор, вендинговый автомат и т. д.). Они, т. е. вещи, выполняющие некоторые функции автоматически, стали именоваться умными.

Но в настоящее время умными все чаще называются устройства, которые подключены к Интернету. Например, одним из последних инноваций является, созданный фирмой Xiaomi, цветочный горшок Smart Flower Pot. Он способен по телефону напомнить хозяину о необходимости полива растения.

Таким образом, в настоящее время умными вещами именуется устройства, наделённые некоторыми дополнительными, чем обычные вещи, функциями при условии, что эти функции проявляются при взаимодействии через интернет. То есть термин «умный» в данном случае означает наличие дополнительных функций, обусловленных возможностью взаимодействия через информационно-коммуникационные сети, а не наличие способности к мышлению и принятию решения, что характерно для человека.

При этом следует учитывать, что квалификация вещи умной не имеет юридического значения. Как объект гражданского права она остается вещью или совокупностью вещей.

Все механизмы, которые могут взаимодействовать через Интернет, именуется также киберфизическими системами. Ее особенностью является то, что информационный компонент данной системы составляет единое целое с аппаратной составляющей¹.

Данный термин был предложен в 2006 г. директором по встроенным и гибридным системам в Национальном научном фонде США Хелен Джилл.

Определение киберфизических систем есть как во внутреннем, так и в международном праве. Согласно одному из российских нормативных актов, под киберфизической системой (*cyber-physical system*, CPS) понимается интеллектуальная система, которая включает в себя инженерные взаимодействующие сети физических и вычислительных компонентов.

В Европейской стратегии развития киберфизических систем содержатся сходные признаки — киберфизическая система состоит из вычислительных, коммуникационных и управляющих компонентов, тесно взаимодействующих с физическими процессами различной природы (механическими, электрическими и химическими)².

В настоящее время перечень разновидностей киберфизических систем содержится в нескольких нормативных актах и доктринальных источниках.

Так, например, согласно актам Евразийской экономической комиссии, к ним относятся роботизированные комплексы (автономные роботы), сенсоры и датчики, обеспечивающие контроль и мониторинг производственно-технологических процессов в режиме реального времени, сервис-ориентированную архитектуру, сетевую инфраструктуру (среду для обмена данными), прикладное программное обеспечение для мониторинга и управления в режиме реального времени. В правительственном акте указаны интернет вещей, промышленный интернет вещей, большие данные, искусственный интеллект и т. д.

В литературе к ним относят многоагентные системы цифрового производства, системы беспилотных движущихся средств, интеллекту-

¹ *Наумов В. Б.* Исследование в области развития законодательства о робототехнике и киберфизических системах, в том числе в части определения понятия киберфизических систем, порядка ввода их в эксплуатацию и гражданский оборот, определения ответственности: отчет о науч.-исслед. работе. — URL: <http://sk.ru/foundation/legal/m/skle-gall1/22360.aspx> (дата обращения: 09.12.2018).

² *Cyber-physical European roadmap and strategy / CyPhERS.* — URL: <http://cyphers.eu/sites/default/files/d6.1%2B2-report.pdf> (дата обращения: 05.12.2018).

альные робототехнические комплексы, системы управления технологическими процессами, автоматическая пилотная авионика, Интернет вещей, промышленный Интернет, «умные» города, гаджеты, роботы-хирурги, здания и др. [2, с. 71; 3, с. 14; 4, с. 21]. То есть киберфизическими системами могут быть как отдельные вещи, так и их совокупность.

Особо серьезное значение в настоящее время придается так называемому интернету вещей. В нормативных актах под интернетом вещей понимается концепция вычислительной сети, соединяющей вещи, содержащие информационные технологии для целей взаимодействия без участия человека друг с другом или с внешней средой.

Из этого определения следует, что интернет вещей является разновидностью киберфизической системы. В действующем законодательстве интернет вещей в ряде случаев используется как синоним промышленного интернета: «промышленный интернет (интернет вещей)» и «промышленный интернет вещей». По мнению специалистов по компьютерным технологиям, они соотносятся как целое и часть: «Промышленный интернет и интернет вещей держатся на одном технологическом фундаменте и действуют в одном и том же виртуальном пространстве, хотя первый часто рассматривается как обособленная часть или компонент интернета вещей» [1, с. 68].

Библиографический список

1. *Грингард С.* Интернет вещей: будущее уже здесь: пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2019. — 180 с.
2. *Незнамов А. В., Наумов В. Б.* Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. — 2018. — № 2. — С. 63–74.
3. *Павленко Е. Ю.* Обеспечение информационной безопасности киберфизических систем на основе принципа гомеостаза: дис. ... канд. техн. наук: 05.13.19. — СПб., 2018. — 183 с.
4. *Рогозинский Г. Г.* Модели и методы сонификации киберфизических систем: дис. ... д-ра техн. наук: 05.13.01. — СПб., 2021. — 323 с.

И. Э. Мартыненко

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь

Об эффективности сочетания гражданско-правовых и публично-правовых средств противодействия реабилитации нацизма

Аннотация. Рассматриваются особенности законодательства о противодействии реабилитации нацизма как проявления экстремистской деятельности. Излагается опыт сочетания гражданско-правовых и уголовно-правовых мер, позволяющий пресечь любые проявления реабилитации нацизма. Автор отстаивает идею о необходимости изучения в учреждениях образования нового законодательства, направленного на сохранение исторической памяти.

Ключевые слова: новое законодательство о противодействии экстремизму; гражданско-правовые средства; проявления экстремистской деятельности; совершенствование гражданского законодательства.

События последних лет, когда в некоторых государствах при попустительстве властей вновь поднимает голову фашизм, вызывают необходимость обратиться к юридическим запретам и ответственности за реабилитацию нацизма, оценить эффективность законодательства в данной сфере. Актуальность выбранной темы предопределена следующими обстоятельствами: отчетливо наблюдается тенденция к пересмотру итогов Второй мировой войны, вольной интерпретации установленных исторических фактов, а нередко и откровенной фальсификации сведений о роли СССР в победе над нацистской Германией [2, с. 91]; в некоторых странах произошел антимемориальный государственный переворот, движущей силой которого стали националисты [1, с. 3–6].

В этом смысле, как представляется, может быть интересен (полезен) опыт Республики Беларусь, в которой в 2019–2022 гг. сформирована система законодательства, направленного на противодействие экстремистской деятельности, одним из проявлений которой является реабилитация нацизма. При этом убеждены, что именно сочетание публично-правовых и гражданско-правовых средств позволит предотвратить проявление (или распространение) этого негативного явления.

Правовую основу деятельности по недопущению реабилитации нацизма составляют:

Конституция Республики Беларусь, запрещающая пропаганду войны, социальной, национальной, религиозной и расовой вражды (ч. 3 ст. 5 Конституции). По результатам Республиканского референдума 27 февраля 2022 г. в Конституции Республики Беларусь данная позиция

усилена: введена норма (ч. 2 ст. 15 Конституции), согласно которой государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны; законы и иные акты законодательства, таковыми являются законы «О недопущении реабилитации нацизма» от 14 мая 2021 № 103-З и «О геноциде белорусского народа» от 5 января 2022 г. № 146-З; на отношения, связанные с противодействием реабилитации нацизма, не урегулированные указанным выше законом, распространяется действие законодательства о противодействии экстремизму, а именно: законы «О противодействии экстремизму» в редакции от 14 мая 2021 г. и «Об изменении законов по вопросам противодействия экстремизму» от 14 мая 2021 г. (оба закона вступили в силу с 16 июня 2021 г.), которым определен срок рассмотрения дела в порядке гражданского судопроизводства о признании организации, в том числе иностранной или международной организации, экстремистской, запрещении ее деятельности на территории Республики Беларусь, ее ликвидации, запрещении использования ее символики и атрибутики, о признании символики и атрибутики, информационной продукции экстремистскими материалами.

Итак, в Республике Беларусь, согласно новому законодательству, запрещается: реабилитация нацизма; финансирование реабилитации нацизма; деятельность организации, представительства международной или иностранной организации, индивидуального предпринимателя, направленная на реабилитацию нацизма; пропаганда или публичное демонстрирование, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет либо иной информационной сети.

Как показывает практика, глобальную сеть Интернет достаточно часто используют для выражения нацистских взглядов, уповая на обезличенность авторства, что является ошибочным представлением. Так, гражданин А. на своей странице в социальной сети разместил фото- и видеоматериалы, направленные на разжигание расовой, национальной и иной социальной вражды или розни: на фотографии он запечатлен демонстрирующим нацистское приветствие на фоне Площади Победы и Мемориального комплекса в честь советских воинов, партизан и подпольщиков. По данному факту возбуждено уголовное дело за надругательство над историко-культурной ценностью¹.

В соответствии со ст. 12 закона Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма» от 14 мая 2021 г. № 103-З к мерам противодействия реабилитации нацизма в соответствии относятся: офици-

¹ Наумова А. В Витебске будут судить 34-летнего неонациста. — URL: <https://www.sb.by/articles/v-vitebske-budut-sudit-34-letnego-neonatsista-.html> (дата обращения: 20.04.2022).

альное предупреждение; предписание; приостановление деятельности, которая направлена на реабилитацию нацизма; признание организации, деятельность которой направлена на реабилитацию нацизма, экстремистской, запрещение ее деятельности и ликвидация такой организации; противодействие деятельности экстремистских формирований, которая направлена на реабилитацию нацизма; запрещение деятельности экстремистских иностранных и международных организаций, деятельность которых направлена на реабилитацию нацизма; противодействие финансированию реабилитации нацизма.

Говоря о сочетании публично-правовых и гражданско-правовых средств лечения реабилитации нацизма, отметим, что законом предусмотрено, что деятельность организации, представительства иностранной или международной организации, индивидуального предпринимателя приостанавливается постановлением Генерального прокурора, прокуроров областей, в месячный срок со дня выявления фактов, а равно получения сведений о фактах, свидетельствующих о подготовке к совершению или совершению учредителем (участником, собственником), руководителем организации, индивидуальным предпринимателем экстремистской деятельности; непринятии или несвоевременном принятии мер по выполнению требований предписания или повторном вынесении предписания.

Одновременно с вынесением такого постановления соответствующим прокурором подается в суд заявление (исковое заявление) о признании организации экстремистской, запрещении ее деятельности и ее ликвидации, запрещении использования ее символики и атрибутики, либо о прекращении деятельности представительства иностранной или международной организации экстремистской, запрещении ее деятельности на территории Республики Беларусь, запрещении использования ее символики и атрибутики, либо о признании деятельности индивидуального предпринимателя экстремистской и прекращении его деятельности, запрещении использования его символики и атрибутики.

В заявлении может содержаться предложение о наложении ареста на находящееся на территории Республики Беларусь имущество, принадлежащее такой организации, представительству иностранной или международной организации. В итоге на основании решения суда организация признается экстремистской, ее деятельность на территории Республики Беларусь запрещается, она ликвидируется и использование ее символики и атрибутики запрещается.

В случае принятия судом решения о признании организации экстремистской, принадлежащее ей имущество, оставшееся после удовлетворения требований кредиторов (при условии их непричастности к экстремистской деятельности), конфискуется. Участник (собствен-

ник имущества) организации, признанной экстремистской, в течение пяти лет со дня вступления в законную силу решения суда о ее ликвидации не вправе выступать в качестве учредителя (участника, собственника имущества) иных организации, средства массовой информации.

Практика применения уже имеется: в апреле 2022 г. по заявлению прокурора Гродно информационная продукция книги художника-гравюриста гражданина Л. признана экстремистскими материалами, в связи с тем, что в издании содержатся сведения, направленные на реабилитацию нацизма и героизацию нацистских преступников и их пособников. Как итог — решением суда Ленинского района г. Гродно заявление прокурора удовлетворено в полном объеме с немедленным исполнением судебного решения¹.

Практическое значение имеет установление уголовной ответственности за нарушения законодательства, направленного на недопущение реабилитации нацизма. Так, с учетом складывающейся общественно-политической обстановки 26 мая 2021 г. принят закон «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности», введена самостоятельная норма об уголовной ответственности за реабилитацию нацизма (ст. 130-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Объективная сторона преступления характеризуется альтернативными действиями, совершенными публично либо с использованием публично демонстрируемого произведения, или средств массовой информации, или глобальной компьютерной сети Интернет, или иной информационной сети, выражающиеся в:

— оправдании идеологии (доктрины) и практики нацизма, признании их правильными, нуждающимися в поддержке и достойными подражания, а также в распространении идеологии нацизма;

— одобрении или отрицании преступлений против мира и безопасности человечества, военных и других преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Международного военного трибунала;

— оправдании лиц и (или) структур либо организаций, признанных преступными либо виновными в совершении преступлений приговором Международного военного трибунала либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на

¹ *Реабилитация нацизма запрещена*: по заявлению прокурора Гродно информпродукция книги признана экстремистскими материалами / Генеральная прокуратуры Республики Беларусь. — URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/nadzor-za-resheniyami-po-ugolovnym-i-grazhdanskim-delam/reabilitatsiya-natsizma-zapreshchena-po-zayavleniyu-prokurora-grodno-informproduktsiya-knigi-priznan/>. — (дата доступа: 22.04.2022).

приговоре Международного военного трибунала, а равно сотрудничавших с такими лицами и (или) структурами либо организациями на оккупированной территории СССР в годы Второй мировой войны политических и военных организаций, а также лиц, участвовавших в деятельности таких политических и военных организаций и исполнявших либо умышленно содействовавших исполнению преступных приказов лиц и (или) структур либо организаций, в любой форме;

— героизации нацистских преступников и их пособников — преднамеренном прославлении их, а также совершенных ими преступлений.

В Республике Беларусь криминализированы также пропаганда, публичное демонстрирование, изготовление и распространение нацистской символики и атрибутики (ст. 341-1 УК Республики Беларусь), ответственности будут подлежать лица, совершившие такие деяния неоднократно.

Заметим, что реабилитации нацизма, пропаганды или публичного демонстрирования, изготовления, распространения нацистской символики и атрибутики, а равно хранения или приобретения такой символики или атрибутики в целях распространения отнесены законом «О противодействии экстремизму», новая редакция которого принята 14 мая 2021 г., к экстремистской деятельности.

В заключение заметим, что в учреждениях образования, подготавливающих специалистов по юридическим, историческим, военным специальностям, целесообразно предусмотреть соответствующие курсы лекций, как это сделано в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы, где на протяжении многих лет читается спецкурс «Правовая охрана историко-культурного наследия», включающая раздел по юридической защите исторической памяти, а теперь (с 2022 г.) — и по законодательству о противодействии реабилитации нацизма.

Библиографический список

1. *Иванов А. Ю.* Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — Ставрополь, 2017. — 183 с.
2. *Шевелева К. В.* Повышение эффективности применения норм об ответственности за реабилитацию нацизма // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2022. — № 2 (88). — С. 91–93.

В. А. Мещерягина, А. З. Махмутова, В. Ф. Головина
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Некоторые особенности изменения уставного капитала организации — оператора обмена цифровых финансовых активов

Аннотация. В статье рассмотрены особенности процесса изменения уставного капитала хозяйствующего субъекта — оператора обмена цифровых финансовых активов, а также имеющиеся законодательные требования к определению уставного капитала и порядка его внесения на баланс ООО.

Ключевые слова: уставный капитал; цифровые финансовые активы; правовые проблемы; гражданско-правовые отношения.

Имущество является чрезвычайно важным признаком любого юридического лица, в том числе и хозяйственного общества, поскольку оно отражает обособленность капитала общества, необходимого для вступления общества в гражданско-правовые отношения, гражданский оборот: оплата труда физических лиц, осуществление непосредственно уставной деятельности юридического лица за счет его имущества или заключения договоров с другими субъектами гражданского права от имени и за счет имущества юридического лица [2; 3].

Закономерно, что активное внедрение нового субъекта гражданско-правовых отношений — оператора обмена цифровых финансовых активов, предполагает наличие определенных законодательных требований к определению уставного капитала и порядка его внесения на баланс ООО.

В соответствии с ч. 3 ст. 10 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Банк России включает в реестр операторов обмена цифровых финансовых активов юридические лица, если размер уставного капитала на день подачи ходатайства о включении в реестр операторов обмена цифровых финансовых активов составляет не менее 50 млн р. При этом размер чистых активов для хозяйственного общества, рассчитанный в соответствии с требованиями Банка России¹, составляет не менее 50 млн р.

¹ *О требованиях к расчету размера чистых активов хозяйственного общества для целей его включения Банком России в реестр операторов обмена цифровых финансовых активов: указание Банка России от 3 декабря 2020 г. № 5647-У.*

К расчету размера чистых активов общества должны приниматься учитываемые на балансовых счетах общества его обязательства и активы, за исключением следующих активов:

— активы, на которые по состоянию на дату расчета размера чистых активов общества наложен арест или распоряжение которыми ограничено на основании решения органа государственной власти;

— акции (доли) дочерних юридических лиц общества (в том числе и иностранных государств);

— ценные бумаги, эмитент которых по состоянию на дату расчета размера чистых активов общества участвует в процедуре банкротства;

— задолженность, включая задолженность по договорам займа, юридических и физических лиц, в отношении которых введена одна из процедур банкротства.

— денежные средства и драгоценные металлы на счетах и во вкладах (в депозитах) в кредитных организациях и иностранных банках, которые по состоянию на дату расчета размера чистых активов общества имеют просроченную и (или) реструктурированную задолженность перед обществом;

— задолженность лиц, которые в течение одного года, предшествующего дате расчета обществом размера чистых активов, предоставили безвозмездное финансирование обществу в размере положительной разницы между размером указанной задолженности и размером предоставленного безвозмездного финансирования, а также задолженность учредителей (акционеров, участников) общества по взносам (вкладам) в его уставный капитал (по вкладам в имущество общества).

Данное требование не противоречит законодательству, поскольку максимальный размер уставного капитала ООО не установлен. При определении размера уставного капитала нужно учитывать, что ООО должно обеспечивать наличие у него чистых активов в размере не меньше размера уставного капитала, поскольку если в будущем стоимость чистых активов станет меньше уставного капитала и не возрастет в течение двух лет, то придется либо уменьшать уставный капитал, либо вносить вклады в имущество для увеличения чистых активов¹.

Для того, чтобы обеспечить значительную сумму уставного капитала, в него можно вносить вещи, под которыми, с позиции гражданского законодательства, понимается предмет материального мира, могущий быть в обладании человека и служащий удовлетворению его потребностей. Таким образом, увеличить уставный капитал юридического лица возможно как за счет движимых, так и за счет недвижимых

¹ *Об обществах с ограниченной ответственностью*: федер. закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ. — Ст. 18, п. 1, 2; *Гражданский кодекс РФ*. — Ст. 90, п. 4.

вещей. Соответственно, в равной степени эта возможность распространяется на земельные участки, при передаче которого в уставный капитал не требуется указывать эти действия в качестве расходов¹.

В бухгалтерском учете отражается сумма уставного (складочного) капитала, зарегистрированная в учредительных документах и представляющая собой совокупность вкладов (долей, акций) учредителей (участников) организации на счете 80 «Уставный капитал». Сальдо по счету 80 соответствует размеру уставного капитала (складочного капитала, уставного фонда), зафиксированному в учредительных документах организации, и не зависит от того, полностью участники на отчетную дату внесли свои вклады или нет.

Нередко на практике возникает вопрос: необходимо ли реально иметь такую значительную сумму на балансе юридического лица, то есть обязательно ли предоставлять в налоговый орган в месте с документами, подтверждающими внесение изменения в устав об увеличении уставного капитала документов, подтверждающих оплату (в случае, если увеличение уставного капитала происходит за счет средств его участников). Из буквального толкования текста закона наблюдается некое противоречие: с одной стороны, абз. 4 ст. 19 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» предусматривает обязательное внесение в течение месяца дополнительных вкладов, однако напрямую не указывает на необходимость предоставления подтверждающих документов при регистрации новой редакции Устава. При этом ст. 17 данного закона, в которой содержится общие требования к документам для регистрации ООО, среди которых подтверждающих документов об оплате нет.

Правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ² позволяют проанализировать обобщение судебной практики и сделать ряд выводов об особенностях процедуры увеличения уставного капитала юридического лица, которые в полной мере распространяются на операторов цифровых активов.

Например, в случае возникновения судебных споров, связанных с увеличением уставного капитала общества за счет имущества общества, учитываются следующие требования:

— решение об увеличении уставного капитала должно быть принято общим собранием участников на основании данных бухгалтер-

¹ *Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)* от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ. — Ст. 270, п. 3; ст. 277, п. 1, пп. 1.

² *О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»*: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ от 9 декабря 1999 г. № 14.

ской отчетности общества за год, предшествующий году, в течение которого принято такое решение;

— сумма увеличения уставного капитала не должна превышать разницу между стоимостью чистых активов общества и суммой уставного капитала и резервного фонда общества;

— при увеличении уставного капитала пропорционально увеличивается номинальная стоимость долей всех участников общества без изменения размеров и соотношения их долей.

Наименее подверженный рискам способ увеличения уставного капитала юридического лица — дополнительные вклады его участников, а также вклады третьих лиц.

Однако и эта форма имеет ряд особенностей, сформированных судебной практикой. Так, в случае если увеличение уставного капитала осуществляется за счет дополнительных вкладов всех участников общества, решением общего собрания участников общества должна определяться общая стоимость дополнительных вкладов, а также единое для всех участников соотношение между стоимостью дополнительного вклада участника и суммой, на которую увеличивается номинальная стоимость его доли. Не допускается ограничение права участника общества внести дополнительный вклад, не превышающий части общей стоимости дополнительных вкладов, пропорциональной размеру доли этого участника в уставном капитале общества. Только с согласия всех участников, отраженного в протоколе общего, может происходить увеличение уставного капитала и за счет вкладов отдельных участников общества.

Следует обратить внимание на тот факт, что п. 2 ст. 19 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» не установлена обязанность органа, к компетенции которого согласно уставу общества отнесен вопрос подготовки, созыва и проведения общих собраний участников, принять решение о проведении внеочередного общего собрания после получения заявления о внесении дополнительного вклада. Если заявление направляет участник, обладающий в совокупности не менее чем одной десятой от общего числа голосов участников общества, то вместе с заявлением следует направить и требование о проведении внеочередного общего собрания участников юридического лица [1].

Если Уставом предусмотрена возможность увеличивать уставный капитал за счет третьих лиц, данная процедура осуществляется в порядке и в сроки, установленные Федеральным законом от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». В частности, общее собрание участников общества большинством не менее двух третей голосов от общего числа голосов участников обще-

ства, если необходимость большего числа голосов для принятия такого решения не предусмотрена уставом общества, может принять решение об увеличении уставного капитала общества за счет внесения дополнительных вкладов участниками общества.

Если иное не предусмотрено Федеральным законом от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», в заявлении участника общества и в заявлении третьего лица должны быть указаны размер и состав вклада, порядок и срок его внесения, а также размер доли, которую участник общества или третье лицо хотели бы иметь в уставном капитале общества. В заявлении могут быть указаны и иные условия внесения вкладов и вступления в общество.

Порядок направления в общество заявления о внесении дополнительного вклада законодательно не урегулирован. Такие изменения неизбежно порождают правки и в локальные акты организации, в частности — Устав, поскольку информация о сумме уставного капитала является неотъемлемым требованием к содержанию устава.

Таким образом, уставный капитал юридического лица, потенциально занимающегося обменом цифровых финансовых активов законодательно достаточно высока и предусмотрена как гарантия исполнения обязательств, при которых структура и размер уставного капитала может изменяться в процессе функционирования ООО, внесенный капитал можно тратить, однако при этом нельзя допускать, чтобы под конец второго и последующих финансовых годов чистые активы были ниже его величины.

Библиографический список

1. Глушецкий А. А. Уставный капитал хозяйственного общества: экономический анализ норм корпоративного права // Вестник гражданского права. — 2020. — № 2. — С. 217–278.
2. Захарова Е. И. Имущественная обособленность юридического лица в теориях юридических лиц // Власть закона. — 2012. — № 2 (10). — С. 135–142.
3. Мансуров Г. З. Правовые проблемы эмиссии и обращения цифровых денег // Новая индустриализация России: экономика — наука — человек — природопользование: сб. науч. тр. VI Урал. науч. чтений профессоров и докторов (Екатеринбург, 5–6 февраля 2019 г.). — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2019. — С. 114–120.

В. В. Мещерякова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Понимание дискредитации как формы недобросовестной конкуренции в практике судов арбитражной системы

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о сущности дискредитации через призму недобросовестной конкуренции и об ее толковании арбитражными судами в России. Проанализирована правовая основа предмета исследования, приведена соответствующая судебная практика, сформулированы выводы о признаках дискредитации и правовых последствиях установления факта ее наличия.

Ключевые слова: конкурентные отношения; защита конкуренции; недобросовестная конкуренция; дискредитация.

Экономические отношения не могут протекать стабильно и подконтрольно, если их не регламентировать законом, иначе наступит правовая неопределенность, будет царить несправедливость. В особенности это оказывает влияние на уровень реализации прав и свобод участников конкурентных отношений.

Кроме того, необходимость правового регулирования экономических отношений обуславливается тесной взаимосвязью экономики и права как отдельных направлений общественной жизни.

Известно, что законом запрещена недобросовестная конкуренция в форме дискредитации (это прямо вытекает из толкования нормы ст. 14.1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон № 135-ФЗ). Данную позицию законодателя разделяет Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС РФ). Этот факт свидетельствует о том, что как законодатель, так и правоприменитель солидарны во мнении по анализируемому нами вопросу.

Для обоснования важности рассматриваемого вопроса обратимся к международному уровню правового регулирования. Правовой запрет на осуществление дискредитирующих действий введен на основании пп. 2 п. 1 ст. 10bis Конвенции по охране промышленной собственности: нельзя предоставлять не соответствующую действительности информацию в процессе хозяйственной деятельности организации, что могло бы негативно отразиться на дальнейшей деятельности, в том числе на результатах производства (их реализации), на правах конкурентов.

Видится, что международный законодатель внес свой вклад в развитие национальных правовых норм о конкуренции на рынке. Произошла рецепция (заимствование) нормы и ее дальнейшее восприятие в российской действительности.

Тем самым, установленный в России запрет на дискредитацию в отношении хозяйствующих субъектов берет правовое и сущностное начало из международно-правового акта. Поэтому справедливо говорить о преэминентности нормативного регулирования рассматриваемого вопроса.

Исходя из нормативного толкования закона, действующего в России, дискредитация связана с распространением информации негативного характера. Такая информация несет в себе не соответствующие фактическому положению сведения, что может привести к причинению убытков и т. д. (абз. 1 ст. 14.1 Закона № 135-ФЗ). Дискредитация способствует потере надежной позиции организации на рынке, ее привлекательности для потребителей за счет дезинформации о деятельности организации, о характеристиках продукции и др. [1; 2].

Распространением информации являются строго не очерченные законом или иным правовым актом действия одного субъекта, после совершения которых иные лица узнали определенную негативную и неправдивую информацию¹.

Из указанных примеров судебной практики следует, что суды выполняют функцию по толкованию указанной нормы Закона № 135-ФЗ. Иными словами, они разъясняют содержание дефинитивной нормы права. В этом состоит ценность приведенных правовых позиций судов.

В связи с этим, на наш взгляд, было бы положительным решением внести нормативное дополнение в ст. 14.1 Закона № 135-ФЗ в виде положения, аналогичного содержанию изложенных ранее правовых позиций судов. Во-первых, этот шаг приведет к единообразию судебной практики по исследуемому вопросу, что немаловажно для обеспечения формирования продуманной позиции и достижения стабильности в решении подобных вопросов.

Во-вторых, будет ликвидирован правовой пробел относительно форм проявления дискредитации в отношениях с участием хозяйствующих субъектов.

Следовательно, предложенное нормативное изменение, основанное на судебной практике, позволит улучшить как законодательство, так и правоприменительную практику.

Вместе с тем необходимо понимать, что далеко не каждое распространение информации, неправдивой и дискредитирующей, можно истолковать как проявление недобросовестной конкуренции.

¹ *Решение* Арбитражного суда Республики Крым от 21 декабря 2020 г. по делу № А83-8050/2020.

Таковым является только распространение той информации, которая влияет на конкурентный процесс, снижает сложность конкурентной борьбы и наносит вред «соперникам»¹.

В силу сказанного приходим к выводу, что для квалификации совершенных действий как дискредитации необходимо убедиться в реальных проявлениях ее сущностных черт. Поэтому логично обозначить признаки дискредитации как формы недобросовестной конкуренции.

Таковыми признаками являются²:

1) конкурентная борьба между хозяйствующими субъектами, что означает ведение ими деятельности в рамках одного товарного рынка и на определенной территории;

2) совершение незаконных действий кем-либо из субъектов конкурентных отношений, действий, не отвечающих обычаям делового оборота, принципам добросовестности, разумности и справедливости;

3) совершение указанных действия для получения преимуществ, что сопровождается нанесением вреда иным субъектам.

При этом только одновременное наличие перечисленных признаков будет свидетельствовать о дискредитации и ее проявлениях в практической составляющей общественных отношений.

В качестве правового последствия обнаружения антимонопольным органом факта дискредитации является предупреждение. Оно облачается в письменную форму, что придает ему законную силу и определяет правовое значение.

При этом его выдача не создает препятствия для осуществления экономической деятельности, не устанавливает нарушение норм, регламентирующих конкурентные отношения. Наоборот, им обращается внимание лишь на признаки нарушения³.

Сказанное означает, что законом предусмотрены гарантии от необоснованного (неподтвержденного) привлечения к ответственности за совершение действий по дискредитации. Также это можно рассматривать как незначительное правонарушение, не влекущее наказание при условии его совершения впервые. Вместе с тем необходимо разъяснить, что при оспаривании предупреждения суд не определяет обсто-

¹ *Решение* Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа от 16 марта 2021 г. по делу № А75-15825/201; *Постановление* Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19 января 2021 г. по делу № А73-8024/2020; *Постановление* Арбитражного суда Хабаровского края от 13 ноября 2020 г. по делу № А73-8024/2020.

² *Постановление* Арбитражного суда Хабаровского края от 13 ноября 2020 г. по делу № А73-8024/2020.

³ *Решение* Арбитражного суда Липецкой области от 16 марта 2021 г. по делу № А36-1655/2020.

ательства, свидетельствующие о совершении правонарушения. Это лежит в компетенции антимонопольных органов.

Суд занимается подтверждением соблюдения процедуры предупреждения. Между тем, содержание предупреждения должны соответствовать целям предупреждения¹.

Таким образом, суд не подменяет антимонопольный орган. Он проверяет процедуру вынесения предупреждения, что, на наш взгляд, достаточно обоснованно в силу действия принципа разделения властей.

Обоснованность такой природы полномочия суда вызвано также особенностями компетенции антимонопольного органа. Именно этот орган власти реализует как представитель государства контроль, обеспечивая режим законности в определенной сфере отношений. Следовательно, анализ понятия дискредитации весьма широко проводится в практике судов арбитражной системы, что подчеркивает актуальность поднятого нами вопроса.

Одним словом, результаты толкования и применения закона, отражаемые в решениях судов, имеют определенную ценность для понимания дискредитации как формы недобросовестной конкуренции. Несомненно, достижения правоприменительной практики законодателю необходимо учесть для повышения эффективности правового регулирования исследуемого вопроса.

Библиографический список

1. *Государственная политика по защите и развитию конкуренции и ее реализация в нормах права* / К. Н. Алешин, А. В. Аленков, Д. М. Ашфа и др. — М.: Юстицинформ, 2020. — 300 с.

2. *Колоткина О. А.* Нарушение норм действующего антимонопольного законодательства в сфере государственных закупок // Конкурентоспособность субъектов хозяйствования в условиях новых вызовов внешней среды: проблемы и пути их решения: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 3 апреля 2019 г.) / под общ. ред. Н. В. Мальцева. — Екатеринбург: УГГУ, 2019. — С. 164–166.

¹ *Решение* Арбитражного суда Липецкой области от 16 марта 2021 г. по делу № А36-1655/2020.

Ю. Р. Нургалева

Коллегия адвокатов «Свердловская областная гильдия адвокатов»,
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Проблемы взаимодействия публичного и частного права в области налогообложения деятельности адвокатов

Аннотация. Автор статьи затрагивает проблему соотношения адвокатской деятельности и услуги, а также возможности применения упрощенной системы налогообложения для адвокатов.

Ключевые слова: адвокатская деятельность; предпринимательская деятельность; адвокат; налогообложение.

Как известно, в Российской Федерации в 1993 г. был принят основной закон — Конституция. Конституция РФ декларирует главные ценности гражданина, его права и свободы. Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют главную идею, значение и воплощение в жизнь законов и гарантируются судом, уполномочивают государство на соблюдение обязательств принимать, следовать, отстаивать эти права и свободы, охранять достоинство личности.

Неотъемлемость основных прав и свобод человека и их неотчуждаемость от начала жизни и до смерти подразумевают создание гарантий. Одной из гарантий является правомочие каждого на судебную защиту. Право на судебную защиту каждого носит характер универсальности и является основополагающим правилом в отношении всех конституционных прав и свобод и право каждого на получение квалифицированной юридической помощи и не подлежит ограничению [1, с. 22].

Всякому в нашей стране гарантируется квалифицированная юридическая помощь.

Если обратимся к словарю русского языка С. И. Ожегова, то обнаружим следующее: «помощь — это содействие кому-нибудь, участие в чем-нибудь» [2, с. 484], а действие, приносящее пользу, помощь другому [2, с. 729], именуется «услугой».

Инструментом воплощения этого права в нашем государстве в современном периоде стало сообщество адвокатуры и адвокатской деятельности.

31 мая 2002 г. принят Федеральный закон № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон № 63-ФЗ).

Так, именно Закон об адвокатуре устанавливает, что адвокатской деятельностью признается квалифицированная юридическая помощь, оказываемая лицами, получившими статус адвоката на профессиональ-

ной основе, в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию физическим и юридическим лицам. Советник по правовым вопросам, коим так законодатель называет адвоката, совершает действие, направленное на оказание помощи другому, а равно оказывает услугу юридической помощи.

С одной стороны, адвокатская деятельность — юридическая помощь всякому вне зависимости от социальных, имущественных интересов частных субъектов. С другой стороны, адвокатская деятельность направлена на достижение публичных интересов, поскольку, защищая права и интересы лиц, обратившихся за помощью, осуществляется интерес публичного права.

Давая такое определение адвокатской деятельности, законодатель, показывает соблюдение баланса конституционных гарантированных прав для лиц, обратившихся за юридической помощью, и баланса публичного интереса, что неоднократно подчеркивал Конституционный суд Российской Федерации¹.

Обратимся далее к следующему моменту в Законе № 63-ФЗ.

Пункт 2 ст. 1 Закона № 63-ФЗ закрепляет положения о том, что адвокатская деятельность не является предпринимательской.

Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает правила, касающиеся предпринимательской деятельности. Подтверждает, что эта специфическая деятельность, направленная на регулярное извлечение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ и оказания услуг. Субъект, осуществляющий деятельность в сфере предпринимательства, должен быть зарегистрирован в установленном законом порядке².

В последнее время в адвокатском сообществе наблюдается тенденция совмещения лицом статуса адвоката и статуса арбитражного управляющего. Указанное совмещение возможно, и не содержит прямого запрета ни в Законе № 63-ФЗ, ни в Кодексе профессиональной этики адвокатов. Деятельность арбитражного управляющего с 1 января 2011 г. не требует регистрации в качестве индивидуального предпринимателя³. Однако, это не исключает право арбитражного управляющего на получение такого статуса. Арбитражный управляющий, имеющий статус индивидуального предпринимателя, вправе применять упрощенную систему налогообложения по доходам, полученным в ре-

¹ Постановления от 23 декабря 1999 г. № 18-П, от 17 декабря 2015 г. № 33-П, от 18 июля 2019 г. № 29-П.

² О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 26 марта 2022 г.).

³ О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (с изм. от 3 февраля 2022 г.).

зультате осуществления этим лицом деятельности в качестве арбитражного управляющего¹.

Кроме того, Закон № 63-ФЗ позволяет адвокату заниматься деятельностью по урегулированию споров, научной, преподавательской, экспертной и иной творческой деятельностью, а также инвестировать средства и распоряжаться своим имуществом, извлекать доход из других источников, если эта деятельность не предполагает использование статуса адвоката.

Официально адвокат вправе также заключить договор простого товарищества — договор двух или нескольких лиц для соединения своих вкладов, действовать сообща и извлекать прибыль. Сторонами простого товарищества могут быть только индивидуальные предприниматели, в том числе адвокаты и (или) коммерческие организации, что подтверждается разъяснением Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам о заключении адвокатом простого товарищества от 18 ноября 2020 г.

Также лицо, имеющее статус адвоката, вправе совмещать и статус патентного поверенного.

Из приведенных выше примеров сделаем вывод: лицо, ставшее советником по правовым вопросам, вправе совмещать в одном лице и статус арбитражного управляющего, либо параллельно совмещать статус адвоката и патентного поверенного, либо, имея статус адвоката, в то же время стать партнером простого товарищества.

Зададимся простым вопросом: неужели деятельность, осуществляемая адвокатом иной, отличной от адвокатской деятельности, не будет являться предпринимательской?

Адвокат, осуществляя адвокатскую деятельность, помимо получения вознаграждения от доверителя несет еще и профессиональные расходы: на общие нужды адвокатской палаты, содержание соответствующего адвокатского образования; страхование профессиональной ответственности; другие расходы. Профессиональные расходы адвокат несет за счет получаемого вознаграждения. Вознаграждение и компенсация расходов, которое выплачивается доверителем адвокату, исполненные последним по поручению, вносятся в кассу соответствующего образования адвокатов либо перечисляются доверителем на расчетный счет в порядке и сроки, которые установлены соглашением между адвокатом и доверителем.

Кроме профессиональных нужд адвокат уплачивает налоги и страховые взносы, предусмотренные налоговым законодательством Российской Федерации.

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 4 марта 2014 г. № 17283/13.

Налоговым кодексом РФ для адвокатов предусмотрен налог на доходы физических лиц. Объектом налогообложения является доход, полученный от адвокатской деятельности. Ставка по данному виду налога составляет 13 %, если доход составляет — 650 тыс. р. и 15 % при превышении суммы доходов в 5 млн р. за данный отчетный период. А если адвокат является налоговым нерезидентом нашей страны, то ставка составляет 30 % по каждой сумме дохода.

По данному виду налога предусмотрена следующая отчетность: для адвоката, учредившего адвокатский кабинет, предусмотрена налоговая декларация по форме 3-НДФЛ¹, а для налоговых агентов - адвокатов юридических консультаций, коллегий адвокатов и адвокатских бюро подаются: расчет по форме 6-НДФЛ² за I квартал, полугодие, девять месяцев — не позднее последнего дня месяца, следующего за соответствующим периодом, за год — не позднее 1 марта года, следующего за истекшим налоговым периодом, и справка о доходах и сумма налога физического лица исчисленных, удержанных и перечисленных за истекший период по каждому адвокату.

Кроме налога на доходы физических лиц, адвокаты уплачивают страховые взносы на обязательное пенсионное страхование и страховые взносы на обязательное медицинское страхование. Данная норма содержится в ст. 430 Налогового кодекса РФ. Эта норма устанавливает фиксированный размер (за расчетный период): 2021 г. — 32 448 р.; 2022 г. — 34 445 р.; 2023 г. — 36 723 р., при условии, что величина дохода адвоката не превышает 300 000 р. Однако, если доход превысит 300 000 р, то необходимо заплатить, например за 2021 г. фиксированный размер, а это сумма 32 448 р., плюс 1 % от дохода, превышающего доход 300 000 р.

Следующий момент: адвокат уплачивает страховые взносы на обязательное медицинское страхование в фиксированном размере (за расчетный период): 2021 г. — 8 426 р.; 2022 г. — 8 766 р.; 2023 г. — 9 119 р.

¹ *Об утверждении формы налоговой декларации по налогу на доходы физических лиц (форма 3-НДФЛ), порядка ее заполнения, а также формата представления налоговой декларации по налогу на доходы физических лиц в электронной форме: приказ ФНС России от 15 октября 2021 г. № ЕД-7-11/903@ форма 3-НДФЛ.*

² *Об утверждении формы расчета сумм налога на доходы физических лиц, исчисленных и удержанных налоговым агентом (форма 6-НДФЛ), порядка ее заполнения и представления, формата представления расчета сумм налога на доходы физических лиц, исчисленных и удержанных налоговым агентом, в электронной форме, а также формы справки о полученных физическим лицом доходах и удержанных суммах налога на доходы физических лиц: приказ ФНС России от 15 октября 2020 г. № ЕД-7-11/753@ (ред. от 28 сентября 2021 г.).*

Приведенные цифры свидетельствуют об отсутствии тенденции к снижению налоговой нагрузки на адвоката.

Также стоит упомянуть, что законодательство о налогах и сборах Российской Федерации предусматривает упрощенную систему налогообложения. Эту систему налогообложения могут применять как организации, так и индивидуальные предприниматели. В рассматриваемом случае остановимся на индивидуальном предпринимателе. Объектом налогообложения упрощенной системы налогообложения могут быть как доходы, так и доходы, уменьшенные на величину расходов. Если объектом налогообложения у индивидуального предпринимателя будут доходы, то базой налогов считаются доходы предпринимателя, а если объектом налогообложения будут доходы, уменьшенные на величину расходов, налоговая база — денежное выражение доходов, уменьшенных на величину расходов. Ставка налога по данной системе установлена в размере 6 %. Отчетные периоды — это первый квартал, полугодие и девять месяцев календарного года.

Доходы, определяемые по данной системе налогообложения, могут быть получены от реализации услуг, что определено в п. 1 ст. 248 Налогового кодекса РФ. Однако, эту систему не могут использовать в нашей стране адвокаты, учредившие адвокатский кабинет, а также иные формы адвокатских образований: адвокатское бюро, коллегия адвокатов и юридическая консультация.

Действительно, существует несправедливость в том, что адвокаты уплачивают взносы на уровне предпринимателей. Ведь при меньшем доходе адвоката, чем у предпринимателя, советник по правовым вопросам вынужден платить больше. Тогда почему же адвокат не может воспользоваться упрощенной системой налогообложения, а предприниматель может? Ведь даже в период пандемии (2020, 2021 гг.) Правительством Российской Федерации были предприняты меры поддержки отраслей экономики¹, а для адвокатов нет!

Взглянем на сегодняшние реалии: пандемия, специальная операция РФ на Украине, высокая санкционная нагрузка на Россию, рост цен, увеличение безработицы — все это снижает уровень благосостояния граждан нашей страны. Соответственно, не всякий нуждающийся в правовой помощи, сможет обратиться за помощью и оплатить юридическую услугу адвоката. Как следствие — сокращение выплат в виде

¹ *Об особенностях* предоставления в 2020–2022 гг. субсидий юридическим лицам (за исключением субсидий государственным (муниципальным) учреждениям) и индивидуальным предпринимателям, ведущим деятельность в отраслях российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции: постановление Правительства РФ от 24 июня 2020 г. № 915 (ред. от 17 февраля 2022 г.).

вознаграждений адвокатам. Кроме вознаграждения, советник по правовым вопросам несет еще и налоговую нагрузку, рассмотренную выше.

Возникает вопрос: почему лицо, имеющее статус адвоката, оказывающее услугу в виде юридической помощи, не может перейти на упрощенную систему налогообложения? Ведь адвокат, впитав в себя знания, умения, навыки, оказывает юридическую услугу лицу, обратившемуся к нему субъекту, в виде помощи. Тогда почему не происходит баланса взаимодействия частного права при регулировании публичных интересов экономических отношений в области налогообложения адвокатов?

В целях исключения проблем взаимодействия публичного и частного права при регулировании экономических отношений в области налогообложения деятельности в области адвокатуры, предлагается тщательно проработать следующие варианты по снижению налоговой нагрузки адвоката:

1) разграничить деятельность адвоката, а именно: непосредственно на деятельность, оказывающую юридическую помощь всякому субъекту (адвокатскую), и на деятельность не адвокатскую, позволяющую регистрироваться советнику по правовым вопросам в качестве индивидуального предпринимателя, применять упрощенную систему налогообложения;

2) либо признать адвокатскую деятельность предпринимательской с возможностью применения упрощенной системы налогообложения и не разграничивать с иными направлениями.

Подводя итог вышесказанному, сделаем акцент на следующем: если адвокаты будут нести бремя существующей налоговой нагрузки, в дальнейшем ситуация станет развиваться следующим образом: советники по правовым вопросам перестанут заниматься адвокатской деятельностью, начнут прекращать статус адвоката и оставлять эту профессиональную деятельность, потому что требует больших материальных затрат и финансово не выгодна. Как следствие, простые граждане будут ограничены в получении квалифицированной юридической помощи для защиты своих прав, свобод и интересов, обеспечения доступа к правосудию, что спровоцирует рост числа безнаказанных правонарушений, а значит, поставит под удар и сомнение реализацию главного Закона нашей страны.

В свою очередь, если предложения о возможности применения советником по правовым вопросам упрощенной системы налогообложения будут претворены в жизнь, то это позволит реализовать гарантированное право Основного закона нашей страны на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность. Тем самым будет соблюден баланс публичного и частного права по вопросу налогообложения адвокатской деятельности.

Библиографический список

1. *Минасян А. В.* Понятие адвокатской деятельности и отграничение ее от смежных видов юридической деятельности // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2009. — № 2 (13). — С. 22–31.
2. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: около 57 000 слов. — Екатеринбург: Урал-Советы (Весть), 1994. — 796 с.

Д. А. Обоскалов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Предпосылки принятия Федерального закона «Об экономической экспертизе»

Аннотация. Рассмотрены предпосылки принятия Федерального закона «Об экономической экспертизе». На примере налоговой экспертизы показаны проблемы функционирования института экономической экспертизы в рамках действующего законодательства. Проведена аналогия с Федеральным законом «Об экологической экспертизе». Представлена статистика о количестве экономических преступлений, сумме материального ущерба от экономических преступлений в сравнении с экологическими.

Ключевые слова: экономическая экспертиза; налоговая экспертиза; экологическая экспертиза; экономическая преступность; экономический эксперт.

Экономические преступления наносят значительный ущерб развитию государства и благосостоянию граждан. Для оценки ущерба, выявления фактов и обстоятельств искажения экономической информации проводится экономическая экспертиза. Она представляет собой отдельный класс экспертных исследований, направленных на анализ и оценку корректности финансовых операций, их отражения в бухгалтерском и налоговом учете, изучение кредитной и других областей деятельности хозяйствующего субъекта.

Экономическая экспертиза подразделяется на следующие основные виды (табл. 1).

К сожалению, в настоящее время как эксперты, так и назначающие их лица сталкиваются с проблемой отсутствия отдельного закона, регулирующего производство экономической экспертизы.

Рассмотрим правовое регулирование деятельности экономических экспертов на примере налоговой экспертизы, исходя из того, что совершение налоговых преступлений, как правило, одновременно является способом сокрытия иных экономических преступлений; а также

имея в виду, что обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы закреплена конституционно — ст. 57 Конституции РФ.

Т а б л и ц а 1

Виды экономической экспертизы

Вид экспертизы	Суть экспертизы
Финансово-экономическая	Исследование финансово-экономической деятельности организации, анализ ее финансового состояния для выявления признаков и способов искажения данных о финансовом результате
Бухгалтерская	Исследование данных бухгалтерского учета с целью обнаружения искаженных данных об объектах учета
Финансово-кредитная	Проверка обоснованности получения кредита, а также выявление способов незаконного получения кредитных денежных средств организацией
Налоговая	Выявление несоответствий налоговому законодательству данных бухгалтерского и налогового учета организации

В России налоговая экспертиза может проводиться как в рамках выездных налоговых проверок, так и в рамках судопроизводства. В первом случае это совокупность конкретных действий по осуществлению налогового контроля, которая регулируется налоговым законодательством — ст. 31, 95 НК РФ. Во втором — процесс проведения исследований и дачи экспертом заключения для суда, что регулируется Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», определяющим общие принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности. Регулирует деятельность судебных экспертов также УПК РФ: в ст. 57 дается определение эксперта, в ст. 195 описывается порядок назначения судебной экспертизы, а в ст. 204 содержится перечень информации, которая должна быть указана в заключении эксперта.

Отметим, что законодателем не закреплены термины «судебно-налоговый эксперт» и «судебно-налоговая экспертиза», поэтому далее автор использует их применительно к экспертизе в рамках судебного производства.

Судебно-налоговая экспертиза и налоговая экспертиза в рамках налогового контроля различаются между собой. Первую назначает следователь или судья, вторую — должностное лицо налогового органа, осуществляющего выездную налоговую проверку.

Требования к судебно-налоговому эксперту четко закреплены: им может быть аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения — гражданин РФ, имеющий высшее образование

и получивший дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности (должность эксперта также может занимать гражданин РФ, имеющий среднее профессиональное образование в области судебной экспертизы). Тогда как в НК РФ от эксперта требуется лишь наличие специальных познаний в науке, искусстве, технике или ремесле.

Отличается и ответственность эксперта за дачу заведомо ложного заключения. Для судебно-налоговых экспертов предусмотрен штраф в размере до 80 тыс. р. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев, либо обязательные работы на срок до 480, либо исправительные работы на срок до двух лет, либо арест на срок до 3 мес. — ст. 307 УК РФ. Для экспертов, привлекаемых в ходе налогового контроля, — штраф в размере 5 000 р. — ст. 129 НК РФ.

Нет единого подхода к классификации экспертизы [1]. К примеру, вопрос выделения уже упомянутой судебно-налоговой экспертизы в самостоятельный вид экономической экспертизы в научном сообществе носит дискуссионный характер. Ряд исследователей, например, Д. Е. Симакова, Д. А. Кулешов, считают, что налоговая экспертиза как инструмент для расследования налоговых дел в административном, налоговом, арбитражном, уголовном процессах является неотъемлемым элементом судебно-бухгалтерской или финансово-экономической экспертизы [2].

Проведение такой экспертизы, действительно, требует от эксперта не только знаний в сфере налогового законодательства, но и знаний в области финансов и бухгалтерского учета, что указывает на комплексный характер исследования.

Тем не менее во многих теоретических работах утверждается, что четко разграничивать экспертизы между собой позволяет Приказ МВД России № 511, однако параллельно с ним существует Приказ Министерства юстиции РФ № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз...», в котором выделяется лишь два вида экономической экспертизы: бухгалтерская и финансово-экономическая.

Как показывает практика, отсутствие единой классификации ведет к возникновению трудностей в постановке вопросов и определении круга задач перед экспертами. Так, в 2020 г. 36 % следователей имели сложности с определением задач и формулировкой вопросов при назначении судебно-налоговой экспертизы, 21 % следователей затруднились определить вид назначаемой экономической экспертизы для решения вопросов, связанных с налогообложением [3].

Роль экономических экспертов как лиц, обладающих специальными знаниями в области экономики, возрастает. Согласно статистике состояния преступности в РФ, публикуемой МВД России, ежегодно увеличивается количество преступлений экономической направленности.

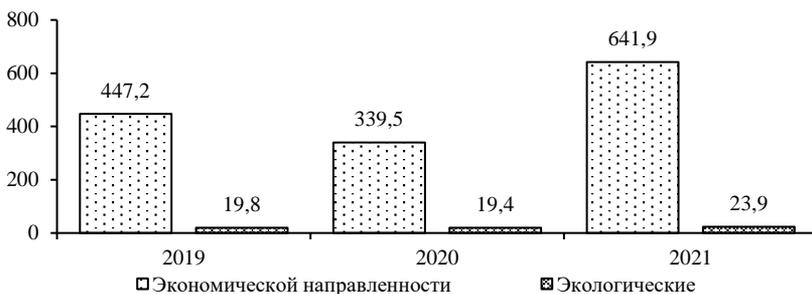
сти, что несет существенный вред для общества, так как материальный ущерб от таких преступлений исчисляется миллиардами рублей (табл. 2). Будучи «судьей факта», эксперт, как лакмусовая бумажка, подсвечивает конкретные факты, позволяя использовать их как доказательство в суде при рассмотрении дел об экономических преступлениях.

Т а б л и ц а 2

Статистические показатели

Показатель	2019	2020	2021
Количество преступлений экономической направленности	104 927	105 480	117 707
Материальный ущерб от преступлений экономической направленности, млрд р.	447,2	339,5	641,9

Уже принят и успешно функционирует Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе», при этом материальный ущерб от экологических преступлений значительно ниже (см. рисунок). По аналогии с этим законом можно разработать проект Федерального закона «Об экономической экспертизе». Автор убежден, что это позволит повысить эффективность работы сотрудников МВД и экономических экспертов.

Материальный ущерб от преступлений, млрд р.

В первой главе Федерального закона от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экономической экспертизе» должны быть закреплены понятийный аппарат, принципы и виды экономической экспертизы, обозначены четкие границы законодательства об экономической экспертизе.

Потребуется систематизировать: объекты экономической экспертизы, порядок ее проведения, требования к квалификации и образованию эксперта, его права и обязанности, права граждан и организаций,

в отношении которых проводится экономическая экспертиза, требования к заключению эксперта, основания для отвода эксперта.

Не менее важно урегулировать финансовое обеспечение деятельности экономических экспертов, а также ответственность за нарушение законодательства об экономической экспертизе: уголовной, административной, материальной и гражданско-правовой.

Таким образом, сложились объективные предпосылки для принятия отдельного федерального закона, регулирующего отношения в области экономической экспертизы. По мнению автора, данный шаг поможет устранить неверную постановку задач и вопросов перед экспертами, повысит эффективность выявления и предупреждения экономических преступлений.

Библиографический список

1. Колоткина О. А. Сущность и виды негосударственных экспертиз в сфере правотворчества: теоретико-правовой аспект исследования // Сибирский антропологический журнал. — 2020. — Т. 4, № 2. — С. 218–224.

2. Симакова Д. Е., Кулешов Д. А. Актуальные проблемы налогового контроля в рамках проведения судебной экспертизы // Вектор экономики. — 2020. — № 4 (46). — URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/4/taxes/Simakova_Kuleshov.pdf (дата обращения: 10.04.2022).

3. Сухорукова Е. С., Нуретдинов Д. И., Нуретдинова Ю. В. Особенности проведения судебно-экономических экспертиз при расследовании налоговых преступлений // Аллея науки. — 2020. — Т. 1, № 10 (49). — С. 172–176.

Е. О. Пащук

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Антимонопольное регулирование в эпоху цифровой экономики: проблемы и решения

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению влияния цифровой экономики на антимонопольное регулирование и как следствие на развитие конкуренции. Рассмотрены основные проблемы антимонопольного законодательства Российской Федерации в условиях развития цифровой экономики и предложены способы их решения.

Ключевые слова: цифровая экономика; антимонопольное регулирование; пятый антимонопольный пакет; антимонопольное законодательство; защита конкуренции.

В настоящее время процесс цифровизации получил стремительное развитие. Глобальный переход Российской Федерации в цифровую экономику приводит к изменению различных экономических секторов. Не

смотря на положительные последствия развития цифровой экономики, такие как существенное повышение эффективности различных компаний, рост производительности труда, снижение издержек производства необходимо упомянуть и о недостатках [4].

Так в условиях развития цифровой экономики определилась тенденция создания и перехода различных хозяйствующих субъектов на уже действующих товарных рынках на новые цифровые платформы, в которых компании, стремятся занять положение монополиста, что может привести к существенному ограничению добросовестной конкуренции. Для процесса цифровизации товарных рынков характерны быстрые темпы развития, в связи с чем специфика данного процесса не до конца изучена антимонопольными органами.

Цифровые платформы стали неотъемлемой частью современной экономики, их значение и влияние неуклонно возрастает. Исходя из практики антимонопольного регулирования можно сделать вывод, что именно крупные компании, предлагающие различные инновационные продукты, злоупотребляют своим положением на рынках и осуществляют деятельность, направленную на ограничение конкуренции [6]. Американский экономист и юрист Говард Шелански придерживался мнения, согласно которому конкуренция в сети Интернет — это не конкуренция за значимую долю рынка посредством ценообразования, а конкуренция за обладание всем рынком через инновации [8].

В связи с огромным влиянием на современную экономику процесса цифровизации конкуренция в наши дни приобретает совершенно новую форму и содержание [2].

По словам А. Г. Цыганова, в последнее время субъекты рынка все чаще вступают в сговоры между собой в целях получения большей прибыли, так как цифровая экономика влечет большие соблазны. Одним из громких разбирательств за последнее время является дело Федеральной антимонопольной службы России к транснациональной компании Google. Поводом к возбуждению дела стало злоупотребление компании доминирующим положением. В прошлом году ФАС РФ также возбудило дело против российской информационной компании «Яндекс» за не добросовестную конкуренцию путем выдачи в поисковой системе преимущественно сервисов только данной компании. Данные случаи не являются единичными.

Необходимо отметить, что развитие антимонопольного законодательства в данной области существенно отстает от процесса развития цифровой экономики. Между тем внесение изменений в антимонопольное законодательство исходя из потребностей которые диктует процесс цифровизации, является фундаментальным вопросом успешности российской экономики [3].

Например, в ходе проведенных исследований было установлено, что в случае наличия сговора на рынке медианное значение к надбавке к цене со стороны картеля составляет 25 %, а картеля с международными участниками 32 %. Ущерб от антикоррупционных соглашений на товарных рынках в среднем составляет 1,5–2 % от общего количества ВВП ежегодно [1].

Антимонопольное законодательство Российской Федерации преимущественно представлено Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». За все время существования данного федерального закона он неоднократно подвергался изменениям, что существенно отразилось на форме и содержании правовых норм о конкуренции. Текущая редакция антимонопольного законодательства РФ, не располагает специальными критериями, которые необходимы для четкого определения доминирующего положения цифровых платформ. В свою очередь отсутствие таких критериев негативно сказывается на рассмотрении антимонопольных дел и ходатайств о согласовании сделок слияния и приобретения цифровых платформ.

Перейдем к рассмотрению вызовов стоящих перед антимонопольным регулированием в условиях развития цифрового сектора экономики.

Наиболее актуальной проблемой стоящей перед антимонопольным законодательством является сложность определения доминирующего положения в условиях цифровой экономики. Так как законодательно не установлен процент доли на рынке при которой компания можно считать доминирующей. Соответственно определить реальное злоупотребление таким положением и как следствие ограничение добросовестной конкуренции, в настоящее время ФАС РФ является довольно проблематичным.

В современных условиях доступ к уникальной информации также относится к важнейшим конкурентным преимуществам. Это побуждает компании, владеющие уникальными данными, ограничить доступ к ним и тем самым создать заградительный барьер для входа на рынок.

Цифровые платформы, сетевые эффекты, большие данные, влияния технологий на конкурентную динамику и структуру рынков в последнее время оказывают существенное влияние на экономику. Поэтому не мало важным является выявление и пресечение картелей в условиях цифровой экономики. В настоящее время практика противодействия цифровым картелям в Российской Федерации практически отсутствует. Данное положение обусловлено тем, что картели в условиях цифровизации раскрываются с большой сложностью и у государства отсутствуют необходимые инструменты для противодействия картельным сговорам, так как государство не обладает необходимыми техниче-

скими разработками в данной области и специальными средствами для их выявления.

Необходимо учитывать то, что антимонопольный орган все чаще в своей практике сталкивается с доказательствами в электронной форме. Несмотря на то, что на основании ст. 25 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» в полномочия ФАС РФ входит получение различного рода информации, в том числе и составляющей охраняемую законом тайну, на практике это не всегда выполнимо. Так как зачастую Федеральная антимонопольная служба, а также ее территориальные подразделения при обращении к операторам связи для получения сведений об абонентах сталкиваются с отказами на основании ст. 63 Федерального закона 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи».

Также определенной проблемой для антимонопольного регулирования выступает определение четких границ рынка. Например, в международной антимонопольной практике отсутствует единое мнение касательно выделения социальных сетей и мессенджеров в отдельные рынки. Ряд стран придерживается их четкого разделения, другие напротив, относят как мессенджеры, так и социальные сети в один рынок приложений для осуществления коммуникации.

Исходя из анализа экспертных оценок и правоприменительной практики решением вышеперечисленных проблем и противоречий в законодательстве может стать внесение точечных изменений в нормативно-правовые акты. В настоящее время в России ведется активная разработка законопроектов в данной области. Примером может стать находящаяся на рассмотрении законопроект № 848392-7 о внесении изменений в Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» в части повышения эффективности выявления и пресечения ограничивающих конкуренцию соглашений. Данный законопроект направлен не только на расширение полномочий антимонопольного органа, но и учитывает специфику развития конкуренции и возникновения правонарушений в условиях цифровой экономики.

Необходимо обратить внимание, что в России уже предприняты определенные действия, направленные на успешное функционирование антимонопольного законодательства в современных условиях.

В настоящее время действует национальный проект «Цифровая экономика», который закрепляет цели и задачи до 2024 г. включительно, по адаптации антимонопольного законодательства к современным условиям интернет торговли. К целям данного проекта относится формирования инструментов для полного снятия входных барьеров на цифровые рынки, внедрения новых правовых инструментов, необходимых для противодействия картельным сговорам и защиты конкуренции, адапта-

ции аналитических подходов рыночной власти с учетом особенностей развития цифровой экономики.

Если говорить о выявлении картельных сговоров на цифровых платформах, то в 2020 г. ФАС РФ совместно с учебно-методическим центром ФАС России подготовили методические рекомендации по выявлению картелей в условиях цифровой экономики. Данные рекомендации рассматривают распространенные виды цифровых доказательств ограничивающих конкуренцию соглашений. Также данный документ содержит статические данные Федеральной антимонопольной службы по данной категории дел.

Особая роль в преодолении новых для антимонопольного законодательства РФ вызовов отводится пятому антимонопольному пакету, который на данный момент находится на стадии разработки. Он определит новые критерии доминирующего положения на рынке интернет-пространства и установит полный запрет различных формы злоупотреблений со стороны цифровых гигантов [5]. Также пятый антимонопольный пакет будет содержать такие новеллы как подробное определение сетевых эффектов, установление новых санкций за нарушение антимонопольного законодательства на цифровых рынках.

Подводя итоги, необходимо отметить, что эффективное антимонопольное регулирование необходимо для развития и содействия конкуренции и как следствие успешного функционирования экономики в современных условиях.

Не смотря на то что антимонопольное законодательство РФ достаточно полно регулирует вопросы предупреждения и пресечения монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, многообразные перемены, происходящие в российской экономике порождают новые проблемы и необходимость их решения [7].

Библиографический список

1. Авдашева С. Б., Шаститко А. Е., Калмычкова Е. Н. Экономические основы антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта // Экономический журнал Высшей школы экономики. — 2007. — Т. 11, № 4. — С. 562–610.
2. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / Н. Ф. Галимханова, А. П. Тенишев, М. А. Хамуков, Е. В. Семенова. — М.: Высшая школа экономики, 2018. — 312 с.
3. Белых В. С., Коньков К. А., Болобанова М. О. Проблемы совершенствования антимонопольного законодательства в условиях цифровой экономики: спорные вопросы теории и практики // Бизнес, менеджмент и право. — 2020. — № 2 (46). — С. 37–41.

4. Евсикова О. О. Преимущества развития цифровой экономики // Молодой ученый. — 2020. — № 1 (291). — С. 83–84.

5. Зайнуллина Э. Р., Павлов С. Ю. Пятый антимонопольный пакет: значение, особенности, перспективы // Наука и образование: новое время. — 2018. — № 4 (27). — С. 142–145.

6. Леонова Е. В. Обеспечение конкуренции в эпоху цифровой экономики: возможности и угрозы // Актуальные вопросы юридических наук: материалы IV Междунар. науч. конф. (Чита, 20–23 апреля 2018 г.). — Чита: Молодой ученый, 2018. — С. 10–12.

7. Таказина Е. С., Ларионова В. К. Антимонопольная политика России на современном этапе // Современная антимонопольная политика России: правоприменительная практика в Брянской области: сб. науч. работ Всерос. науч.-практ. конф. (Брянск, 18–19 апреля 2019 г.). — Брянск: БГУ имени академика И. Г. Петровского, 2019. — С. 197–200.

8. Shelanski H. A. Information, and competition policy for the internet // University of Pennsylvania law review. — 2013. — Vol. 161, iss. 6. — P. 1663–1705.

Р. А. Прощальгин

Новосибирский военный ордена Жукова институт
имени генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации;
Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск

К вопросу о возможности осуществления права собственности на ценные бумаги военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация. В статье осуществлен анализ проблемы законодательного ограничения права военнослужащего войск национальной гвардии РФ на приобретение ценных бумаг. На основе анализа правовых предписаний, доктринальных источников и правоприменительной практики сделан вывод, что осуществление права собственности на ценные бумаги зависит от вида ценных бумаг и иных запретов, налагаемых на военнослужащего при прохождении военной службы.

Ключевые слова: ценные бумаги; право собственности; военнослужащий; войска национальной гвардии; ограничения и запреты; военная служба.

Эффективное развитие экономики государства напрямую зависит от адекватного правового регулирования экономических отношений. Совершенствование отечественных правовых предписаний, регламентирующих предпринимательскую деятельность, имеет особое значение в период мировых экономических, эпидемиологических и военно-политических потрясений. При этом изменения действующего законода-

тельства призваны стабилизировать и укрепить экономику страны, обеспечить ее стабильность и устойчивость к внешним экономическим угрозам. С учетом указанных обстоятельств, в последние несколько лет активному реформированию подверглась сфера оборота ценных бумаг, появились новые виды акций, упростилась процедура выпуска ценных бумаг в обращение, сократились сроки эмиссии, изменилась деятельность профессиональных участников рынка ценных бумаг и т. п. Данные изменения рынка ценных бумаг должны оказать плодотворное влияние на развитие корпоративных отношений и осуществление хозяйствующими субъектами предпринимательской деятельности.

Вместе с тем, в рамках отраслевого законодательства для отдельных категорий лиц устанавливается запрет на осуществление предпринимательской деятельности, в силу особого правового статуса и занимаемого должностного положения. Так, нормой ч. 7 ст. 10 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» ограничивается право военнослужащего на занятие предпринимательской деятельностью и участие в управлении коммерческой организацией. При этом данное ограничение распространяется как на самого военнослужащего, так и на доверенных лиц. Более того, в рамках указанных правовых предписаний военнослужащему запрещается получение дохода от иной оплачиваемой деятельности, не связанной с прохождением военной службы. С учетом данных законодательных ограничений интересным представляется вопрос поступления в собственность военнослужащего войск национальной гвардии Российской Федерации (далее — ВНГ РФ) ценных бумаг и возможность получения прибыли от их использования и оборота.

В юридической литературе, среди представителей военного права, на этот счет существуют различные точки зрения. В целом, можно выделить следующие подходы к пониманию данного вопроса.

Одна группа авторов придерживается мнения о том, что ценные бумаги могут приобретаться военнослужащим, но подлежат обязательной передаче в доверительное управление. С точки зрения В. М. Копрова, единственным вариантом приобретения и возможности легального получения дохода от ценных бумаг является заключение договора доверительного управления со стороны военнослужащего [2, с. 53].

Другие авторы отстаивают радикальное мнение относительно недопустимости и запрета на приобретение любых ценных бумаг военнослужащим. По мнению И. В. Душкина, военнослужащие ни при каких обстоятельствах не могут быть владельцами любых ценных бумаг и даже при призыве на военную службу должны произвести их отчуждение [1, с. 95].

Вместе с тем, при решении данного вопроса необходимо обратиться к анализу норм действующего гражданского законодательства и законодательства о прохождении военной службы. В соответствии с п. 2 ст. 142 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) установлен примерный перечень ценных бумаг, исходя из анализа которого, следует вывод о том, что не все ценные бумаги связаны с осуществлением собственником предпринимательской деятельности, систематическим извлечением прибыли и обязательным участием в управлении корпорацией. Исходя из указанной нормы, к числу ценных бумаг отнесены коносамент, вексель, чек, облигация, закладная, оборот которых не обязательно должен быть связан с получением систематического дохода владельцем. Так, например, оформление закладной может осуществляться в случае заключения договора займа денежных средств, под залог недвижимого имущества и по сути подтверждает передачу данного имущества в залог банку. Коносамент на товар подтверждает сдачу товара перевозчику в случае заключения договора перевозки груза. Вексель, облигация и чек могут использоваться при осуществлении расчетов за приобретение того или иного имущества, а также в кредитной и заемной сфере. С учетом данных обстоятельств, представляется, что военнослужащий ВНГ РФ вполне может быть владельцем подобных ценных бумаг, но при условии, если они не используются в осуществлении предпринимательской деятельности и участия в корпоративных отношениях, а также не создают условия для конфликта интересов при прохождении военной службы.

Данный вывод подтверждается следующими обстоятельствами. Исходя из правовых предписаний ст. 27.1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», на военнослужащего ВНГ РФ распространяются ограничения и запреты, предусмотренные ст. 17, 18, 20 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». В абз. 3, 3.1, 4 ч. 1 ст. 17 данного нормативного акта закреплен запрет на осуществление предпринимательской деятельности, как лично, так и через представителя, участие в управлении организацией. Кроме того, в случаях, предусмотренных федеральным законом, ограничено право на приобретение ценных бумаг, предусматривающих возможность получения дохода. Данная формулировка носит отсылочный характер, и, исходя из толкования указанной нормы, следует, что запрет на приобретение ценных бумаг военнослужащим может быть установлен в случаях прямо указанных федеральным законом. Как представляется, к числу таких запретов можно отнести положения Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц

открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами», предусматривающего запрет для военнослужащих на приобретение, владение и пользование ценными бумагами, являющимися иностранными финансовыми инструментами. Каких-либо иных ограничений по приобретению военнослужащим ВНГ РФ ценных бумаг, в нормативных актах о прохождении военной службы или других законах не указано. Это подтверждается толкованием другого нормативного предписания ч. 2 ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», предусматривающего обязанность военнослужащего передать в доверительное управление ценные бумаги, в случае возникновения возникновения конфликта интересов. Аналогичная норма установлена ст. 12.3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Исходя из чего, следует закономерный вывод, о том, что в случае, если владение ценными бумагами не приводит к возможному конфликту интересов, связанному с прохождением военной службы, военнослужащий ВНГ РФ имеет право владеть и пользоваться данными ценными бумагами без каких-либо ограничений. В Методических рекомендациях по применению типовых ситуаций конфликта интересов в Вооруженных Силах РФ, утвержденных Минобороны России 12 марта 2015 г., указывается на возможное наличие конфликта интересов, связанного с владением ценными бумагами юридического лица и необходимостью передачи их в доверительное управление, лишь в том случае, если военнослужащий или его родственники осуществляют функции государственного управления в отношении данного юридического лица.

Представляется, что конфликт интересов может произойти, в том числе, в случае, если реализация права собственности на ценные бумаги связана с осуществлением предпринимательской деятельности или участием в корпоративном управлении организацией, так как данные виды деятельности напрямую запрещены для военнослужащих ВНГ РФ и их представителей, без каких-либо исключений.

В связи с этим в доверительное управление подлежат передаче акции, облигации и иные ценные бумаги, владение которыми предполагает вовлечение военнослужащего в указанные сферы деятельности. Что касается иных ценных бумаг, предполагающих, например, получение пассивного дохода, аналогичного банковскому депозиту или закреплению каких-либо иных имущественных прав, при отсутствии конфликта интересов, их передача в доверительное управление, исходя из анализа действующих правовых предписаний, не требуется. Это связано

еще и с тем, что формулировка закона о запрете военнослужащим на осуществление иных видов оплачиваемой деятельности, предполагает активное поведение, направленное на получение дохода (выполнение работ, оказание услуг, осуществление предпринимательской деятельности и т. д.).

Однако приобретение ценных бумаг и получение дохода по ним не связано с активной деятельностью военнослужащего, направленной на получение систематической выгоды. Напротив, получение дохода военнослужащим — кредитором предполагает активную деятельность должника, например банка, по начислению прибыли на приобретенные ценные бумаги. В данном случае приобретение ценных бумаг является обычным вложением свободных денежных средств, по аналогии с банковским вкладом, в целях преодоления инфляционных процессов, существующих в экономике государства. Другое дело, если военнослужащий будет заниматься систематической куплей-продажей ценных бумаг, которое уже подпадает под понятие иной оплачиваемой деятельности и в таком случае является недопустимым. Более того, исходя из анализа материалов судебной практики можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев судами рассматриваются споры об увольнении военнослужащих в связи с нарушением запретов и ограничений, связанных с прохождением военной службы, не в связи с владением ценными бумагами и получением определенного дохода от их приобретения, а в связи с не уведомлением о существующем конфликте интересов и не внесением сведений о полученном доходе в ежегодную справку о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера¹.

Кроме того, исходя из анализа формулировки о запрете на приобретение ценных бумаг, следует, что если приобретаемые ценные бумаги не предполагают получение дохода, они без каких-либо ограничений могут свободно приобретаться и использоваться в гражданском товарообороте со стороны военнослужащего ВНГ РФ. Это касается, к примеру, расчетов чеками, векселем, составления и передачи закладной, в случае приобретения жилого помещения в рамках ипотечного кредитования и т. п. При этом думается, передача данных ценных бумаг в доверительное управление военнослужащим ВНГ РФ вообще не требуется, за исключением возможности возникновения конфликта интересов.

¹ *Обзор* Верховного Суда РФ практики рассмотрения военными судами дел о применении взысканий за коррупционные правонарушения, предусмотренные Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» за 2017 г. — URL: http://224gvs.spb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=166 (дата обращения: 15.04.2022).

Резюмируя изложенное, следует сделать вывод относительно отсутствия общего законодательного запрета на приобретение и владение военнослужащим ВНГ РФ ценными бумагами, в том числе получение по ним дохода. Законодательный запрет существует на приобретение ценных бумаг, являющихся иностранным финансовым инструментом.

Ценные бумаги, не предполагающие получение дохода могут свободно приобретаться и отчуждаться военнослужащим, без каких-либо ограничений. Однако следует учитывать то обстоятельство, что ценные бумаги подлежат передаче военнослужащим в доверительное управление лишь в случае возможности возникновения конфликта интересов, при прохождении военной службы. Кроме того, ценные бумаги не могут выступать в качестве объекта товарооборота, направленного на систематическое получение выгоды в рамках осуществляемой предпринимательской деятельности со стороны военнослужащего, а также для участия в управлении корпорацией, как лично, так и через доверенное лицо.

Библиографический список

1. Душкин И. В. Право военнослужащих на владение ценными бумагами и участие в управлении организациями // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2011. — № 6 (1968). — С. 93–95.

2. Копров В. М. О возможности инвестирования денежных средств военнослужащими на рынке ценных бумаг с использованием индивидуального инвестиционного счета // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2019. — № 7 (264). — С. 48–60.

Н. А. Свалова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Проблемы установления объема преждепользования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов

Аннотация. В статье проведен анализ предусмотренных гражданским законодательством элементов объема преждепользования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, а именно объем и территория их использования. Автор характеризует объем использования технических решений как качественную и (или) количественную категорию. Обращает внимание, что суды при принятии решений не уделяют внимание территории их использования. В итоге приходит к выводу, что объем использования по праву преждепользования имеет качественное содержание, так как право преждепользования характеризует правоотношения между преждепользователем и обладателем патента по поводу тождественных технических решений. Количественный подход при определении объема преждепользования не относится к интеллектуальным правам.

Ключевые слова: изобретение; полезная модель; промышленный образец; патент; право преждепользования.

В жизни возникают ситуации, когда одновременно создаются два и более тождественных изобретения, полезных моделей или промышленных образца. Приоритет на данные технические решения возникает у того, кто первым подал заявку и получил патент на такое решение. Однако международное и национальное право некоторых государств, в том числе и Российской Федерации, признают права на объекты промышленной собственности в силу их создания. Так, в соответствии со ст. 4 (В) Парижской конвенции: «Права, приобретенные третьими лицами до дня первой заявки, которая служит основанием для права приоритета, сохраняются в соответствии с внутренним законодательством каждой страны Союза». Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ) предусмотрена норма, которая предоставляет право лицу, не имеющему патента на объект промышленной собственности, использовать его без согласия патентообладателя при наличии условий, указанных в ст. 1361 указанного кодекса. Такое право называется «правом преждепользования».

Право преждепользования, как верно отмечает К. Глазунова, «это своего рода ограничение чужого исключительного права» [1]. Данное право возникает не на основании решения суда, а в силу закона. Поэтому в соответствии с п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Пленум ВС РФ № 10)

факт преждепользования может служить основанием для возражения ответчика по иску о нарушении исключительного права на объект промышленной собственности, а также служить основанием для обращения в суд с самостоятельным исковым требованием, в том числе встречным, о признании (установлении) права преждепользования.

Исходя из положений ст. 1361 ГК РФ при установлении права преждепользования в судебном процессе установлению и доказыванию подлежат следующие обстоятельства:

— использование преждепользователем решения, тождественного запатентованному решению (п. 3 ст. 1358 ГК РФ). Сама тождественность решения, использованного преждепользователем, доказывается судебной экспертизой;

— независимость создания тождественного решения. Независимость проявляется в самостоятельном характере творчества преждепользователя: это означает, что решение «не было разработано на основе описаний, чертежей, моделей лица, получившего патент на полезную модель»;

— добросовестность использования решения;

— использование или приготовление к использованию тождественного решения на территории России до даты приоритета запатентованного объекта;

— объем преждепользования¹.

При этом все названные выше условия должны быть в совокупности. При отсутствии одного из них право преждепользования не возникает.

В науке и практике неоднократно обсуждались вопросы о применении условий преждепользования². В рамках данной работы остановимся на таком условии как объем преждепользования. При исследовании судебной практики данному условию суды не уделяют должного внимания, а в доктрине встречаются мнения, что данное условие относится к факультативным [2].

В силу ст. 1361 ГК РФ лицо, пользующееся правом преждепользования не будет нарушать исключительные права патентообладателя на тождественные изобретения, полезные модели и промышленные образцы только тогда, когда не расширит объем использования указанных технических решений. Законодатель не дает разъяснений, что по-

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 октября 2014 г. № С01_1043/2014 по делу № А08-2171/2012.

² *Абрамов А.* Право преждепользования: практические аспекты / Гардиум. — URL: <https://legal-support.ru/information/blog/ip-daidezhest/pravo-prezhdepolzovaniya-prakticheskie-aspekty> (дата обращения: 29.04.2022). См. также: [1].

нимать под объемом преждепользования. В свою очередь, п. 127 Пленума ВС РФ № 10 выделяет два элемента объема преждепользования:

1) объем использования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов;

2) территория использования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов.

Объем использования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов можно анализировать как качественную и (или) количественную категорию.

В Справке по вопросам, касающимся споров о праве преждепользования, утвержденной Постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 14 ноября 2014 г., и в п. 127 Пленума ВС РФ № 10 говорится о юридической и технической качественной категории объема преждепользования.

Юридическая заключается в том, что согласно п. 2 ст. 1354 ГК РФ содержащаяся в патенте формула определяет объем охраны интеллектуальных прав на изобретение или полезную модель. Для целей установления наличия или отсутствия права преждепользования использование изобретения, полезной модели устанавливается исходя из п. 3 ст. 1358 ГК РФ. То есть изобретение или полезная модель признаются использованными в продукте или способе, если продукт содержит, а в способе использован каждый признак изобретения или полезной модели, приведенный в независимом пункте содержащейся в патенте формулы. Также, Суд по интеллектуальным правам делает вывод, что ограничение расширения объема использования, указанное в п. 1 ст. 1361 ГК РФ, учитывая положения ст. 1229 и 1358 ГК РФ, можно понимать в юридическом смысле как запрет преждепользователю на предоставление по лицензионным договорам третьим лицам права использования тождественного решения.

Ограничение объема использования в техническом смысле понимается как возможность использования преждепользователем тождественного патенту решения только в том виде выпускаемой продукции, в котором он использовал техническое решение на дату приоритета патента. Соответственно, использование тождественного патенту решения в любом ином виде выпускаемой продукции, является нарушением ограничения объема использования.

На сегодня российская судебная практика учитывает и количественный критерий объема преждепользования, что нашло свое закрепление в п. 127 Пленума ВС РФ № 10. В частности, пленум дает ориентиры, как необходимо доказывать увеличен или нет объем преждепользования, а именно «количественное изменение объема выпускаемой продукции (в штуках, килограммах, метрах и др.) не должно превышать

объема использования (необходимого приготовления к использованию), имевшего место до даты приоритета изобретения, полезной модели или промышленного образца, в том числе установленного судом при признании права преждепользования».

Что касается такого элемента как территория использования объектов промышленной собственности, то возникает вопрос о границах этой территории. Сама норма ст. 1361 ГК РФ прямо указывает на то, что преждепользователь должен добросовестно использовать технические решения на территории Российской Федерации. Также право преждепользования относится к иным интеллектуальным правам. Поэтому в соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 1231 ГК РФ иные интеллектуальные права действуют на всей территории Российской Федерации. По-видимому, законодатель предполагает, что расширение территории использования — это использование, например, изобретений, за пределами России. Внутри страны, нарушить права патентообладателя на тождественное техническое решение возможно только в связи с увеличением объема использования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. Изучая судебную практику, сталкиваешься с тем, что суды не уделяют внимание этому критерию.

Если анализировать зарубежный опыт, то вопрос по территории использования вообще не возникает. Так, например, в Германии при определении объема преждепользования уделяют внимание только качественному показателю объема выпускаемой продукции. Более того, право преждепользования не ограничивается по количеству. Это значит, что преждепользователь может предпринимать производственные расширения [1].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что вопрос об объеме преждепользования до сих пор остается дискуссионным. На наш взгляд, следует согласиться с мнением К. Д. Глазуновой, что объем использования по праву преждепользования имеет, прежде всего, качественное содержание, так как право преждепользования характеризует правоотношения между преждепользователем и обладателем патента по поводу тождественных технических решений. Количественный подход при определении объема преждепользования не относится к интеллектуальным правам.

Библиографический список

1. *Глазунова К.* Об объеме права преждепользования: законодательство и судебная практика // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2016. — № 11. — С. 43–50.

2. *Естева Е. В.* Практические аспекты применения статьи 1361 Гражданского кодекса РФ // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2020. — № 2 (28). — С. 95–103.

Г. Ч. Сейткадиева

Центр медиации и права, г. Бишкек, Киргизия

Медиация как современный способ разрешения коммерческих споров: возможности и риски

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы организации процедуры медиации, анализируются особенности медиативного соглашения. Анализируются существующие проблемы в сфере медиации и предлагаются их решения.

Ключевые слова: медиация; медиатор; медиативное соглашение.

В силу интенсивного развития экономических процессов в эпоху глобализации и информатизации актуальным является оптимизация и ускорение различных операционных процессов деятельности хозяйствующих субъектов. В процессе осуществления хозяйственной деятельности возникают различного рода задачи, которые требуют наиболее оперативного и оптимального решения. Одной из таких задач является разрешение конфликтных ситуаций и различного рода споров между частноправовыми субъектами. В профессиональном и научном сообществе для решения указанных задач отмечают институт альтернативного урегулирования споров. Одним из таких способов альтернативного разрешения споров является процедура медиации. В зарубежных странах, где медиация нашла свое достойное место, понимают, что взаимоотношения между людьми, социальная стабильность общества, благополучие народа — это те основы, на которых должна держаться деятельность государства.

Что же такое медиация? Термин «медиация» происходит от латинского слова *mediare*, что означает посредничать. Медиация — это новая форма альтернативного (суду) урегулирования споров с участием третьей, нейтральной, беспристрастной, не заинтересованной в конфликте стороны-медиатора, который помогает участникам спора или судебного разбирательства выработать определенное соглашение, при этом стороны полностью контролируют процесс принятия решения по урегулированию спора и условия его разрешения.

Медиация как современный способ разрешения споров все больше завоевывает симпатию среди населения и представителей бизнеса.

К медиации обращаются, когда необходимо сэкономить деньги, время и на протяжении разрешения всего спора чувствовать себя в эмоциональной безопасности. Медиация — это технология разрешения конфликтов, которая заключается в проведении переговоров с участием нейтрального посредника-медиатора.

Сферой применения медиации являются споры (конфликты), возникающие из гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений с участием физических и (или) юридических лиц, а также рассматриваемые в ходе уголовного судопроизводства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, об уголовных проступках и отношениях, возникающие при исполнении решений, на стадии уже исполнительного производства. В Кыргызской Республике закон «О медиации» вступил в силу в феврале 2018 г., но о медиации как способе урегулирования спора заговорили намного раньше, благодаря опыту других стран, в том числе стран бывшего союза.

Когда стороны конфликтуют, часто концентрируются на доказательстве своей правоты и неправоты другого. Гораздо сложнее признать, что категории «прав-виноват» чаще всего абсолютно не конструктивны для разрешения споров. Что все стороны конфликта имеют равно обоснованные интересы, и целью спорящих может быть не «победа» над оппонентом, а поиск такого решения, которое будет удовлетворять интересы всех сторон. Именно из этой «трудно признаваемой» позиции исходят сторонники медиативного подхода разрешения споров. Так как «воюющим» сторонам бывает сложно услышать друг друга в силу самой природы конфликта, на помощь им приходит третье лицо — медиатор.

Если провести сравнительный анализ между судебным разбирательством и процедурой медиацией, то можно наблюдать следующее

Суд — процесс публичный, а медиация обеспечивает конфиденциальность, что не позволяет медиатору разглашать информацию, ставшую известной в ходе процесса. Следовательно, не разрешается допрашивать медиатора в качестве свидетеля.

В законодательстве о медиации отсутствуют императивные нормы, устанавливающие правила проведения процедуры медиации. В отношении порядка проведения процедуры медиации закрепляет диспозитивные нормы: «порядок проведения определяется соглашением о проведении процедуры медиации, а правила ее проведения утверждаются организациями, осуществляющими деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации». Стороны также могут указать на самостоятельное установление медиатором порядка проведения процедуры медиации с учетом обстоятельств возникшего спора, пожеланий сторон и необходимости скорейшего урегулирования спора. В условиях, когда

проведение процедуры медиации возможно на непрофессиональной основе, а сама процедура медиации является достаточно новым явлением, отсутствие ясности в отношении порядка и правил проведения процедуры медиации может привести к тому, что под общим понятием «медиация» могут применяться практики, не являющиеся медиацией.

При процедуре медиации соблюдаются четыре обязательных принципа: добровольности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора, конфиденциальности.

Добровольность участия в медиации гарантируется правом сторон на отказ от продолжения участия в медиации, без объяснения причин своего выхода. Стороны в медиации имеют равные права — право сторон излагать свою позицию и быть выслушанными, отстаивать свои интересы, вносить предложения, а также право на выход из медиации. Медиатор гарантирует сторонам соблюдение их равных прав и баланс сил в процессе переговоров.

Медиатор не может принимать чью-либо сторону, у него нет задачи выяснить, кто прав и виноват. Он работает, чтобы стороны конфликта пришли к взаимовыгодной договоренности, к какому-то консенсусу. Медиатор исходит из того, что только стороны спора сами знают, как разрешить свой конфликт, и нужно создать такие условия, чтобы они сами нашли решение и сами же взяли ответственность за него.

Конфиденциальность процедуры медиации имеет несколько аспектов:

- стороны и медиатор не имеют права разглашать информацию, услышанную в медиации, если стороны не договорились об ином, за исключением фактов заключения соглашения о применении медиации и о прекращении медиации;

- стороны и другие участники медиации не вправе ссылаться на информацию, полученную в ходе медиации в судебном процессе;

- в случае, если стороны не договорились в медиации, их спор стал предметом рассмотрения в суде, то медиатор, участвующий в проведении медиации, не может привлекаться судом для дачи свидетельских показаний.

Помимо указанных правил соблюдения конфиденциальности, которые отражаются в Соглашении о проведении медиации, стороны вправе заключить Соглашение о конфиденциальности, указав в нем конкретно какая информация признается конфиденциальной и определить ответственность за разглашение информации.

И, наконец, принимаемое решение в медиации оно называется медиативным соглашением. Медиативное соглашение по своей природе может быть гораздо шире традиционного мирового соглашения, включать в себя самые разные аспекты, существенные для сторон. В таком

случае после урегулирования спора и заключения медиативного соглашения нецелесообразно встраивать медиативное соглашение в рамки мирового соглашения — между ними есть существенные различия. В настоящее время проблема несоответствия медиативного и мирового соглашений частично решается за счет применения (в случае достижения в процедуре медиации соглашения) иных норм процессуального права, в том числе использования возможных форм примирения сторон, таких как: частичный или полный отказ от иска; частичное или полное признание иска; соглашение о фактических обстоятельствах или их признание.

Это принципиальный момент, когда решение, в выработке которого стороны спора принимали личное участие и с которым согласились, и будет реализовано с гораздо большим энтузиазмом, чем, если бы оно (решение суда) было навязано кем-то извне и ты его обязан исполнить. Поэтому медиативные соглашения исполняются чаще, чем решения суда, и добровольно. Между тем, в сравнении с судебным процессом, судья назначается, а медиатора- выбирают сами стороны.

В Гражданском процессуальном кодексе Кыргызской Республики уже закреплены нормы, что суды могут направлять стороны для урегулирования спора в альтернативном суду порядке — в порядке медиации, приостанавливая судебные разбирательства на все время прохождения медиации. Данное явление дает основание разделить медиацию как внесудебную и судебную, то есть, при направлении судом — судебная, а по договоренности сторон — внесудебная.

При активном обращении к медиации как граждан, так и юридических лиц можно существенно снизить нагрузку на судебную систему. Стороны согласованно решают обратиться к медиатору или нет. В случаях, когда решение проблемы таким путем не предоставляется возможным, при этом спор называется немедиабельным, за сторонами сохраняется право обратиться в суд.

Привлечение медиатора возможно при любом споре. Преимущество медиации заключается в том, что она позволяет найти выход из тупиковой ситуации, при этом сохраняются отношения между сторонами. Также одним из преимуществ медиации является гарантия соблюдения полной конфиденциальности как самой процедуры и принятого медиативного соглашения.

Таким образом, главное к чему стремятся медиативные процедуры — это достижение взаимовыгодного и мирного соглашения, удовлетворяющего обе стороны и снижающего уровень конфликтности. Именно поэтому бизнессообщество прибегает к медиации как способу урегулирования спора.

В отличие от судебного процесса, при урегулировании спора путем медиации не бывает «виновных» или «невиновных» сторон. Так как

принципы этой области права предусматривают не привлечение к ответственности, а защиту и восстановление прав и свободы человека. Другими словами, медиация стремится по возможности не доводить дело до суда и является альтернативным суду способом урегулирования спора.

Особую актуальность медиация приобретает в условиях кризиса, к примеру, если судятся кредитор и должник, каждый получает свои преимущества. Кредитор имеет возможность в случае нарушения условий должником медиативного соглашения в упрощенном порядке взыскать задолженность. Должник, в свою очередь, освобожден от государственной пошлины, а также получает возможность выработать более гибкие способы погашения задолженности.

Развитие современных рыночных отношений, обеспечение стабильности гражданского оборота невозможно без формирования устойчивых хозяйственных связей между различными субъектами предпринимательской деятельности. Поэтому ключевая проблема заключается в переориентации участников экономической деятельности от состояния конфронтации к отношению сотрудничества, кооперации со своими контрагентами. Медиация в силу особой технологии переговоров, направленной на сотрудничество спорящих сторон, способна стать эффективным средством снижения конфронтационных отношений бизнес-сообщества.

Коммерческая медиация начала популяризоваться и в Кыргызстане, поскольку, по сравнению с судебным разбирательством, позволяет добиться более эффективного разрешения спора с соблюдением конфиденциальности и при меньших затратах. Кроме того, благодаря медиации стороны получают возможность найти конструктивные, коммерчески выгодные решения, позволяющие им сохранить деловые связи, что не маловажно.

Обратившиеся к медиации могут выбрать себе медиатора из реестра медиаторов, содержащий данные всех медиаторов страны, специализацию и контакты и откуда рисков гораздо меньше, чем судебное разрешение спора единственный момент — это гарантии исполнимости медиативного соглашения.

Большинство мнений даже самих юристов — это отсутствие доверия к добровольности исполнения Медиативного соглашения. Опасения юристов, связанные с трудностями добровольного исполнения Медиативного соглашения по спорам, входящим в компетенцию экономического суда, не обоснованы. Для этого у нас в законодательстве есть право сторон сделать исполнительную надпись нотариуса, нотариально удостоверить соглашение, в некоторых странах действует правовой механизм принудительного исполнения Медиативных соглашений, что

в определенном смысле приравнивает медиативное соглашение к судебному решению. Но, я думаю, что при составлении медиативного соглашения нужно предусмотреть случаи неисполнения. И раз есть проблемы добровольного исполнения, то предположительно, данный факт требует нормативного закрепления исполнения обязанности медиативное соглашение рассматривается как гражданско-правовая сделка, и к нему применяются те способы обеспечения исполнения обязательства и защиты, которые действуют в гражданском праве. Бесспорно, в условиях существующего конфликта между сторонами, недоверия ко второй стороне, а также сомнений в ее добросовестности порождает также и сомнения в разумности применения медиации.

Таким образом, на сегодняшний день в Кыргызстане не существует никаких правовых ограничений в применении медиации как альтернативного способа разрешения споров, требуется только желание сторон и включение в заключаемые договора медиативных оговорок.

Институт и практика медиации постоянно развиваются. Закон о медиации достаточно многогранен и предоставляет сторонам конфликта большое «поле» для маневра. Стоит ожидать дальнейшего совершенствования законодательства о медиации в целях раскрытия всего потенциала медиативных процедур. Например, профессиональным сообществом уже ведется обсуждение возможности участия медиаторов в урегулировании претензий кредиторов к контролирующим должника лицам в рамках субсидиарной ответственности по делам о банкротстве, по разрешению путем процедур медиации некоторых административных споров или споров с участием государственных служб. И это далеко не предел возможностей медиации. В свете пандемии коронавирусной инфекции на повестку дня встает вопрос о проведении медиации в режиме «онлайн». Поэтому полагаем, что медиативные процедуры относятся к одним из перспективных направлений развития и совершенствования бизнес-среды, интерес к ним будет только расти. Поэтому мы на постоянной основе ведем мониторинг ключевых трендов развития медиации, чтобы в своей практической деятельности использовать современные инструменты разрешения споров, позволяющие бизнесу экономить время и деньги, достигая при этом оптимальных результатов.

Много проводилось мероприятий с участием государственных служб, судейского корпуса по вопросам применения медиации в разрешении споров, были даже подготовлены законопроекты по разрешению путем процедур медиации некоторых административных споров или споров с участием государственных служб. Сейчас суды активно направляют стороны на медиацию, и для понимания ее сути сами обучаются медиации, а также органы местного самоуправления, где откры-

ваются кабинеты для медиаторов для проведения информационных встреч в судах и в органах местного самоуправления.

Е. Г. Скворцова

Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург;

Е. А. Скворцов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Доля работников животноводства, взаимодействующих с технологиями искусственного интеллекта и киберфизическими системами¹

Аннотация. В статье анализируется реализация концепции «Цифровое сельское хозяйство». Основной целевой показателем концепции — доля «рабочих мест, связанных с информационными технологиями, обработкой данных и киберфизическими системами (интернет вещей) на селе», которая должна составлять не менее 20 % в 2024 г. В настоящее время численность работников животноводства, непосредственно взаимодействующих с роботами, составила 0,37 % их общего количества, или 0,1 % всех занятых в сельском хозяйстве. Это позволяет сделать вывод, что темпы создания рабочих мест по взаимодействию с киберфизическими системами, в том числе робототехникой и технологиями искусственного интеллекта, можно охарактеризовать как недостаточные.

Ключевые слова: сельское хозяйство; трудовые ресурсы; робототехника; киберфизические системы; искусственный интеллект.

По данным Международной организации труда (МОТ), доля сельскохозяйственных рабочих в общей численности рабочей силы сократилась с 81,0 % до 48,2 % в развивающихся странах и с 35,0 % до 4,2 % в развитых странах к 2014 г. Нехватка людей, работающих на фермах, становится устойчивой повсеместно. В Азиатско-Тихоокеанском регионе, особенно в Японии, число людей, работающих на фермах, сократилось с 2,2 млн в 2004 г. до 1,7 млн в 2014 г.² Значительное сокращение численности рабочей силы примерно на 12,8 % наблюдается и в европейском сельскохозяйственном секторе. Такое сокращение численности рабочей силы наблюдается из-за того, что молодые люди не ста-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00457 А «Разработка теоретико-методологических основ трансформации социально-трудовых отношений в сельском хозяйстве в условиях развития цифровой экономики».

² *Agriculture; plantations; other rural sectors.* — URL: <https://www.ilo.org/global/industries-and-sectors/agriculture-plantations-other-rural-sectors/lang--en/index.htm> (дата обращения: 14.04.2022). См. также: [2].

новятся фермерами, считают это непривлекательным, а нехватка квалифицированных кадров поощряет внедрение технологий автоматизации сельского хозяйства. В этих условиях фермеры все чаще применяют робототехнику и технологии искусственного интеллекта для снижения дефицита работников [1; 3; 6]. Доильные роботы являются одним из самых успешных и важных нововведений в системе молочного животноводства [5].

Методы исследования. Основным нормативным-правовым документом, направленным на регулирование цифровизации сельского хозяйства, является «Концепция «Научно-технологического развития цифрового сельского хозяйства «Цифровое сельское хозяйство»¹. В качестве целевого показателя в ней используется показатель «рабочих мест, связанных с информационными технологиями, обработкой данных и киберфизическими системами (интернет вещей) на селе», которая должна составлять не менее 20 % в 2024 г.

Основная цель исследования — выполнить анализ доли работников, взаимодействующих с технологиями искусственного интеллекта и киберфизическими системами в животноводстве.

В соответствии с обозначенной целью можно выделить следующие задачи исследования:

- выполнить анализ количества работников, занятых в сельском хозяйстве;
- установить количество работников, взаимодействующих с киберфизическими системами в животноводстве;
- рассчитать долю работников, взаимодействующих с киберфизическими системами в животноводстве.

В качестве основных методов исследования будет использован анализ статистической информации из открытых источников. В основном будут использованы данные Министерства агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области и Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. Для расчета доли будут использованы общэкономические методы.

Следует отметить медленные темпы социального развития сельских территорий, определяющие ухудшение социально-демографической ситуации [4]. Наблюдается отток трудоспособного населения в крупные города, особенно молодежи, что приводит к дефициту квалифицированных кадров в сельском хозяйстве Свердловской области.

¹ Концепция «Научно-технологического развития цифрового сельского хозяйства „Цифровое сельское хозяйство“». — URL: <http://www.viapi.ru/download/2018/Цифровое%20сельское%20хозяйство.pdf> (дата обращения: 15.04.2022).

Если на 1 января 2017 г. в сельской местности проживало 665,4 тыс. чел. (15,4 % от всего населения региона), то на 1 января 2021 г. численность сельского населения сократилась до 639,3 тыс. чел. (или 14,9 %). При этом в сельском хозяйстве занята лишь небольшая часть проживающих в сельской местности (см. рисунок).

Рис. 1. Доля сельского населения Свердловской области, работающего в организациях сельского хозяйства, %

Как видно по данным рисунка, доля сельского населения, работающего в сельском хозяйстве, снизилась с 4,32 % в 2016 г. до 4,15 % в 2020 г. При этом непосредственно в сельскохозяйственном производстве доля занятых работников снизилась с 3,68 % в 2016 г. до 3,43 % в 2020 г. от общей численности населения сельских территорий.

Представляется целесообразным рассмотреть структуру работников, занятых в сельском хозяйстве (см. таблицу).

Структура работников сельского хозяйства Свердловской области, %

Категория работников	2016	2017	2018	2019	2020
Трактористы-машинисты	18,31	19,26	18,10	17,61	16,93
Операторы машинного доения, дояры	12,10	12,82	11,90	11,29	11,28
Скотники крупного рогатого скота	14,05	15,25	14,54	15,98	16,01
Работники свиноводства	3,00	3,10	2,91	2,14	1,84
Работники птицеводства	8,04	8,43	7,81	8,88	8,41
Руководители	8,32	8,59	8,52	8,07	8,22
Специалисты	14,73	14,68	15,01	15,14	15,46
Работники, занятые в подсобных промышленных предприятиях и промыслах	17,04	12,96	16,07	16,27	17,63
Работники торговли и общественного питания	4,35	4,82	5,06	4,52	4,12
Непосредственно взаимодействующие с роботами	0,07	0,07	0,08	0,10	0,10

Как видно из таблицы, структуру занятости работников сельского хозяйства Свердловской области можно охарактеризовать как традици-

онную. Наибольшую долю в ней занимают работники, занятые в подсобных промышленных предприятиях и промыслах (17,6 %), трактористы-машинисты (16,9 %) и различного рода специалисты (15,5 %), к которым относятся ветеринары, агрономы, бухгалтера и другие сотрудники. При этом доля работников, непосредственно взаимодействующих с роботами, является низкой и составляет всего 0,1 % в 2020 г.

Одним из основных показателей Концепции «Научно-технологического развития цифрового сельского хозяйства „Цифровое сельское хозяйство“»¹ является «доля рабочих мест, связанных с информационными технологиями, обработкой данных и киберфизическими системами (интернет вещей) на селе», которая должна составлять не менее 20 % в 2024 г. Однако в настоящее время численность работников животноводства непосредственно взаимодействующих с роботами составила 0,37 % от общего их количества, или 0,1 от всех занятых в сельском хозяйстве. Это позволяет сделать вывод, что темпы внедрения киберфизических систем, в том числе робототехники и технологий искусственного интеллекта, можно охарактеризовать как недостаточные.

Библиографический список

1. Малетин В. Применение автоматизированных систем в отрасли животноводства // Экономика и социум. — 2019. — № 3 (58). — С. 280–283.
2. Мамычев А. Ю., Склярова С. А. Цифровизация и роботизация сельского хозяйства в современном Китае: основные приоритеты, направления инновационной политики государства // Advances in law studies. — 2020. — Т. 8, № S5. — С. 139–155.
3. Сосенков А. В. Эффективные тренды Четвертой промышленной революции: промышленность и сельское хозяйство // Теория и практика мировой науки. — 2021. — № 1. — С. 45–50.
4. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию: ежегодный доклад по результатам мониторинга 2013 г. Отчет о НИР (протокол № 41 от 6 декабря 2013 г.) / Л. В. Бондаренко, Л. В. Мигачева, Л. Н. Микляева и др. — М.: Росинформагротех, 2014. — 268 с.
5. Стадник А. Т., Шелковников С. А., Матвеев Д. М. Модернизация сельскохозяйственного производства: реалии и перспективы // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. — 2010. — № 9 (71). — С. 100–105.
6. Butsenko E., Kurdyumov A., Semin A. Intelligent automation system on a single-board computer platform for the agro-industrial sector // Mathematics. — 2020. — Vol. 8, no. 9. — Art. no. 1480.

¹ Концепция «Научно-технологического развития цифрового сельского хозяйства „Цифровое сельское хозяйство“». — URL: <http://www.viapi.ru/download/2018/Цифровое%20сельское%20хозяйство.pdf> (дата обращения: 15.04.2022).

К. И. Сорока

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Экстремизм как государственная и общественная проблема: вопросы правоприменения

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы противодействия экстремизму и определяется специфика проблем в данной сфере. Автором предлагаются возможные пути решения проблем с учетом сложившейся общественной ситуации и существующих механизмов противодействия.

Ключевые слова: экстремизм; экстремистская деятельность; радикализация; противодействие экстремизму.

В настоящее время проблема борьбы с экстремизмом относится к числу важнейших, ибо без какого-либо социального или национального согласия в стране невозможно в полной мере обеспечить ее процветание и правопорядок, а также, что немаловажно, спокойствие и уверенность граждан в том, что реально и в полной мере будут обеспечиваться и защищаться права и свободы. В условиях радикализации общественных отношений молодежи, когда растет количество вооруженных нападений, совершаемых в образовательных учреждениях, так называемый рост преступлений типа скулшутинг, особое внимание должно уделяться не только вопросам правового, но и культурного воспитания граждан.

Экстремизм представляет собой не только приверженность к крайним взглядам и радикальным методам действий, но и особый тип мышления, при котором лицо допускает противоправное деяние как способ решения проблемы. Это, как правило, формируется не в один день, а является результатом длительного процесса пропаганды определенного рода взглядов. Экстремизм может распространяться в рамках деятельности как организаций (например, политической или религиозной направленности), так и отдельных лиц. Если раньше более распространенной формой экстремистской деятельности была провокация массовых беспорядков, то сегодня все чаще мы сталкиваемся с индивидуальной противоправной деятельностью конкретных лиц, направленной на решение их личных проблем¹.

¹ Громова Н. С. Глокализация как вызов современному обществу в условиях экстремизации // Диалог культур в контексте образовательной деятельности: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Набережные Челны, 11 декабря 2019 г.). — Набережные Челны: НГПУ, 2020. — С. 83–86.

Экстремизм выражается в разных формах: от тех, которые, на первый взгляд, не выходят за рамки закона до общественно опасных, угрожающих безопасности целых государств.

Проблема противодействия экстремизму, несмотря на смену политических режимов и форм власти, остается на сегодняшний день одной из актуальных во всем мире. Согласно ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» под экстремизмом понимается ряд действий, таких как публичное оправдание терроризма и иная другая террористическая деятельность; побуждение человека к социальной, национальной и религиозной розни; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов и т. д. Так, можно отметить, что экстремистская деятельность очень разнонаправленна, однако в любой форме она несет серьезную угрозу обществу и государству. В связи с этим противодействие экстремизму должно носить комплексный характер.

Вопросам противодействия экстремизму в настоящее время все большее внимание уделяется со стороны государственных и правоохранительных органов, поскольку достаточно часто экстремистские проявления влекут смерть невинных людей, подрывают веру граждан в безопасность своей жизни и государства. Экстремистская деятельность проявляется в отношении совершенно различных субъектов: властных структур, отдельных политиков и их объединений, социального строя или социальных групп, религиозных общин или религиозных деятелей, наций, народностей. Отсюда и разные формы экстремизма: экстремизм националистический, религиозный, молодежный.

В настоящее время, когда по всему миру происходят многочисленные экстремистские выступления и с каждым годом их становится только больше, более актуальным становится вопрос адекватного правоприменения в этой сфере. Адекватный характер мер является залогом успеха в борьбе с данным видом преступлений, поскольку любое злоупотребление в рамках ограничения прав граждан негативно воспринимается членами современного общества и может привести только к обратному эффекту.

Если обратиться к статистике, представленной МВД и ВС в 2022 г., можем отметить, что в период с 2019 по 2022 г. число официально зарегистрированных преступлений террористического характера стремительно растет. Так, в 2020 г., по сравнению с 2019 г., экстремистская деятельность выросла на 42,4 %, а за 2021 г. число преступлений экстремистского характера выросло на 27 %. При этом нельзя не заметить, что возраст преступников-экстремистов значительно снижается.

Почему же это происходит? На наш взгляд, одной из главных проблем правоприменительных действий вступает допустимый возраст получения огнестрельного оружия в государстве. Исследователи отметили прямую пропорциональную взаимосвязь между строгостью законодательных ограничений на владение огнестрельным оружием и его применением в процессе террористических атак. В странах, где ограничений меньше, многие используют доступное любому гражданину огнестрельное оружие, что повышает количество потенциальных преступников без специальной подготовки. Мы понимаем, что экстремист, который имеет специальные знания и доступ к иным средствам, может самостоятельно изготовить оружие массового поражения. Однако под влиянием общественных настроений и личных проблем молодые люди в силу повышенной восприимчивости используют наиболее доступные средства — расстрел сверстников, которые нанесли обиду. Более того, при необходимости длительной подготовки террористического акта многие бы отказались от его совершения, не стали бы его совершать.

Возраст получения огнестрельного оружия относительно незначителен — его могут приобрести граждане, достигшие 18 лет. Представляется, что повышение возраста и усложнение процедуры получения разрешения на ношение оружия могли бы снизить рост спонтанного экстремизма, продиктованного не идеологическими предпосылками, а личными проблемами. Для решения данной проблемы стоит увеличить возрастной ценз на приобретение или ношение огнестрельного оружия: с 18 лет до 21 года. Можно сделать так, чтобы получение и ношение оружия разрешалось по прохождении определенного этапа в жизни, к примеру, окончания высшего учебного заведения или поступления на официальную работу.

С другой стороны, одной из немаловажных проблем является общедоступность и открытость средств массовой информации, которая выступает ключом для остальных предпосылок распространения негативных настроений в обществе. Но, стоит заметить, что правоохранительными органами хоть и реализуется комплекс мер по выявлению экстремистских настроений и принятию необходимых профилактических мер в молодежной среде, этого оказывается недостаточно в силу специфики молодежного интернет-общения. Ведь именно с помощью интернет-пространства распространяются призывы к экстремизму и иной противоправной деятельности. Дело в том, что в силу специфики действующего законодательства не представляется возможным ограничить весь сомнительный контент, отдав контроль за его размещением, например, модераторам ресурсов.

Стоит уделить внимание и улучшению средств и способов обнаружения преступлений, которые будут помогать правоохранительным

органам достаточно быстро находить посты, связанные с экстремистской деятельностью. Представляется возможным подключить к этому процессу общественные молодежные организации. В данном аспекте противодействия важно соблюдать баланс между разумным ограничением и злоупотреблениями. Общественный контроль мог бы выступить своеобразным фильтром подозрительного контента.

Для улучшения работы органов правопорядка стоит обратить внимание и на новые передовые технологии, позволяющие проводить анализ контента без привлечения человека. Важно при этом как обновлять оборудование, так и нанимать на работу высококвалифицированных специалистов и постоянно повышать их квалификацию, поскольку преступники находят все новые и новые средства, позволяющие обходить существующие барьеры.

И не стоит забывать о проблеме, которую нужно решать на самом начальном этапе. Это работа организаций, через которые проходит каждый гражданин в процессе своего общественного развития. В частности, именно социальные институты, которые влияют на формирование личности, являются условием правильного отношения к существующим нормам. Члены общества, если не будут активными участниками жизни государства, не смогут содействовать государству в решении указанной проблемы. Экстремизм невозможно искоренить путем исключительно совершенствования законодательства, нужно вести работу по развитию правосознания граждан.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в настоящее время проблема экстремизма является острой. И решение этой проблемы не может быть осуществлено исключительно при помощи работы правоохранительных органов и государства как источника правовых норм. С одной стороны, следует принимать меры по ужесточению наказаний за экстремистскую деятельность, расширяя круг ограничений, приводящих к росту преступлений в данной сфере. Но, с другой стороны, нужно больше внимания уделять вопросам реализации прав граждан, чтобы социальный климат стал более благоприятным. Роль самого общества в решении проблем правоприменения в отношении преступлений экстремистской направленности очень велика и первостепенным становится не только качество самих норм, но и желание граждан им осознанно следовать.

А. В. Сысоев, Т. В. Сысоева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Проблемы взаимодействия публичного и частного права при защите конституционных прав личности на стадии исполнительного производства

Аннотация. Статья посвящена вопросам взаимодействия публичного и частного права, возникающим при защите конституционных прав личности на стадии исполнительного производства. Несовершенство нормативно-правовых актов, регулирующих данные правоотношения, приводит к вынесению неправильных судебных решений. В статье предлагаются меры, которые будут способствовать совершенствованию законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: исполнительский сбор; конституция; судебный пристав; имущество; срок для добровольного исполнения; исполнительное производство.

Право гражданина владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом гарантируется Конституцией РФ, а также гражданским кодексом РФ. В гражданском процессе выделяется такая стадия, как исполнительное производство. Она наступает после того, как решение суда вступило в законную силу. Целью данной стадии гражданского процесса является обеспечение надлежащего исполнения решения суда. Сторонами исполнительного производства являются взыскатель и должник. Процедура исполнительного производства возлагается на судебного пристава-исполнителя. Одним из основных принципов исполнительного производства является принцип соразмерности объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения. Законодательством РФ установлен срок для добровольного исполнения должником требований взыскателя. В соответствии с ч. 12. ст. 30 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон № 229-ФЗ) срок для добровольного исполнения составляет пять дней с того дня, когда должник получил постановление о возбуждении исполнительного производства.

Если должник в течение пяти дней не выплатит всю сумму задолженности по исполнительному производству, на должника будет наложен исполнительский сбор. Понятие исполнительского сбора, а также порядок его расчета определены в ст. 112 Закона № 229-ФЗ. В соответствии со ст. 112 Закона № 229-ФЗ: «исполнительский сбор является денежным взысканием, налагаемым на должника в случае неисполнения им исполнительного документа в срок, установленный для добровольного исполнения исполнительного документа, а также в случае неиспол-

нения им исполнительного документа, подлежащего немедленному исполнению, в течение суток с момента получения копии постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства. Исполнительский сбор зачисляется в федеральный бюджет. Исполнительский сбор устанавливается судебным приставом-исполнителем по истечении срока, указанного в ч. 1 настоящей статьи, если должник не представил судебному приставу-исполнителю доказательств того, что исполнение было невозможным вследствие непреодолимой силы, т. е. чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. Постановление судебного пристава-исполнителя о взыскании исполнительского сбора утверждается старшим судебным приставом. Исполнительский сбор устанавливается в размере семи процентов от подлежащей взысканию суммы или стоимости взыскиваемого имущества, но не менее одной тысячи рублей с должника-гражданина или должника — индивидуального предпринимателя и десяти тысяч рублей с должника-гражданина или должника — индивидуального предпринимателя уста­навли­вается в размере 5 тыс. р., с должника-организации — 50 тыс. р.».

По поводу правовой природы исполнительского сбора в юридической науке ведутся споры. Одни ученые утверждают, что исполнительский сбор является одним из видов налогов, взимаемых для покрытия расходов на работу судебного пристава-исполнителя. Другие считают, что исполнительский сбор является одним из видов штрафа, который взимается с целью дисциплинировать должника. Есть и такое мнение, согласно которому исполнительный сбор — это обязательный платеж, налог на взыскание, которое производится принудительно [1].

Однако, обращаясь к Закону № 229-ФЗ, можно увидеть, что в перечне оснований для возмещения расходов по исполнительным действиям, которые были затрачены в рамках производства, исполнительского сбора нет.

В научной статье «К вопросу о правовой природе института исполнительского сбора» З. В. Иванова указывает следующее: «на основании изложенного, учитывая несколько подходов к правовой природе исполнительского сбора, мы считаем правильным говорить об исполнительском сборе как о мере административного принуждения, применяемой в связи с принудительным исполнением решения суда» [2]. Данную позицию считаем наиболее правильной.

Относительно правовой природы исполнительского сбора Конституционный суд РФ в постановлении от 30 июля 2001 г. № 13-П дает

разъяснения, согласно которым можно сделать вывод, что сумма, которая исчисляется в размере семи процентов от взыскиваемых по исполнительному документу денежных средств, относится, к видам принуждения, которые налагаются по причине несоблюдения требований установленных в законе.

Таким образом, согласно данной правовой позиции конституционного суда РФ, взыскание с должника исполнительского сбора является штрафной санкцией, которая устанавливается за нарушение сроков, предусмотренных для добровольного погашения требований исполнительного акта.

Конечно, данная принудительная мера не может быть применима самовольно судебным приставом-исполнителем. Необходимо выяснить обстоятельства, в силу которых должник не смог выполнить данное требование в назначенный срок. Поэтому сам должник должен предоставить судебному приставу-исполнителю необходимые документы, которые будут доказывать уважительные причины, вследствие чего он не исполнил данные требования. Конечно, первой причиной вынесения постановления о наложении взыскания в виде исполнительского сбора будет являться истечение временного срока, назначенного для добровольного выполнения данных требований. Также немаловажное значение имеет сам факт уведомления должника о том, что в отношении него возбуждено исполнительное производство, это обстоятельство должно быть подтверждено документально и содержаться в материалах исполнительного производства. При рассмотрении вопросов о законности вынесения постановления об исполнительском сборе, суд обязан проверить и всестороннее изучить данные документы. Если судом будет установлено, что в деле отсутствуют документы, подтверждающие уведомление должника, это обстоятельство должно расцениваться как существенное нарушение прав и законных интересов должника со стороны должностных лиц, а именно со стороны судебных приставов-исполнителей и должно являться бесспорным основанием для отмены данного постановления.

Как нами уже отмечалось выше, законом установлен срок для добровольного исполнения требований — пять дней. В случае, если задолженность по исполнительному производству составляет большую сумму, то заплатить ее в течение пяти дней будет очень трудно. Также, и оплата исполнительского сбора будет представлять для должника большую трудность. Одной из уважительных причин неуплаты исполнительского сбора может служить непреодолимая сила. Понятие непреодолимой силы нашло свое отражение в нормах гражданского законодательства, как обстоятельство чрезвычайное и непредотвратимое. Под непреодолимой силой в судебной практике понимается, например, сти-

хийные бедствия, или тяжелая болезнь. Бремя доказывания такого обстоятельства ложится на плечи самого должника. Сам факт отсутствия имущества, на которое может быть обращено взыскание по действующему законодательству не является уважительной причиной и, следовательно, основанием для освобождения от уплаты исполнительского сбора.

Есть еще одна уважительная причина неисполнения требований исполнительного документа в установленный срок это установление отсрочки, то есть приостановка исполнения судебного акта. Это законное право, которым может воспользоваться должник при наличии определенных обстоятельств. В этом случае неисполнение требований по исполнительному производству не может расцениваться как умышленные действия должника.

В соответствии с ч. 7 ст. 112 Закона № 229-ФЗ: «Суд вправе с учетом степени вины должника в неисполнении в срок исполнительного документа, имущественного положения должника, иных существенных обстоятельств отсрочить или рассрочить взыскание исполнительского сбора, а также уменьшить его размер, но не более чем на одну четверть от размера, установленного в соответствии с ч. 3 настоящей статьи».

Исходя из данных норм права следует, что тяжелое материальное положение и тот факт, что у должника нет имущества, на которое возможно наложение взыскания, являются основаниями лишь для уменьшения исполнительского сбора лишь на одну четверть, либо для предоставления рассрочки уплаты исполнительского сбора.

В соответствии с п. 75 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», при применении положений п. 7 ст. 112 Закона № 229-ФЗ об освобождении должника от взыскания исполнительского сбора судам следует исходить из того, что основанием освобождения субъекта предпринимательской деятельности от наложения взыскания считаются только те обстоятельства, которые связаны с непреодолимой силой (п. 3 ст. 401 ГК РФ).

Другие лица могут быть освобождены от уплаты исполнительского сбора исходя из положений п. 1 ст. 401 ГК РФ, если они приняли все меры для соответствующего выполнения требования, содержащегося в исполнительном документе. Если такие меры не принимались, то отсутствие у должника, в том числе органа государственной (муниципальной) власти или бюджетного (муниципального) учреждения, необходимых средств для выполнения требований исполнительного документа само по себе не является основанием для освобождения от уплаты исполнительского сбора.

Вместе с тем, понятие: «все возможные меры для надлежащего исполнения обязательства» подробно в законе не описано. Если обратиться к судебной практике, то отсутствие у должника имущества суды в РФ не учитывают в качестве основания для освобождения от уплаты исполнительского сбора.

Так, например, Белорецкий межрайонный суд Республики Башкортостан в решении от 17 марта 2017 г. по гражданскому делу № 2а-688/2017 указал следующее: «Признавая, что у судебного пристава-исполнителя имелись основания для взыскания с администрации сельского поселения Серменевский сельсовет исполнительского сбора, суд вместе с тем, принимает во внимание, что административным истцом предпринимались меры к исполнению решения суда, решение суда не исполнялось своевременно в связи с отсутствием финансирования расходов по исполнению решения суда. Иное означало бы наложение на должника денежного взыскания без учета таких существенных обстоятельств, как степень вины, а также имущественного положения должника. При таких обстоятельствах, исследовав и оценив представленные в материалы дела доказательства в их совокупности, принимая во внимание установленные по делу обстоятельства, суд считает, что исполнительский сбор, установленный судебным приставом-исполнителем, подлежит уменьшению».

Данная позиция суда представляется нам неправильной. На наш взгляд, тот факт, что у должника нет имущества и доходов, на которые может быть обращено взыскание необходимо признавать основанием для полного освобождения от уплаты исполнительского сбора, а не для уменьшения его размера. Полагаем, что отсутствие в законодательстве четкого перечня мер, направленных на погашение задолженности по исполнительному производству в пятидневный срок, приводит к вынесению неправильных судебных решений, и к нарушению прав должника. Например, если у должника из доходов имеется лишь пенсия по инвалидности, и отсутствует имущество, которое можно продать, то какие меры он может принять для погашения задолженности в пятидневный срок? Кроме того, установленный законом пятидневный срок для погашения задолженности считаем недостаточным. Полагаем, что срок для погашения задолженности должен зависеть от размера задолженности. Если сумма задолженности большая, то ее невозможно уплатить за пять дней.

Таким образом, для совершенствования законодательства в данной области предлагаем внести в Закона № 229-ФЗ следующие изменения:

1) установить в качестве основания для освобождения от уплаты исполнительского сбора факт отсутствия у должника имущества, на которое может быть обращено данное взыскание;

2) установить различный срок для добровольного исполнения требований исполнительного документа в зависимости от размера задолженности.

Библиографический список

1. Закарлюка А. В. Срок для добровольного исполнения; миф или реальность // Исполнительное производство. — 2010. — № 2. — С. 24.
2. Иванова З. В. К вопросу о правовой природе исполнительского сбора // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2014. — Т. 14, № 4. — С. 94–97.

Л. Ф. Шайбакова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Правовое обеспечение государственного финансового контроля в бюджетной сфере

Аннотация. Статья систематизирует и представляет совокупность нормативно-правовых актов Российской Федерации, регламентирующих внутренний и внешний государственный финансовый контроль над целевым и рациональным использованием бюджетных средств.

Ключевые слова: правовое регулирование; внешний финансовый контроль; внутренний финансовый контроль; бюджетные средства.

Изучением вопросов, связанных с соблюдением законности и эффективным использованием бюджетных средств посвящены научные труды большой совокупности ученых исследователей. Среди которых особо следует отметить труды Р. В. Колесова [3], Л. И. Сергеева [5], А. Л. Скифской и ее коллег [4], изданные в последние годы. Однако, несмотря на наличие определенной научной основы, до настоящего времени в достаточной степени не разработаны необходимые положения в законодательных и нормативно-правовых документах Российской Федерации

Конституция Российской Федерации главный правоустанавливающий документ, который формирует систему функционирования центральной власти, порядок ее организации и деятельности, в том числе и в области финансов страны. Бюджетный кодекс РФ был принят на основе правовой базы, содержащейся в Конституции России. Он регулирует парламентский, внешний, внутренний государственный контроль.

Совокупность федеральных законов регулируют организацию парламентского, внешнего и внутреннего государственного финансового контроля в Российской Федерации. К ним следует отнести: № 77-ФЗ «О парламентском контроле», регулирующий парламентский контроль за использованием бюджетных средств; № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации», № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований», № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», регламентирующие внешний финансовый контроль; № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», Жилищный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовный кодекс Российской Федерации, которые содержат нормы, касающиеся осуществления внешнего и внутреннего государственного контроля в бюджетной сфере.

Федеральные законы преимущественно регулируют внешний государственный финансовый контроль. Внутренний государственный финансовый контроль регулируется нормативно-правовыми актами исполнительных органов государственной власти. Особое внимание финансовому контролю (государственному и муниципальному) уделяется в Бюджетном кодексе РФ. Бюджетный кодекс РФ состоит из пяти частей, которые, в свою очередь, содержат 30 глав, а главы содержат в себе статьи, их всего 307. Таким образом, выстраивается организационная система финансового контроля. Бюджетный кодекс регулирует отношения между лицами участвующих в формировании, распределении и расходовании бюджетных средств, устанавливает разграничение компетенций органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов России и органов местного самоуправления в области регулирования бюджетных отношений.

Основными формами парламентского контроля в соответствии с Федеральным законом 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» выступают: заслушивание отчетов Центрального банка РФ, а также докладов Председателя Центрального банка по основным направлениям денежно-кредитной политики в стране; осуществление мероприятий по предварительному, текущему и последующему парламентскому контролю в сфере бюджетных правоотношений.

Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации», регулирует отношения, в результате деятельности Счетной палаты Российской Федерации. Он содержит пять глав и 43 статьи. Данный закон устанавливает статус Счетной палаты

как постоянно действующего высшего органа внешнего государственного аудита (контроля), подотчетного Федеральному Собранию, а также организационно, финансово, функционально независимой. Счетная палата осуществляет внешний контроль за государственными средствами, а также в соответствии со своими компетенциями может бороться с коррупцией. Она взаимодействует с контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, налоговыми органами, Центральным Банком и другими организациями.

Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» устанавливает общие принципы организации, деятельности и основных полномочий контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и контрольно-счетных органов муниципальных образований.

Федеральное казначейство в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 703 «О Федеральном казначействе» наделено функциями по осуществлению предварительного и текущего контроля за ведением операций со средствами федерального бюджета главными распорядителями, распорядителями и получателями средств федерального бюджета, по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере. Исполнительные органы государственной власти в пределах своих полномочий принимают свои нормативные правовые акты в установленной сфере деятельности. Так, например, Министерством финансов РФ издан приказ от 7 сентября 2016 г. № 356 «Об утверждении методических рекомендаций по осуществлению внутреннего государственного финансового контроля».

На региональном уровне правовое регулирование государственного финансового контроля осуществляется:

— законодательными органами государственной власти субъектов РФ — путем принятия законов субъектов РФ, регулирующих организацию внешнего государственного финансового контроля;

— высшими исполнительными органами государственной власти субъектов РФ — путем принятия нормативных правовых актов, регулирующих организацию внутреннего государственного финансового контроля.

На муниципальном уровне правовое регулирование муниципального финансового контроля осуществляется: исполнительно-распорядительными органами местного самоуправления — в отношении организации внутреннего муниципального финансового контроля.

Данная система нормативных правовых актов, включающая федеральные законы, законы субъектов РФ, нормативные правовые акты

исполнительных органов государственной власти федерального и регионального уровней, а также муниципальные правовые акты, составляет правовую основу государственного финансового контроля в бюджетной сфере. Она хорошо схематизировано представлена в работах А. К. Измоденова [1; 2].

Государственный финансовый контроль играет огромную роль в реализации эффективной финансовой политики государства и региона. Его основная задача, заключается в целесообразности и эффективности распределения и использования бюджетных средств. Законодательное регулирование государственного финансового контроля в Российской Федерации является многоуровневым. Следует отметить, что в настоящее время в Российской Федерации нет единого закона по всем аспектам финансового контроля. Отсутствует единый принцип управления, поэтому необходимо продолжать совершенствовать законы о финансовом контроле.

Прежде всего в нормативном акте следует закрепить основы организации и проведения государственного финансового контроля. В нем могут быть определены понятие и принципы финансового контроля; органы финансового контроля и их функции, сферы деятельности и порядок взаимодействия; перечень нарушений и недостатков, выявляемых финансовым контролем; порядок принятия контрольных мер. Кроме того, предлагаем в ст. 6 Бюджетного кодекса РФ внести понятие «эффективность использования бюджетных средств», так как в ст. 28 кодекса был выделен данный принцип бюджетной системы России.

Целесообразно также разработать Информационный портал «Прозрачный бюджет», в котором можно было бы наблюдать за ходом расходования бюджетных средств. Таким образом, объект, получивший бюджетные средства для реализации деятельности, мог бы оперативно отчитываться об их использовании, а органы государственного финансового контроля, оперативно осуществлять мониторинг реализации государственных средств. Также данная мера полезна для повышения доверия между органами власти и граждан страны.

Библиографический список

1. *Измоденов А. К.* Бюджетный контроль: учебник. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2014. — 282 с.

2. *Измоденов А. К., Колоткина О. А.* Правовое обеспечение государственного финансового контроля и аудита в бюджетной сфере: учеб. пособие. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. — 94 с.

3. *Колесов Р. В.* Эффективное и ответственное управление региональными и муниципальными финансами: актуальные проблемы и пути их решения: монография — Ярославль: ПКФ «СОЮЗ-ПРЕСС», 2020. — 180 с.

4. *Нормативно-правовые и организационные основы финансового контроля и аудита: монография* / А. Л. Скифская, Л. В. Ребышева, К. Н. Скифская, Ю. П. Савицкая. — Стерлитамак: АМИ, 2019. — 128 с.

5. *Сергеев Л. И.* Государственный аудит: учебник. — М.: Юрайт, 2020. — 271 с.

Е. Г. Шеина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

**К вопросу о финансировании стартапов
в рамках национального проекта РФ
«Малое и среднее предпринимательство и поддержка
индивидуальной предпринимательской инициативы»**

Аннотация. Статья посвящена проблеме доступности источников финансирования для субъектов малого и среднего предпринимательства в целом, и вновь созданных малых предприятий — стартапов — в частности. Актуальность темы обусловлена общими внешними и внутренними факторами функционирования экономической системы страны в настоящий момент и возросшей неопределенностью финансового результата показателей национальных целей развития.

Ключевые слова: финансирование; стартап; социально ориентированная государственная программа; национальный проект Российской Федерации; финансовые меры поддержки; субъекты малого и среднего предпринимательства; финансовые ресурсы.

Предпринимательский сектор в Российской Федерации характеризуется преобладающим количеством микропредприятий, и незначительной долей средних предприятий, что подтверждает специфические особенности развития российского бизнеса, факты нечастого «выращивания» идеи от стартапа (начальной бизнес-модели) до уровня хотя бы среднего предприятия, не говоря о стремлении полноценного роста до уровня корпорации (группы компаний) или же отдельной компании. Рост количества предприятий по РФ наблюдается именно в сегменте микро, тогда как среди малых и средних предприятий остается практически неизменным [1, с. 17; 2, с. 158].

Начиная с 2014 г. в отношении Российской Федерации были введены санкции от зарубежных стран-партнеров, что не могло не сказаться на общем состоянии экономики страны, темпах развития российского бизнеса в целом, и сектора малого и среднего предпринимательства в частности, и способствовало началу затяжного финансово-экономического кризиса, который еще более усугубился событиями 2020–2022 гг. в связи с введением карантинных мер по поводу пандемии — распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19,

а также общей экономической изоляцией страны в связи с началом спецоперации.

В табл. 1 представлены количественные показатели по стартапам — вновь созданным субъектам малого и среднего предпринимательства, а также их динамика роста с общим количеством малых и средних предприятий по РФ за период с 2017 по 2022 г. Эти вновь созданные предприятия и есть стартапы — «зерно» российского бизнеса, источником эволюции развития которого они должны стать в будущем при достаточном, своевременном и адекватном финансировании.

Т а б л и ц а 1

**Количественные показатели стартапов
с 2017 по 2022 г.**

Период	Общее количество субъектов МСП, ед.	Вновь созданные субъекты МСП, ед.	Доля в общем количестве субъектов МСП, %	Темп роста вновь созданных субъектов МСП, %
10.01.2017	5 865 780	1 090 081	18,58	—
10.01.2018	6 039 216	1 113 312	18,43	102,13
10.01.2019	6 041 195	1 133 926	18,76	101,85
10.01.2020	5 916 906	1 062 132	17,95	93,67
10.01.2021	5 684 561	822 672	14,47	77,45
10.01.2022	5 866 703	1 024 821	17,47	124,57

Таких стартапов среди субъектов малого и среднего предпринимательства в РФ стабильно около 18 %. Однако кризисные явления 2020 г., карантинные меры негативно повлияли на динамику стартапов за 2020 г., и на 10 января 2021 г. их количество сократилось на 3,5 %. Таким образом, проблема привлечения финансовых ресурсов для развития стартапов, повышение интереса инвесторов в данный сегмент с точки зрения вложения средств является актуальной и одной из первостепенных задач развития финансирования и мер государственной поддержки субъектов малого предпринимательства в Российской Федерации.

Задачи национальной политики Российской Федерации в направлении развития субъектов малого и среднего предпринимательства, а также вовлечения в предпринимательскую деятельность, отражены в Национальном проекте «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»¹. Предста-

¹ Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». — URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy (дата обращения: 20.04.2022).

вим обзорную экспертизу рассматриваемого национального проекта, который реализуется до 2024 г. включительно и формулирует стратегические приоритеты, реализуемые посредством достижения ряда показателей, среди которых в рамках исследования финансирования стартапов уместно выделить следующие:

— количество вновь созданных субъектов малого и среднего предпринимательства (стартапов) — 861,3 тыс. ед. в 2021 г., с увеличением до 1 067,5 тыс. ед. к 2024 г.¹;

— объем консолидированной финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства — 881,9 млрд р. в 2021 г., с увеличением до 920,9 млрд р. к 2024 г.²

Национальный проект Российской Федерации «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» структурно оформлен в виде нескольких федеральных проектов, среди которых необходимо отметить проект «Предакселерация», предусматривающий меры государственной поддержки для начинающих малых предприятий, и проект «Акселерация», предусматривающий меры государственной поддержки для действующих малых предприятий.

В рассматриваемых федеральных проектах предусмотрены следующие меры финансовой поддержки:

1) предоставление грантов начинающим малым социальным предпринимателям;

2) предоставление комплексной финансовой поддержки (в том числе через сеть государственных микрофинансовых организаций) — как для стартапов (начинающих малых предприятий, осуществляющих деятельность менее одного года, так и для действующих малых предприятий, осуществляющих деятельность более одного года);

3) расширение доступа к финансированию, в том числе на базе крауд-платформ.

Таким образом, в Российской Федерации наблюдается стабильное усиление интереса со стороны государства к развитию и полноценному включению в инвестиционный процесс таких его участников, как начинающие и действующие малые предприятия, крауд-платформы, а также

¹ *Федеральный проект «Создание условий для легкого старта и комфортного ведения бизнеса» (Предакселерация).* — URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/predakseleraciya (дата обращения: 20.04.2022).

² *Федеральный проект «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства».* — URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/akseleraciya_subektov_ms (дата обращения: 20.04.2022).

государственные микрофинансовые организации, созданные на базе федеральных и региональных институтов развития малого бизнеса [3].

В табл. 2 представлены реализуемые в настоящий момент и планируемые к реализации до 2024 г. в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» меры государственной финансовой поддержки для начинающих малых предприятий (стартапов) и действующих малых предприятий посредством расширения доступа к льготному финансированию при помощи государственных микрофинансовых организаций и крауд-платформ. Данные меры поддержки безусловно будут способствовать усилению взаимодействия между указанными субъектами, что также возможно транслировать и в других странах — например, в молодых государствах с недостаточно развитой системой мер поддержки бизнеса со стороны государства, особенно в части финансовой составляющей, и инфраструктурой финансовых институтов, а также стимулированием роста стартапов.

Т а б л и ц а 2

Приоритетные меры государственной финансовой поддержки субъектов малого предпринимательства в Российской Федерации

Результат	2021	2022	2023	2024	Характеристика результата
Для стартапов (начинающих предприятий, осуществляющих деятельность менее одного года)					
Предоставление начинающим предпринимателям микрозаймов государственных микрофинансовых организаций, ед.	3 924	4 203	4 431	4 731	Государственным микрофинансовым организациям обеспечено предоставление микрозаймов для начинающих малых предприятий, осуществляющих деятельность менее одного года, не менее 10% в структуре общего действующего портфеля микрозаймов микрофинансовых организаций на отчетную дату
Начинающим субъектам малого и среднего предпринимательства, оказаны комплексные услуги или предоставлена финансовая поддержка в виде грантов, ед.	3 450	4 500	5 400	6 240	К 2024 г. количество уникальных социальных предприятий, получивших финансовую поддержку в виде грантов, составит не менее 6,24 тыс. субъектов социального предпринимательства

Результат	2021	2022	2023	2024	Характеристика результата
Для действующих предприятий, осуществляющих деятельность более одного года					
Субъектам малого и среднего предпринимательства обеспечено предоставление микрозаймов государственными микрофинансовыми организациями — количество действующих микрозаймов, тыс. ед.	38,9	41,6	43,9	46,8	Государственным микрофинансовым организациям обеспечено предоставление микрозаймов (до 5 млн р. на срок до трех лет по льготной ставке от 0,1 % до 10,6 %, в зависимости от отрасли и направленности проекта). К 2024 г. количество действующих микрозаймов государственных микрофинансовых организаций составит не менее 46 тыс. ед.
Субъектам малого и среднего предпринимательства обеспечен доступ к доступному финансированию с помощью крауд-платформ, в том числе с использованием мер поддержки, млрд р.	0,5	0,9	1,4	1,9	Расширено использование механизмов доступа к крауд-платформам

Примечание. Составлено по: *Федеральный проект «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства»*. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/akseleraciya_subektov_ms (дата обращения: 20.04.2022); *Федеральный проект «Создание условий для легкого старта и комфортного ведения бизнеса» (Предакселерация)*. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/predakseleraciya (дата обращения: 20.04.2022).

Финансовая поддержка государственных микрофинансовых организаций и государственных крауд-платформ не предусмотрена рассматриваемым автором в настоящей статье Национальным проектом во временном периоде с 2021 по 2024 г., что связано с большим объемом бюджетных средств, выделенных социально ориентированным финансовым институтам, в частности, государственным микрофинансовым организациям, в рамках оказания неотложных мер поддержки бизнесу в 2020 г. связи с возникновением новой коронавирусной инфекции COVID-19. Таким образом, на уровне национальных целей развития задекларирована необходимость организации взаимодействия государственных микрофинансовых организаций и вновь образованных стартапов, что обуславливает неизбежность и правильность усиления их взаимодействия.

С целью возможности управления возникающими в процессе финансовой деятельности вновь созданных начинающих предприятий —

стартапов — финансовых рисков необходимо уделить особое внимание разработке и формированию эффективной системы их управления [4, с. 1065].

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что ключевыми проблемами, характерными для функционирования субъектов малого предпринимательства в РФ в настоящий момент, можно обозначить следующие:

- отсутствие мотивации и достаточности финансирования для роста из малого бизнеса в средний и далее в крупный;
- негибкость и недостаточная сбалансированность налоговой системы;
- избыточная отчетность и документооборот;
- высокие зарплатные налоги и отчисления во внебюджетные фонды;
- значительная доля «теневого» бизнеса;
- высокая административная нагрузка;
- ограниченные возможности для беззалогового кредитования, а также для кредитования по льготным процентным ставкам.

Библиографический список

1. *Абзалова А. М.* Ограничение прав и свобод человека и гражданина в международно-правовом измерении: теоретико-правовой анализ // Правда и закон. — 2019. — № 1 (7). — С. 16–20.
2. *Изюмов И. В., Темирбулатова А. А.* Примирительные процедуры (медиация) как способ досудебного восстановления платежеспособности хозяйствующего субъекта // Евразийский юридический журнал. — 2019. — № 3 (130). — С. 157–159.
3. *Чучалова И. Ю., Паюсов А. А.* Оценка эффективности мер по стимулированию инвестиционной активности малого предпринимательства // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. — 2022. — № 1 (69). — URL: <https://eee-region.ru/article/6910> (дата обращения: 25.04.2022).
4. *Шейна Е. Г., Курдюмов А. В.* Система управления финансовыми рисками: теоретико-методологический аспект // Экономика и предпринимательство. — 2019. — № 9 (110). — С. 1064–1068.

И. Д. Ягофарова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Соотношение публичных и частных интересов при реализации экономических прав субъектов в современных условиях

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты соотношения экономических прав субъектов и государственных интересов. Итогом проведенного краткого анализа является вывод, что государство, используя соответствующие меры, должно учитывать баланс интересов субъектов в целом.

Ключевые слова: экономические права и свободы; ограничение прав и свобод человека; государственные интересы; баланс интересов; пределы ограничений.

Тема прав и свобод человека является одной из наиболее актуальных в теории и практике, поскольку эта ценностная категория современного миропорядка заявлена в законодательстве многих государств, эффективность соблюдения и реализации которой определяет вектор развития государств и их правовых систем. Экономические права и свободы человека в современных условиях выходят на передовой план в связи с тем, что возможность их осуществления становится все более сложной в силу обстоятельств последних нескольких лет. Согласно теории прав и свобод человека, определенные права и свободы человека являются абсолютными и не могут быть ограничены ни при каких условиях, к примеру, право на свободу от пыток и т. д. Другие же права и свободы могут быть ограничены в зависимости от объективных условий.

Это абсолютно не противоречит международному и внутригосударственному законодательству, где предусмотрена подобная возможность для реализации государственно-значимых целей. Но до сих пор остается актуальным вопрос о мере ограничений, об их пределах, за рамками которых ограничение может считаться неправовым.

В современных условиях, когда государства поставлены в очень сложные условия необходимости принятия мер по защите граждан и национальной безопасности, все чаще государства, в частности Россия, прибегают к ограничениям прав человека с целью нейтрализовать последствия присутствующей угрозы [3].

Это все непосредственно касается и экономических прав субъектов в сфере предпринимательской деятельности. Достаточно часто можно встретить исследования авторов по проблемам малого и среднего бизнеса в России [1; 6], по мерам государственной поддержки [2] и т. д. Это говорит о необходимости пристального внимания к экономи-

ческим вопросам как со стороны государственных органов, так и со стороны научно-практического сообщества для выработки эффективной модели развития МСП в России.

С теоретической позиции ограничения экономических прав и свобод субъектов представляют собой уменьшение вариантов дозволенного поведения, путем установления таких границ, которые вынуждают субъекта приспосабливаться к оставшимся возможным вариантам.

С практической позиции это выражается в формировании новых требований и правил, зачастую представляющих сложность для субъектов. Кроме того, вводятся новые меры юридической ответственности для субъектов, что также устанавливает дополнительные барьеры при осуществлении их деятельности. Императивность, а также ее степень зависят от сферы регулирования. В результате, все чаще субъекты сталкиваются с тем, что осуществляя предпринимательскую деятельность, они так или иначе рискуют нарушить публичный интерес, ибо ограничений деятельности становится все больше и больше.

Примером могут быть постоянно меняющиеся требования к условиям регистрации ИП, которые определяют новые условия к размеру прибыли, организационным документам, что приводит, зачастую, к тому, что, будучи зарегистрированным в качестве ИП, субъект, спустя определенное время, таковым уже не является, что влечет штрафные санкции. Также постоянно меняются налоговые требования, режимы¹, формы отчетности, что также создает ощутимые сложности для субъектов малого и среднего бизнеса.

Обозначенные обстоятельства свидетельствуют о том, что вводимые государством меры по ограничению экономических прав и свобод субъектов экономических отношений, должны быть четко мотивированы и соответствовать целям, указанным в ст. 55 Конституции РФ. Кроме того, ограничения должны быть обдуманы, соразмерны и разумны.

К примеру, современные процессы, связанные с международными условиями и санкциям, представляют угрозу не только для самих граждан, общества, но и для благополучия государства в целом, что заставляет его идти на определенные меры, связанные, в том числе, и с введением дополнительных ограничений. Например, введены ограничения на осуществление резидентами РФ сделок с иностранными лицами недружественных государств, что установлено Указом Президента РФ от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской

¹ АСН — новый режим налогообложения в 2022 г. — URL: https://nalog-nalog.ru/nalogovaya_sistema_rf/kakim-budet-novyy-nalogovyy-rezhim-dlya-malogo-biznesa (дата обращения 05.05.2022).

Федерации». Постановлением Правительства от 9 марта 2022 г. № 311, № 313 утвержден перечень товаров, вывоз которых из РФ запрещен до 31 декабря 2022 г. и т. д.

При введении ограничительных мер, государство должно использовать только те, которые в наименьшей степени затрагивают экономические права и свободы субъектов экономических отношений, ибо это напрямую влияет на развитие экономики государства в целом.

Кроме того, нужно помнить о том, что ограничения прав и свобод человека вводятся с целью обеспечения национальной безопасности и интересов государства в целом, что предусматривает, в том числе, и защиту резидентов.

При введении ограничений, разумеется, должен учитываться принцип «адекватного баланса интересов» [5], смысл которого в том, что в основе любого права лежит интерес как непосредственно самого субъекта, так и государства. Для достижения оптимального сочетания публичного и частного интересов при реализации экономических интересов субъектов, государство должно обеспечить и объективную, и субъективную составляющие процесса. Для этого необходимо наличие четко сформулированной стратегии развития различных форм предпринимательства, в которой отражены последовательные и слаженные действия государственных органов, направленные на поддержку и развитие различных форм предпринимательской деятельности. Как показывает практика, развитие не только крупного, но и малого и среднего бизнеса ведет к устойчивости всей экономической системы государства. В современных условиях это особенно важно, что подчеркивается на всех уровнях.

Обеспечение оптимального соотношения публичного и частного интересов при реализации экономических прав и свобод, может предотвратить дестабилизацию отношений в сфере экономики, связанную с современными объективными обстоятельствами и будет способствовать активизации внутренних экономических отношений [4].

Библиографический список

1. Васильчук О. И., Голиков О. И., Голикова О. В. Оценка развития субъектов малого и среднего бизнеса и перспективы его развития // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2020. — Т. 2, № 3. — С. 15–30.
2. Дмитриева Е. О., Архипов П. А. Исследование эффективности мер государственной поддержки сектора МСП в РФ в период пандемии COVID-19 // Studnet. — 2021. — № 1. — С. 15–32.
3. Елфимова Е. В., Коркин А. В. Административное принуждение как средство обеспечения экономической безопасности // Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности: материалы Всерос.

науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17 мая 2018 г.). — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та 2018. — С. 199–203.

4. *Колоткина О. А.* Приоритеты обеспечения национальной безопасности в контексте интересов личности: конституционно-правовой анализ // Российская юстиция. — 2018. — № 8. — С. 8–10.

5. *Лерхе П.* Пределы основных прав // Государственное право Германии: в 2 т. — М.: Дрофа, 2004. — Т. 2. — С. 234–239.

6. *Рахманова М. С.* Проблемы развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2021. — Т. 13, № 3. — С. 53–61.

Содержание

Анисимов А. Л. Проблемы обеспечения баланса экономических и правовых интересов налогоплательщиков и налоговых органов.....	3
Анисимова М. А. Антимонопольное регулирование как инструмент развития инновационных процессов в агросекторе	7
Баженова М. Г. Антимонопольный комплаенс: инструмент, исключающий ответственность юридического лица и снижающий риски совершения нарушений.....	12
Баркова Д. М. Проблемы развития конкуренции и антимонопольного законодательства в условиях согласования общественных интересов и личных прав граждан	17
Бахтеева Е. И., Зеленина О. Л. Уголовная ответственность за незаконный игорный бизнес (уголовно-правовой и криминологический аспекты) ...	23
Бельдина О. Г. Проблемы наследования цифровых прав по пользовательскому соглашению.....	29
Бурлака С. Н. Банкротство юридических лиц: проблемы правового регулирования	32
Головизнин А. В. Юридическая ответственность за вред, причиненный роботом.....	36
Голубова В. М., Логинова Д. А., Павлова Ю. Д. Совершенствование системы оценки регулирующего воздействия государства	39
Громова Н. С., Меньшикова О. А. Актуальная образовательная политика в условиях цифровой трансформации как синтез частных и публичных интересов	43
Громова Н. С. Вопросы соотношения публичных и частных интересов при реализации прав граждан в сфере экономики	48
Елфимова Е. В. Правовое регулирование и порядок расследования микроповреждений (микротравм) работников	52
Кожевников О. А. Экономическая основа местного самоуправления как пример баланса публичных и частных основ российского права	56
Колоткина О. А. Трансформация приоритетов и баланса частных и публичных интересов в сфере обеспечения экономической безопасности: ретроспективный анализ	61
Курдюмов А. В. Правовое регулирование системы контроля в сфере закупок в Российской Федерации.....	66
Малкеров В. Б. Цифровизация и рассмотрение споров, вытекающих из трудовых правоотношений	70
Мансуров Г. З. Понятие киберфизических систем.....	75

Маргынено И. Э. Об эффективности сочетания гражданско-правовых и публично-правовых средств противодействия реабилитации нацизма	78
Мещерягина В. А., Махмутова А. З., Головина В. Ф. Некоторые особенности изменения уставного капитала организации — оператора обмена цифровых финансовых активов	83
Мещерякова В. В. Понимание дискредитации как формы недобросовестной конкуренции в практике судов арбитражной системы	88
Нургалеева Ю. Р. Проблемы взаимодействия публичного и частного права в области налогообложения деятельности адвокатов	92
Обоскалов Д. А. Предпосылки принятия Федерального закона «Об экономической экспертизе»	98
Пащук Е. О. Антимонопольное регулирование в эпоху цифровой экономики: проблемы и решения	102
Прощалыгин Р. А. К вопросу о возможности осуществления права собственности на ценные бумаги военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации	107
Свалова Н. А. Проблемы установления объема преждепользования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов	113
Сейтказиева Г. Ч. Медиация как современный способ разрешения коммерческих споров: возможности и риски	117
Скворцова Е. Г., Скворцов Е. А. Доля работников животноводства, взаимодействующих с технологиями искусственного интеллекта и киберфизическими системами	123
Сорока К. И. Экстремизм как государственная и общественная проблема: вопросы правоприменения	127
Сысоев А. В., Сысоева Т. В. Проблемы взаимодействия публичного и частного права при защите конституционных прав личности на стадии исполнительного производства	131
Шайбакова Л. Ф. Правовое обеспечение государственного финансового контроля в бюджетной сфере	136
Шейна Е. Г. К вопросу о финансировании стартапов в рамках национального проекта РФ «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»	140
Ягофарова И. Д. Соотношение публичных и частных интересов при реализации экономических прав субъектов в современных условиях	146

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА
ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

М а т е р и а л ы

V Международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 19 мая 2022 г.)

Печатается в авторской редакции и без издательской корректуры

Компьютерная верстка *Н. И. Якимовой*

Поз. 72. Подписано в печать 03.10.2022.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать плоская.

Уч.-изд. л. 9,0. Усл. печ. л. 8,8. Печ. л. 9,5. Заказ 530. Тираж 12 экз.

Издательство Уральского государственного экономического университета

620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии

Уральского государственного экономического университета

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ